

ЛУИ БАРДО

Элен

и ребята 2

2

МИНСК
ЛИТЕРАТУРА
1996

Элен сидела у себя на постели, в комнате общежития, когда раздался телефонный звонок. Так как Лоли и Аделины в это время тут не было, то Элен пришлось отложить в сторону учебник и самой взять трубку.

— Да. Я слушаю, — сказала Элен.

— Это Аделина? — послышался голос Николая.

— Нет, это Элен, — удивленно сказала девушка. — Ты что, меня не узнал?

— Не узнал, — неизвестно чему обрадовался Николай, — потому что Жозе недавно возился с нашим телефонным аппаратом. Была плохая слышимость... Так что богатой будешь, — заключил Николай.

— Обязательно, — согласилась Элен. — А тебе кто нужен, милый мой? Аделина?

— Да нет, — смутился Николай. — Как раз ты и нужна. Приходи как можно быстрее в «гараж».

Тут надо сделать некоторое отступление и пояснить: «гаражом» ребята называли небольшое полуподвальное помещение, в котором проходили репетиции университетской рок-группы. Ее руководителем был Николай, парень Элен. Он играл на гитаре, еще в составе группы были клавишник Жозе, бас-гитарист Себастьян, ударник Кристоф и специалист по бонгам Е-е. Аделина встречалась с Жозе, Себастьян ухаживал за Лоли, Роза любила Е-е, а у Кристофа пока не было постоянной девушки, поэтому он мог себе позволить менять девушек, как перчатки. И, честно говоря, ему это очень нравилось.

По дороге в «гараж» Элен думала о том, зачем же она все-таки так срочно понадобилась. Но ни до чего не додумалась. «Ладно, — решила она. — Приду в «гараж» — там и разберемся».

Чуть ли не подбежав к двери, Элен рывком распахнула ее. Навстречу сразу же шагнул Николай. В руках он держал аудиокассету, которую без долгих раздумий протянул Элен.

— Вот, — сказал Николай. — Держи.

— Что это? — удивилась Элен и взяла кассету, потом положила ее в сумочку.

— Наш второй магнитоальбом, — пояснил Николай, и с гордостью добавил: — Он намного лучше первого, который, как ты знаешь, так и не увидел свет. Ну ничего. То была работа для себя. Так сказать, упражнения в музицировании.

— Мы не жалеем, — вставил Себастьян.

— Я неплохо поизощрялся на синтезаторе, — ухмыльнулся Жозе.

— А я вволю постучал на ударных, — заулыбался Кристоф.

— Бонги — это тоже замечательно, — счел необходимым «отметиться» и Е-е.

— Ну, хватит, — решительно сказал Николая. — Неужели так и будем расхваливать сами себя?

— Почему бы и нет? — раздул щеки Себастьян, делая вид, что слова Николая задевают его за живое. — Кто это сделает лучше нас?

— Уж никто. Это точно, — засмеялась Элен. — Такие непревзойденные гении в музыке, как вы...

— Могут поистине все, — закончил за нее мысль Жозе. — Я ведь прав?

— Прав, черт тебя подери, — беззлобно сказал Николая. — Но хватит паясничать...

— Да? — скорчил рожицу Жозе. — Однако ты сам начал...

— Однако-однако... — передразнил его Кристоф.

Николая с довольным видом потер руки.

— Друзья! — воскликнул он. — Если я неправ, то так прямо и скажите. Вы же знаете, я всегда прислушиваюсь к мнению большинства.

— И правильно делаешь, — констатировала Элен. — Так, в конце концов, кто-нибудь объяснит мне толком, зачем вы меня позвали?

— Ну, разумеется! — воодушевился Николая. — Только пускай эти обормоты больше меня не перебивают... Так вот, — продолжил он. — Тот, первый наш инструментальный магнитоальбом остался, как бы это получше сказать, в архивах нашего ансамбля. В наших загашниках, образно говоря. Разумеется, за исключением моей песни «Если ты есть...», которую ты еще раньше записала вместе со звукорежиссером Джоном, тем симпатичным и толковым американцем. Помнишь?

— Разумеется, помню! — обрадовалась этому воспоминанию Элен. — Мы записали эту песню тайком, в студии продюсера Томаса Фовы...

— На твои отличные слова, Элен...

— Я переселяюсь в твой сон, в тишину твоих глаз... — сразу же запела Элен. — А ведь неплохо, правда?

— Просто блеск! — подхватил Е-е. — Не зря она заняла тогда в хит-параде пятнадцатое место. — Слышали, как я там?... — не удержался Себастьян. — Согласитесь, что круто...

— Да ну тебя, — отмахнулся Е-е. — Я тебе как-то уже говорил. Твоей партии никто толком и не заметил. Вот я — это совсем другое дело.

— Перестаньте, — поморщилась Элен. — Вы же знаете, что во всем этом заслуга не только всей группы, не только моя, но и Джона. Ведь именно благодаря ему песня попала в хит-парад...

— А Джон все-таки молодец, что ушел от Фовы, — сказал Кристоф. — Он и вправду в фирме «СБР» как сыр в масле катается. Деловой. Солидный. Ходит с «дипломатом».

— Да-а, — мечтательно протянул Е-е. — Фирма звукозаписи «СБР» — это ведь звучит, а? Согласитесь... Звучит!..

— Но как был хорошим человеком, так и остался им, — продолжал Кристоф. — Помню, как он только ушел от Фовы и уже начал работать в «СБР», мы с ним столкнулись случайно на улице. Он так обрадовался, принялся мне руку пожимать. Говорит: «Как хорошо, Кристоф, что я тебя встретил! Как там ребята? Как Элен?».

— Ты это уже сто раз рассказывал, — заулыбался Жозе. — Может, у тебя старческий склероз? — пошутил он.

— Старческий маразм, — с радостью подхватил Е-е.

— Ну, вы сейчас выведете меня из терпения, — Кристоф сделал вид, что разозлился, и даже попробовал сжать кулаки.

— Успокойтесь, — миролюбиво сказала Элен. — Не хватало еще, чтобы вы разбили друг другу носы...

— А что? — заулыбался Себастьян. — Говорят, что в прежние века некоторые врачи считали умеренное кровопускание достаточно полезным.

— Возможно, — согласился Николая, впрочем, тут же перешел в наступление, умело направляя разговор в требуемое русло: — Но мы опять отвлеклись от темы.

— Эти лирические отступления доконают кого угодно, — вздохнула Элен.

— Вот-вот, — улыбнулся Николая. — Короче говоря, Элен, на нашем втором магнитоальбоме пока сплошная инструменталка. Все вещи новые. За исключением песни «Если ты есть...», которую мы решили тут оставить. Тем более, что она совсем немного звучала по радио и еще никому не успела надоесть.

— Даже наоборот, — вставил Себастьян.

— Всем нравится, — встрял Е-е.

— И музыка... — расплылся в ухмылке Жозе.

— И слова... — закатил глаза к потолку Кристоф.

— Хватит паясничать! — резко оборвал музыкантов Николая. — Дайте вы договорить до конца или нет?

— Валяй, — снисходительно согласился Кристоф.

И все дружно, как по команде, заулыбались.

— То, что вы решили оставить эту песню «Если ты есть...», очень разумно, — задумчиво произнесла Элен. — Это только повысит интерес к магнитоальбому.

— Ну, а остальные песни... — Николая вздохнул, словно собираясь с духом, потом выпалил в один момент: — Остальные песни споешь ты, Элен, — и, не давая ей опомниться, сам постарался ответить на возможные вопросы: — Если хочешь, некоторые тексты можешь написать сама. А можешь и использовать готовое. У нас как раз подобраны хорошие стихи Кокто, Элюара, Кено и других поэтов. Держи!

Он протянул Элен блокнот, в котором были записаны стихи к песням рок-группы.

Элен перелистала странички.

— О-о! — удивилась она. — А это что? К двум мелодиям ты сам написал стихи?

— Стихи — это слишком громко сказано, — потупил глаза Никола, словно какая-нибудь старомодная девица. — Там просто тексты.

— Не скромничай! — воскликнула Элен. — Есть очень интереснее строчки... Взять хотя бы такую... «Я люблю тебя и сердцем, и душою, и кончиками пальцев...» Хорошо сказано!

— Да ладно, — сказал Никола, но лицо его радостно просияло. По всему было видно, что «выстрел» Элен попал в цель.

— А где мы будем записывать эти песни? — мгновенно «забыв» о заоблачных высях поэзии, деловито осведомилась Элен.

— Как это где? — удивился Никола. — Я думал, ты уже догадалась... Конечно же, в студии Джона... На «СБР»... И, разумеется, вместе с ним. Ведь он — великолепный звукорежиссер. Разве не так?

— Ясное дело, что так, — кивнула Элен. — Ведь во многом благодаря Джону даже «Электроулыбка» того сноба-композитора Фовьена получилась... Мы начинали над ней работать именно с Джоном... И хотя это не мой стиль, но ведь получилось же!

— Факт! — расцвел Никола и добавил уже серьезнее: — Если и тут постараться, то получится. Может получится неплохой магнитоальбом.

— Просто потрясный, — не удержался Себастьян.

— Если над ним серьезно поработать, — заметила Элен.

— Серьезно — это не обязательно долго, — вставил Е-е. — «Роллинг Стоунз», к примеру, многие свои вещи вообще записывали прямо на концертах.

— Ты имеешь в виду их альбом «Кресло шамана»? — уточнил Кристоф. Он вообще любил все уточнять.

— Не только его, — сказал Е-е. — Да ты и сам знаешь.

— До «Роллинг Стоунз» нам далеко, — серьезно сказал Никола. — Но стремиться стать такими, как они, конечно же, необходимо, — сразу добавил он.

— По уровню мастерства, — уточнил Кристоф.

— Ну ты и зануда, — не выдержал Е-е. — Твои уточнения могут кого хочешь вывести из состояния равновесия. «Роллинги» есть «Роллинги». Этим все сказано.

— Знаешь ли, Е-е, — сказал Жозе, — все-таки Кристоф прав. Хотя он и зануда, но пускай... У каждого человека должно быть свое лицо. Каждый должен отличаться от других. Быть индивидуальностью. И каждый ансамбль должен отличаться от другого... У него тоже должно быть свое лицо. Свой стиль. Свое направление.

— Свой имидж, — добавила Элен. Никола только усмехнулся:

— Не обращай внимания, Элен. Ребята иногда любят поговорить. Музыка ведь общения не заменяет.

— Хотя и способствует ему, — вставил Кристоф.

— Никто с этим не спорит, — не выдержал Е-е. — Мы все хорошо знаем, что без музыки человек вообще не может жить.

— Жить, пить, есть, любить красивых девушек и женщин, — снова воодушевился Кристоф.

— У тебя одни только девушки на уме, — заметил Себастьян.

— А что в этом плохого? — округлил глаза Кристоф.

— Да ничего плохого в этом нет, — авторитетно заявил Никола. — Без девушек и женщин этот мир стал бы совсем серым...

— Мы раскрасим его своей любовью, — язвительно подхватил Е-е. — Мы расцветим его семью цветами любовной радуги... — продолжал он.

— Ну, ты и язва, Е-е, — добродушно сказал приятелю Кристоф. — Ну, ты и язва...

— От зануды слышу, — в тон ему ответил Е-е.

— Вы еще не устали выяснять отношения? — Элен с улыбкой смотрела на музыкантов. — Неужели так-таки и нечем больше заняться?

— Да, теперь им есть чем заняться, — сказал Себастьян. — Будут в поте лица своего работать над новым, третьим магнитоальбомом. Да и в кафе поиграть придется. Все не просто так. Каждый франк дается с трудом.

— Это точно, — на удивление, в один голос произнесли Е-е и Кристоф.

— Будет чем заняться и мне, — вздохнула Элен. Потом повернулась к Никола. — Милый, ты позвонишь Джону? И скажешь, когда мы начнем работать над альбомом?

— Я ему уже позвонил, — хитро сощурился Никола. — За тридцать минут до твоего прихода в «гараж». Он ждет нас. Можем отправляться к нему хоть сейчас.

— Как? — притворно изобразила возмущение Элен, затем всплеснула руками. — Значит, ты заранее был уверен, что я соглашусь? Что я тебе не откажу?

— Зачем же тебе не соглашаться со мной? — посмотрел в ясные глаза Элен Никола. — Разве я предлагаю что-нибудь плохое? Я всегда предлагаю только хорошее. Мне никогда нельзя отказывать. К тому же, для тебя эта запись тоже очень многое значит.

— Как и для всех вас, — добавила Элен. — Для всех музыкантов ансамбля.

— Ну что ж, — вздохнул Никола. — Значит, я тем более оказался прав. Мы все повязаны одной веревочкой.

— Мы все — единое целое, — не смог не уточнить Кристоф.

— Один — за всех, и все — за одного, — тут же передразнил его Е-е. — Таков, кажется, принцип мушкетеров?..

— Ну ты и вредный, Е-е, — сказала Элен. — Ну в самом-то деле... Разве так можно?

В эту самую минуту дверь «гаража» резко распахнулась, и в помещении молнией влетела раскрасневшаяся Роза.

— Мой любимый Е-е! — радостно закричала она и бросилась парню на шею.

— Да хватит тебе, — смущенно сказал Е-е. — Мы же совсем недавно виделись...

— Я уже успела по тебе соскучиться, — заявила Роза. — И, кроме того, я соскучилась по обеду. Веди меня как можно скорее поесть. На меня напал дикий жор!

— Она меня просто убивает своей непосредственностью, — заулыбался Кристоф. — Хорошую девчонку этот охломон подцепил!

— Пусть завидуют нам холостяки, — промурлыкала Роза и еще крепче прижалась к Е-е.

— Отстань, — добродушно улыбаясь, сказал ей Е-е. — Хорошо, уговорила. Сейчас пойдем обедать.

— Да, мы и в самом деле все не прочь перекусить, — сказал Никола. — Уже время обедать. Аида в студенческое кафе.

— Ну, поплыли, — согласилась Элен. — Действительно, надо сначала пообедать. А потом поедем в студию к Джону, — она повернулась к Никола. — Я правильно говорю, мой повелитель, мой плут и обманщик?

— Правильно, моя звездочка, — в тон ей ответил Никола.

И вся дружная компания направилась в студенческое кафе.

2

В студенческом кафе было шумно и весело. Здесь царил непринужденная, раскованная атмосфера. Куда ни поглядишь — повсюду только молодые лица. Когда вся жизнь, кажется, еще впереди, то любой молодой человек полон радости, оптимизма и любви к окружающим. Весь мир представляется ему сплошным, нескончаемым праздником. Ему кажется, что этот праздник — только в его честь и лишь для него одного. Ему кажется, что все остальные и живут-то только для него одного. Чтобы этот самый молодой человек мог развлекаться, отдыхать, веселиться и лишь изредка — работать или учиться. Так, походя, между делом. Праздник — это и есть настоящее дело. А все остальное — обыкновенная суета сует. Просто ерунда. Зато вся его жизнь, вся жизнь этого молодого человека — истинный праздник. Праздник, который всегда будет с ним.

Так кажется многим молодым людям, девушкам и парням.

Но на самом деле все это — сплошные иллюзии, обман.

Хотя, согласитесь, что и в обмане бывают свои прелести, не так ли? А ложью тоже можно наслаждаться... Особенно, если обманывают не тебя, а ты...

Элен почему-то вспомнила о своем детстве. Вспомнила, как отец приходил после работы домой усталый, раздраженный. Вечерами все в доме не нравилось ему. Все было не так, как надо. Вещи лежали не там, где ему хотелось. И будто мать на ужин приготовила совсем не то, что он хотел бы съесть. По телевизору шли совершенно не те передачи, которые хотелось бы видеть отцу. И Элен разговаривала с отцом абсолютно не тем тоном да и вообще не о тех вещах, какие бы хоть чуть-чуть могли заинтересовать отца.

И тогда отец просто напивался. Это был наилучший выход для него. Да и для всех остальных членов семьи тоже. Красное вино гасило раздражение. Отец становился мягким и добрым — хоть к ране прикладывай. Хотя, конечно, к ране его прикладывать никто не собирался. А вдруг он взорвется внезапно? Характер-то у него вон какой был неуравновешенный!

Ну да ладно, Элен на него все равно никогда не обижалась. Не сердилась ни за что. Отца она любила больше, чем мать, несмотря на его сердитость и раздражение. Мама не могла пройти мимо ни одного человека в штанах. В смысле — спокойно пройти. При одном только виде мужчин, ее начинала колотить мелкая дрожь. И ей очень хотелось приятно провести время с очередным кавалером.

Теперь-то Элен ее не осуждала. Не то, что раньше. Тогда поведение матери, случалось, шокировало ее. Сражало, можно сказать, наповал. Ну, естественно! В то время Элен еще ничего не знала о том, какое удовольствие может получить женщина или девушка в объятиях настоящего крепкого мужика. То есть мужчины, юноши, парня.

Может, Элен сейчас и не очень-то лестно думает о своей собственной матери. Но что поделаешь, если это правда. Какая бы она ни была. Правда — она всегда глаза колет. Это — неумолимый закон.

Очень любила «подгульнуть» мама у Элен. Отца ей не хватало. Не надо было ему столько работать. Утомляться. Раздражаться. Пить. Тогда и с мамой он был бы поласковее. Для женщины ведь это очень важно — мужское внимание. Любая женщина мечтает о гармонии. Не только нежными словами о любви да тугим кошельком живет женщина. Ей непременно нужен настоящий мужик, супермен, с которым забываешь все неприятности дня.

Этого всегда хотелось и матери Элен. Потому что она не была исключением из правил. В те далекие дни Элен пришло на ум сравнение: все мужики — это рыба. А ее мать — это рыбак, который эту рыбу ловит. А потом делает с ней, со своей добычей, все, что только угодно.

Вот и сегодня, когда Элен и ребята только-только ввалились в студенческое кафе, чтобы пообедать, и проходили мимо кухни, как раз дверь была открыта, — очень жарко, душно, — Элен увидела, как работница кафе, вооруженная длинным ножом, разделяет рыбу на столе.

Она брала крупную живую рыбину и несколько мгновений смотрела, как та бьется. Может быть, так нужно было — выждать несколько мгновений. Рыба упиралась в поверхность стола головой и хвостом, вяло, обреченно билась, переворачивалась, шлепалась. Жабры ее вздымались редко, еле-еле приоткрывались и опять закрывались. Потом картинка повторялась. Эпизоды становились назойливыми, одними и теми же, как повторяющиеся кадры в неинтересном, лишенном фантазии мультфильме. Элен с брезгливым ужасом смотрела на эту странную, уродливую агонию. На рыбу, которая выгибалась в руках работницы кафе. На руки этой женщины. На лезвие ножа. На стол, залитый темной кровью. Нечто почти эротическое и оттого еще более отталкивающее было в движениях крупных рук той женщины. Она резким движением хватала рыбу, отсекала ей голову и начинала чистить чешую. Но даже без головы рыбина еще продолжала трепыхаться.

Элен с отвращением отвернулась. Вся компания расселась за двумя столиками.

— Чего ты уставилась на эту рыбину? — сказал Никола, перехватив взгляд Элен. — Первый раз видишь, как ее разделяют, что ли? Такая впечатлительная... Если не нравится, ты можешь не есть рыбу, — добавил он и даже попытался пошутить: — Мы с тобой можем просто надлежащим образом похоронить эту рыбину!

— Не смешно, — отрезала Элен и уставилась теперь на скатерть. На скатерти били красные винные пятна. А может, то были пятна от крови. Трудно сказать наверняка. Одно только можно было утверждать с уверенностью: как следует отстирывать эту скатерть никто не собирался. Черт с ними, с пятнами. Черт с ней, со скатертью. Черт с ним, с красным вином.

— Что-то ты приуныла, — сказала Роза, заглядывая в глаза Элен; они с Е-е тоже устроились за этим столом. — А по-моему, унывать просто глупо. Ведь сейчас мы так вкусно и сытно пообедаем! Ой! — она засмеялась с довольным видом.

— Наемся до отвала, — честно признался Е-е и в предвкушении удовольствия ласково погладил себя по животу.

Тут уж и Элен не выдержала и прыснула. Роза опять засмеялась. Она выглядела столь же непосредственно, как женщина-уборщица в мужском туалете. Почему-то на ум Элен вдруг пришло именно такое сравнение.

«А все-таки как хорошо быть молодой, наивной и бестолковой!» — подумала Элен о Розе, но без малейшей зависти.

— У нас дома никогда не было вдовств еды, — шептала Роза. — А я всегда любила хорошо покушать. И чтобы продуктов побольше... И повкуснее...

— А ты, оказывается, настоящая обжора, — сказал Е-е и округлил глаза. Теперь у него было задумчивое выражение, он стал похож на лемура. — А я и не знал.

— Да. Я вот такая, — согласилась Роза. — Люблю вкусную и здоровую пищу.

— Боже! И с кем только меня свела судьба? — в шутку запрочитал Е-е.

— Я — подарок, — сообщила Роза.

— Вовсе не подарок, — возразил Е-е.

— А вот и подарок! — топнула ножкой Роза.

— Не выдумывай!

— И вовсе я не выдумываю! Я знаю, что говорю, — Роза надула губки; правда, больше, чем три секунды, она выдержать не смогла, и поэтому вскоре опять заулыбалась.

— Хорошо, знаешь, знаешь, — согласился Е-е; на этот раз он решил больше не спорить. — Ты — самая хорошая. И вовсе не обжора.

— Я — самая хорошая, — словно эхо, повторила Роза. — И вовсе не обжора. Разве что только немного сластена, — она хитро прищурилась.

— Да все в этой жизни — сластены, — философски заметил Никола.

— Ты что этим хочешь сказать? — не поняла Роза.

— Только то, что уже сказал.

— Он хочет сказать, — начала терпеливо объяснять Элен, — что все люди любят в жизни обычно сладкое.

— Все любят пирожные? — заулыбалась Жози.

— Не только, — продолжала Элен. — Не только пирожные. Это касается не только еды. Мы все любим, когда что-то в жизни нам доставляет удовольствие. Когда все вокруг сладкое. Сладкие вечеринки. Сладкий отдых. Сладкие грезы. Сладкая жизнь.

— В которой непременно присутствуют такие сладкие девушки, как, например, Роза, — поспешил с комплиментом Е-е.

— А как же без них, — усмехнулся Никола. — Моя Элен еще слаще, чем твоя Роза, — неожиданно ляпнул он.

— Откуда ты знаешь? — моментально наострил уши Е-е. — Ты что, пробовал?

— Да нет, — спокойно ответил Никола. — Я просто так сказал. Для сравнения.

— Чтобы показать, что я слаще всех, — «успокоила» Е-е Элен. — Да не переживай ты так, — добавила она, обращаясь к «специалисту по бонгам», завидев, как на лице Е-е начинает медленно проступать печать сомнения; так же медленно, как начинает проявляться изображение на совсем недавно еще абсолютно чистом листе фотобумаги. — Никола не изменяет мне ни с кем. Правда, Никола? — она повернулась к своему любимому.

— Правда, любимая, — сказал Никола. — Не психуй, Е-е! Я люблю только Элен. А на твою Роза — никогда не положу глаз... Мы ведь все-таки друзья!

Взгляд у Е-е посветлел. Приступ ревности прошел. Человеку сразу полегчало. Это было видно по всему его поведению.

— Я и сам знаю, что Роза принадлежит только мне, — тихо вздохнув, сказал Е-е. — Она никогда не изменяет мне.

— Конечно, родной! — Роза, до этого сидевшая тихо, как мышка, и терпеливо ожидавшая, чем же закончится этот необычный разговор, теперь даже захлопала в ладоши. — Зачем мне тебе изменять? Мне с тобой очень хорошо, очень сладко, — по-детски добавила она и чмокнула Е-е в щеку.

Е-е растаял, словно мороженое на жарком солнце.

— Знаешь, Роза, — сказал Е-е. — Кажется, я только сегодня оценил тебя по-настоящему.

— Да, дорогой? — Роза игриво заглянула ему в глаза.

— Да, дорогая, — ответил Е-е. — Мне приятно было слышать некоторые слова о... э-э-э... моих мужских достоинствах.

— Достоинства у тебя что надо, — скромно потупив глазки, молвила Роза. — Иной девушке такие и во сне не приснятся...

— Конечно, — без тени ложной скромности заявил Е-е. — Я сам знаю себе цену.

— Истинную цену, — с удовольствием добавила Роза; она с наслаждением — чуток, совсем чуток! — поддразнивала Е-е. Но он не заметил иронии в ее голосе. Он все принял за чистую монету.

Впрочем, для некоторых людей — это отменное качество. Принимать все за чистую монету. Независимо от того, так это на самом деле или не так.

Принимай все за чистую монету — и ты будешь жить легко и свободно. Без тени сомнения в душе. Без страха. Без ненужных переживаний, волнений и треволнений.

К черту все сомнения! Живи настоящим! Живи теперь, сейчас, сегодня! А что там когда-то будет — никто не знает. Никто не знает этого на самом деле. Все могут только предполагать. Гадать. Строить карточные домики, возводить замки на песке. Поэтому живи настоящим! Ведь только оно реально!

— Истинной цены не знает никто, — по-философски заметил Николай, — ни себе, ни другим, ни людям, ни вещам. Все меняется в этом мире. Проходит время — и все опять меняется. Потом — снова меняется. Вновь и вновь. И так — до бесконечности. Поэтому проходит время — и истинная цена тоже меняется.

Роза с напряженным вниманием выслушала этот монолог. Потом честно признала:

— Ты очень умный, Николай. Потому-то, я думаю, ты и стал руководителем рок-группы. Тут недостаточно просто хорошо играть на гитаре. Или на каком-нибудь другом инструменте. Надо быть умнее других. Видеть дальше других. Глубже других. Хоть на чуть-чуть. И ты как раз обладаешь этими качествами.

— Не пудри мозги моему Николаю, — спохватилась Элен. — Ты тут заливаешь, какой он весь из себя замечательный, а я? Что ты думаешь, что я буду спокойно сидеть и слушать, как ты вешаешь ему на уши всю эту «лапшу»? Не отбивай у меня парня, Роза! У тебя ведь есть Е-е! Разве тебе его не хватает?

— Хватает, — с присущей молодости нагловатостью бесцеремонно заявила Роза. — Очень даже. Такого же и остальным желаю...

— Но-но! — предостерегающе помахал ей пальцем Е-е. Он не хотел, чтобы девушки поссорились. Одно дело — расточать друг другу комплименты, а совсем другое — когда этих комплиментов — через край. Ведь так легко наломать дров. А зачем? Честное слово, это совсем ни к чему! — Не надо язвить, Роза. Я понимаю, что ты от меня в восторге, — поспешил добавить он, чтобы не обижать свою девушку, ведь как-то надо было избежать возможной ссоры. — Но ведь и Николай, и Элен тоже счастливы! Ведь у каждого — свое счастье!

— Спасибо, Е-е, — засмеялся Николай. — Только мы и сами можем постоять за себя. Вместе с Элен. Просто твоя пташечка еще очень юна и поэтому точно так же, я бы сказал, юно смотрит на мир...

— Молодо-зелено, — улыбнулась и Элен.

Все-таки она была и умнее Розы, и красивее, да и не первокурсница, как-никак. И, конечно же, вовсе не старуха! Стоит ли придавать большое значение неудачной шутке юной девицы? В конце концов, та могла сказать это и произвольно. В том-то, может быть, и состоит прелесть молодости, что молодые живут с постоянными ошибками и при этом бурно радуются такой счастливой и глупой жизни!..

— Ну уж, — сконфузилась Роза и покраснела. Видимо, до нее все-таки дошло, что она вела себя несколько бестактно. — Ты вовсе не старуха, Элен...

— Благодарю за комплимент, — снова улыбнулась Элен.

— Да это правда... Правда, а не комплимент, — добавила Роза.

— Конечно! — с воодушевлением воскликнул Е-е. — Элен оч-чень молода и оч-чень привлекательна...

— Лучше моей Элен, действительно, на всей Земле нет, — Николай нежно взял ее за руку.

— А я думал, ты скажешь: в Париже и на всей Земле.

— Хорошо, — согласился Николай. — Пусть будет так: в Париже и на всей Земле.

— Все это, конечно, замечательно, — вздохнула Роза. — Но мы, в конце концов, будем обедать или нет?

— Роза на этот раз права, — сказала Элен. — Вам и в самом деле надо поменьше говорить...

— И побольше есть, — перебил Е-е.

Все засмеялись и дружно приступили к трапезе.

А трапеза, надо честно сказать, была отменной.

Французская кухня есть французская кухня. Даже если вы обедаете в обыкновенном студенческом кафе, а не в роскошном ресторане, то это сразу почувствуете. Неважно, где вы находитесь: в Париже, Марселе, Бордо или еще где-нибудь во Франции. Будьте уверены в одном: повсюду в этой чудесной стране вы сможете поесть вкусно, сытно и аппетитно.

Элен гордилась французской кухней. Она любила французов, которые эту кухню когда-то придумали. Она любит и тех французов, которые сейчас продолжают совершенствовать эту кухню.

«Боже мой,— подумала Элен, — я до сих пор помню, как мама готовила красный салат... Да... Он так и назывался красный салат, казалось бы, простенькое блюдо, просто-напросто салат. Но ведь до чего вкусный!.. Мама брала краснокочанную капусту, мелко-мелко нарезала, клала в тарелку. Посыпала солью и черным перцем. А потом — перетирали руками. И вот начинал выделяться сок, капуста становилась мягкой, мама заливала капусту смесью уксуса и растительного масла. Потом салат отправлялся на пару часиков в холодильник. И уж после этого мама подавала его к столу... А после салата мы — я, мама и папа уплетали за обе щеки суп «Жюльен», — вспоминала Элен. — Чтобы его приготовить, надо было растопить в небольшой кастрюле сливочное масло. Затем — обжарить в масле мелко нарубленные овощи: репчатый лук, морковь, лук-порей, репу, фасоль в стручках, лущеный горох, щавель... При этом овощи ни в коем случае не должны были потемнеть. И еще мама добавляла капустную кочерыжку. Вливала куриный или мясной бульон, солила и перчила его, варила на небольшом огне около часа... А перед тем, как подать к столу, клала в тарелку с супом сметану... Это было просто объедение, такая вкуснотища!.. Ну, а потом... Что мы ели потом, после этого чудесного супа? Как когда. Или антрекот побретонски, или котлеты «Софи» из телятины, или говядину пошарантски... Но больше всего мне нравилась рыба в фольге, и до сих пор помню, как ароматно пахла сковорода, в которой в растопленном сливочном масле обжаривались лук, петрушка и шампиньоны, буквально несколько минут, до полного испарения жидкости. Затем мама добавляла пшеничную муку и соль, молоко, ждала, пока оно закипит, и варила на небольшом огне до загустения... Папа, случалось, помогал маме готовить это блюдо... Он нагирал рыбное филе солью и черным молотым перцем, обжаривал опять-таки на сковороде, на сливочном масле, с обеих сторон это самое филе... Обычно то была камбала, реже — морской окунь или палтус, смотря что удавалось отцу купить по дороге домой... Потом папа вырезал четыре кусочка алюминиевой фольги, клал на каждый слой грибов, потом — рыбу, потом опять слой грибов, поливал свое творение соусом, загибал углы фольги по направлению к центру «конвертиком» и соединял их. Мама клала сие чудо на противень и ставила в сильно разогретую духовку минут на десять-пятнадцать... Помню, эти минуты тогда казались мне вечностью, я ни-

как не могла дождаться своего любимого деликатеса... Боже мой!.. Кажется, все это вчера было...»

Элен вздохнула с легкой грустью. Этот вздох не ускользнул от внимания Николя.

Он наклонился к Элен:

— Тебе не нравится суп по-нормандски? Или в салате с сыром было слишком много лимонного сока?

— Ах, нет, — тихо ответила Элен. — Все нормально. Просто вспомнила о своем детстве...

— О детстве вообще вспоминать вредно, — «авторитетно» заявил Е-е. Он уплетал помидоры, фаршированные по-провансальски.

— Особенно — за обедом, — поддержала его Роза. Удивительно, как она вообще смогла что-нибудь произнести с набитым ртом. Безусловно, она была «абсолютной чемпионкой» сегодняшнего обеда в кафе, потому что, давно разделавшись с салатом и супом, чуть ли не в бешеном темпе дожевывала котлеты из телятины со сметаной, запивая все это лошадиной дозой — по величине чашки — кофе по-парижски. В чашку с черным кофе Роза умудрилась бухнуть далеко не одну чайную ложечку ликера, который она всегда предусмотрительно носила с собой в сумочке, и влила в кофе почти столько же сливок, сколько и алкогольного «зелья». — Ужас, до чего я люблю вкуснющие обеды, — «разоткровенничалась» Роза, и Элен явственно ощутила в ее дыхании смесь ароматов корейки, топленого масла, душистого перца и лимонного сока...

— Роза. — обратился к подруге Е-е, — а нас ты ликером тоже угостишь, или только о себе думаешь?

— Как ты можешь такое говорить, любимый? — Роза округлила глаза, стараясь изо всех сил изобразить неподдельное изумление. — Я же вовсе не эгоистка, — добавила она, вновь извлекая из своей сумочки «четвертушку» с ликером, которую уже успела туда запрятать. — Пейте на здоровье!

И она водрузила красивую плоскую бутылочку в центре стола.

— А нам тоже хочется! — моментально послышалось из-за соседнего стола, за которым обедали Кристоф, Себастьян и Жозе.

— Всех угощаю! — великодушно махнула рукой Роза. — Обедать так обедать... Но только в следующий раз, чур, не моя очередь...

— Ла-адно, — заявил Кристоф. — В другой раз ликер купит кто-нибудь из ребят.

— Бросим на пальцах, — быстро сориентировался Жозе.

— Будет видно, — уклончиво сказал прижимистый Себастьян, но все на него тут же зашикали, и поэтому он вынужден был произнести: — Ну, ладно, уговорили, я согласен... Только прекратите этот галдеж... А то башка от вашего ора пухнет... Довольно с нас и музыки...

— Репетиции — вещь серьезная, — деловито заявил Е-е. — Правда, Николя? Надо стараться, чтобы выбиться в музыкальные звезды.

— Не бухти, — поморщился Никола. — Дай людям поесть спокойно. Это, понимаешь ли, обед, трапеза, священнодействие.

Он мельком глянул на проглатывавшую последние кусочки пищи Розы, которая, к тому же, усердно запивала их «адской смесью» алкогольного кофе, и добавил:

— Надо кушать с чувством, с толком, с расстановкой...

— Как Розы! — вставил Е-е. Все дружно рассмеялись. Розы ничуть не обиделась. Она лишь повернулась к Е-е и сказала:

— Любимый мой! Я тоже была бы очень-очень рада, если б у тебя был такой же аппетит, как и у меня. Мужчинам, знаешь ли, кушать много весьма полезно. И я на твоём месте больше бы налегала на овощи, на зелень, особенно на петрушку.

— Это еще почему? — искренне удивился Е-е.

— В ней много железа, — весело пояснила Розы.

И все снова засмеялись.

— А что, разве у меня его недостаточно? — с хитрецей поинтересовался Е-е.

— Не сказала бы, что недостаточно, — честно призналась Розы. И, немного подумав, произнесла: — Но я не возражала бы, если б его у тебя было еще больше...

— Ты молодец, Розы, — похвалила подругу Элен. — Глядишь, с твоей помощью из нашего романтического музыканта Е-е со временем получится несгибаемый мужчина...

— Насчет несгибаемого — это ты очень хорошо сказала, Элен, — Никола улыбнулся ей.

— Еще бы! — заулыбался и Е-е. — Хорошо бы, чтобы понятия «парни» и «несгибаемость» — стали неразделимыми...

— В хорошем смысле, — в один голос поддержали мысль Элен, Жозе, Себастьян и Кристоф, сидевшие за соседним столиком. Похоже, они заранее договорились одновременно выкрикнуть эту фразу. В тот же самый момент все остальные студенты, обедавшие в кафе, оглянулись на разухабистую компанию.

— Кажется, мы начинаем привлекать всеобщее внимание, — сказала Элен.

— Похоже на то, — согласился Никола.

— Пора завязывать с обедом, — заявил Е-е. — Надо убыстрять темп... У каждого из нас сегодня еще море работы.

— Ну да, любимый, конечно же, — Розы томно поглядела в глаза так обожаемому ею Е-е.

— У тебя только одно на уме, — сделал вид, будто обиделся, «специалист до бонгам». На самом-то деле он был безмерно счастлив. Ему по-настоящему нравилась Розы. Возможно, он даже любил ее.

— Я приблизительно знаю планы каждого из вас на сегодняшний день, — сказал Никола. — Если понадобится, то разыщу вас...

— Хорошо, — ответил за всех музыкантов Е-е.

— А мы с Элен отправимся к Джону, — продолжал Никола. — Он ждет нас. Постараемся поработать серьезно... Да, дорогая? — адресовал он свой вопрос Элен.

— Да, дорогой, — в тон Никола ответила Элен.

Из кафе ребята и девушки отправились каждый по своим делам.

В тот раз Элен и Никола не попали в студию звукозаписи к Джону. Хотя приехали туда, как и договаривались...

К удивлению Элен и Никола, дверь студии оказалась заперта. Да и на звонки никто не отвечал.

— Смотри, — вдруг сказала Элен, — тут какая-то записка. Она взяла небольшой листок, вырванный из блокнота. Этот клочок бумаги был аккуратно подsunут под дверь, только маленький его краешек торчал, так что сразу и не заметишь.

— Дай-ка мне. — попросил Никола, взял листок, развернул и прочитал вслух: — «Друзья! Прошу меня извинить. Придется запись магнитоальбома отложить на неделю. У меня умерла тетья. Срочно вылетаю на похороны в Нью-Йорк. Увидимся...».

— Значит, Джон улетел в Соединенные Штаты, — пробормотала Элен, и, немного подумав, сказала: — Ну что ж, это только к лучшему. Не смерть тети, разумеется, а то, что у меня еще есть время. Время, чтобы пока самой поработать над альбомом. Послушать его не один раз. Подобрать к музыке стихи, может, написать и свои тексты. Подумать хорошенько надо всеми композициями...

— Может, так и действительно к лучшему, — согласился Никола. — Тебе не надо будет работать впопыхах. Все-таки, что ни говори, а целая неделя — большой срок...

— Да, — ответила Элен. — Это судьба... Она подарила мне неделю для того, чтобы я могла потом как можно лучше записать альбом твоей рок-группы, Никола.

— Что ты сейчас собираешься делать? — спросил Никола.

— Поеду домой, в общежитие, — задумчиво сказала Элен. — Пожалуйста, поймай такси.

— Хорошо, — сказал Никола. — Зря я его отпустил...

— Ничего, — сказала Элен. — Ведь мы же не могли знать, что Джона не окажется на месте.

— Конечно. Он ведь планировал быть тут целый день.

— Жизнь часто нарушает наши планы, — сказала Элен. — Никогда не надо забывать об этом.

— Тут забывай или не забывай, — вздохнул Никола, — а все равно жизнь распорядится по-своему.

— Да. У нее свои законы, и уж меньше всего они зависят от воли людей. Человек только думает, что он управляет жизнью, что он управляет событиями, что он управляет судьбой. На самом деле все совсем не так, все обстоит иначе. Все мы — марионетки, куклы, щепки в руках судьбы.

— Может быть... — Николая посмотрел в ясные глаза Элен. Но все-таки не надо быть такой фаталисткой... я, например, не такой фаталист, как ты... Я считаю, что иногда неизбежного можно избежать...

— Значит, ты считаешь, что тебе на голову может свалиться белый кирпич вместо красного? — усмехнулась Элен. — Это ты называешь — «избежать неизбежного»?

— Ну, ты даешь,— сказал Николая с улыбкой. — Вечно все переиначишь,

— Такой уж у меня характер, мой дорогой, — улыбнулась в ответ Элен. — Поэтому, или вообще не принимай меня, или принимай меня такой, какая я есть.

— Уговорила, — сказал Николая. И замолчал, начав с сосредоточенным видом разглядывать стену студии звукозаписи.

Будто бы у него вдруг пробудился к этому сооружению неподдельный интерес строителя и архитектора современных зданий. Получилось, что пауза затянулась.

— В чем — уговорила? — по-женски не выдержала Элен. — В том, что ты вообще не будешь принимать меня? Или, наоборот, будешь принимать меня такой, какая я есть, не стараясь меня переделать на свой собственный лад?

Николая деланно вздохнул, а затем искренне улыбнулся:

— Моя дорогая Элен! Я всегда, всегда буду принимать тебя только такой, какая ты есть... Я не буду тебя переделывать... Ты довольна ответом?

— Почти, — сказала Элен.

— Почему — почти? — удивился Николая.

— Потому что только дурак может быть всегда и всем доволен. Настоящий человек всегда чем-нибудь недоволен, это — нормальное явление.

— Разумно, — согласился Николая. — Похоже, ты даже умнее, чем я когда-то думал. Я не перестаю удивляться тебе... По-хорошему, разумеется...

— Я рада, мой дорогой, — усмехнулась Элен, — что до сих пор не перестаю тебя удивлять. Это говорит о том, что я обладаю чувством новизны...

— Ты обладаешь не только чувством новизны, но и кое-чем еще, — констатировал Николая и неожиданно обнял Элен, прижал ее к себе, крепко-крепко поцеловал. От этого сладкого поцелуя у Элен даже закружилась голова.

— Ну ладно, — сказала она через минуту и слегка отстранилась от Николая. — Тут не время и не место. Зачем распалять себя впустую?

— Хорошо, — согласился Николая сразу же, словно какой-нибудь уж чересчур послушный школяр. — Ты права.

— Отвези меня домой, — мягко попросила Элен.

Николая остановил проезжавшее мимо такси. Потом открыл дверцу, усадил Элен и уселся сам. Машина тронулась с места, и клубы летней пыли вырвались из-под колес.

Минут через тридцать впереди показался студенческий городок. Вскоре машина притормозила.

— У меня еще дела, — сказал Николая. — Я — в «гараж».

— А я — в общежитие, — сказала Элен. — Почитаю учебник... Послушаю магнитоальбом... Посмотрю стихи...

— Хорошо, — чмокнул Элен в щечку Николая. — Позвони, если понадобится.

— Всего хорошего, — произнесла Элен и выбралась из салона такси. Еще раз взглянула на Николая. Он отсчитывал терпеливо ожидавшемуся таксисту франки. Деньги. Денежки... Ассигнации. Клочки бумаги, которые правят этим миром. Вершат судьбы людей. Решают все.

Элен по дорожке направилась в сторону общежития.

«Если Лоли и Аделина уже там, то дам им тоже прослушать магнитоальбом рок-группы Николая. Возможно, у них будут какие-нибудь замечания, или пожелания, или советы», — подумала Элен.

А она была неглупой девушкой и поэтому прислушивалась к советам других людей и иногда даже извлекала из них пользу.

Аделина и Лоли как раз были дома.

— Привет, Аделина! Привет, Лоли! — Элен поочередно поцеловала подруг. — Куда это вы с утра запропастились? Или вообще не спали сегодня?

— Спать-то мы спали, — сказала Лоли.

— Но просто пришлось рано вставать, — добавила Аделина.

— Это еще почему? — поинтересовалась Элен. — Кошмары докормили?

— Ну ты и скажешь, — заулыбалась Лоли.

— Какие, к черту, кошмары... — засмеялась и Аделина. — Никаких кошмаров, кроме экзаменов, у нас, студентов, не бывает. Ты же сама знаешь.

— Ты что, сдала свое чувство юмора в автоматическую камеру хранения? — удивилась Элен.

— Ага... Вместе с гигиеническими тампонами, — съязвила Аделина.

— Ну, вы, девки, и даете! — захохотала Лоли. — Вас послушать — так и на кинокомедию ходить не надо...

— А ты не слушай, — сказала Элен.

— Да я, наоборот, не хочу быть все время серьезной, — отвечала ей Лоли. — Быть серьезной — это так скучно!

— Правильно! — воскликнула Аделина. — Серьезными не в меру бывают только «синие чулки»... И в итоге их всегда кто-нибудь натягивает на ноги, — заключила она.

— Очень мудрая мысль, — сказала Элен то ли в шутку, то ли всерьез. Ее было трудно понять в эту минуту.

— Конечно, мудрая, — согласилась Аделина. — Я ведь совсем не глупа.

— Только сегодня утром на вокзале глупо поступила, неожиданно выпалила Лоли. — Когда отчитала случайно толкнувшего тебя носильщика.

— Так вы ездили на вокзал? — удивилась Элен, — с самого утра?

— Ну да, — повела плечами Аделина.

— Вот почему вас ни свет, ни заря тут не было, — пробормотала Элен. — А мне ничего не сказали?

— Ты так сладко спала, — начала Лоли.

— Что нам просто не захотелось тебя будить, — закончила за подругу Аделина.

— А мы тебя очень любим, — продолжала Лоли.

— Хотим, чтобы ты полсила побольше, — добавила Аделина.

— И хорошо знаем, что ничто в этом мире не может заменить здорового, полноценного, крепкого сна, — заключила Лоли.

— Вот почему мы не стали будить тебя, — пояснила Аделина.

— Ну вы и мастерицы пудрить мозги, — вздохнула Элен. Но зачем вы ездили на вокзал? Вы мне до сих пор так и не сказали.

— Так что, скажем ей? — Аделина посмотрела на Лоли.

— Ладно, — вздохнула Лоли. — Так и быть. Скажем.

— Да что это у вас за секреты такие? — возмутилась Элен. — Разве я от вас что-нибудь скрываю? Мы же здесь все как одна семья. Единое целое. Какие секреты могут быть в семье?

— Элен права, — вздохнула теперь и Аделина. — Поэтому мы должны ей все рассказать. Ты согласна?

— Согласна, — ответила Лоли.

— Ну, не тяните резину, — простонала Элен. — Я вся — внимание.

— Вчера вечером мы получили телеграмму, — заговорила Аделина.

— Тебя как раз не было дома, — вставила Лоли.

— Ну, не перебивай, — Аделина укоризненно поглядела на подругу.

— Хорошо, я постараюсь, — пообещала Лоли.

— Так вот, — продолжала Аделина. — В этой телеграмме сообщалось, что как раз сегодня утром — рано утром! — в Париже проездом будет Альберто... Он возвращается из Лондона, куда ездил по делам, к себе в Милан...

— Альберто? — наморщила лоб Элен. — Постой-постой... Это тот самый бармен из миланского кафе? В котором однажды по контракту играла рок-группа Николя?

— Ну да, — заулыбалась Аделина. — Молодец! Ты, оказывается, все хорошо помнишь...

— Еще бы... — протянула Элен. — Те миланские приключения мне запомнятся надолго... Особенно тот парень, Джанни, который делал

вид, что влюблен в меня, а на самом деле его интересовало только одно: деньги.

— Деньги, они, знаешь ли, не мешают любви, — снова встряла Лоли. — Только любовь должна быть искренней. А деньги это просто как необходимое приложение к ней...

— Конечно, — согласилась Элен. — Лучше, когда они есть. С деньгами все в жизни намного проще... Даже любовь — и та прочнее...

— Хотя любовь и деньги — понятия не равнозначные, — сказала Аделина, как и все девушки, все отклоняясь от основной темы разговора. Уж такова женская психология. Правда, по всей видимости, ничего плохого в этом нет.

— Да кто же говорит, что равнозначные? — подхватила Лоли. — Только ведь любви на голодный желудок не бывает. Разве не так? Если нечего, извините, жрать, то тут уж не до любви...

— А для парня и вовсе тогда проблема, — задумчиво произнесла Элен.

— Извините за грубость, но я позволю себе конкретизировать, — сказала Лоли. — У голодного парня, знаете ли, просто не будет стоять...

— Уж эта мне Лоли, — притворно удивилась Аделина. — Вечно отчебучит что-нибудь такое-этакое...

— Я просто называю вещи своими именами, — поджала губки Лоли. — Не люблю жеманства там, где оно вовсе ни к чему..

— Это не жеманство, — сказала Элен. — Для обозначения сказанного тобой существуют и другие слова...

— Импотенция, ты хочешь сказать? — лягнула Лоли с видимым удовольствием. Ей нравился тот имидж, который она сама себе все время старалась создать. Этакая рубаха-девка, ершистая, крутая и прямая, как оглобля.

— Да ну вас к черту, девки! — не выдержала Аделина и рассмеялась. — Опять вы уклонились от основной темы разговора...

— Не «вы», а «мы», — поправила Элен. — Так за чем же дело стало? Давайте продолжим...

— Вот я и говорю, — оживилась Аделина, — что встречаемся мы у вагона с Альберто, как он и просил, а он передает всем горячие приветы: Николя, Себастьяну, Жозе, ну и другим... Всем, кого знает...

— А мне? Мне он не передал привет? — полюбопытствовала Элен, хороню зная о том, что если она будет слушать подругу не перебивая, то та может без усталости болтать еще не один час. и, самое интересное, весь этот час даже и не подойдя к главному в разговоре...

— Разумеется, передал, — не выдержала Лоли.

— Дай мне сказать... — настойчиво попросила Аделина и продолжала: — Но он передал не только привет. — Аделина вздохнула, перевела дыхание, собралась с духом и постаралась наиболее кратко, как только могла, изложить свои следующие мысли: — Альберто сказал,

что одна из ведущих итальянских фирм грамзаписи готова выпустить первый магнитоальбом рок-группы Николая...

— Да, но там же одни только инструментальные вещи! Правда, за исключением песни «Если ты есть...», где солирую я...

— Они готовы выпустить только инструменталку, — пояснила Аделина. — А песню «Если ты есть...» лучше приберечь для второго магнитоальбома, не инструментального характера... Я так думаю,

— Одну инструменталку? — переспросила Элен.

— Ну да, — сказала Аделина. — А что в этом такого?

— По-моему, тоже вполне нормально, — высказала свое мнение и Лоли.

— Есть же великолепные альбомы Дидье Маруани, Рэя Конниффа, Франсиса Гойи... Да и не только их... Пусть будет и альбом группы Николая, — сказала Аделина.

— Пускай... — согласилась Элен. — Но я не понимаю: при чем тут Альберто, при чем тут известная итальянская фирма грамзаписи, да и вообще, какие такие секреты от меня? Ничего не понимаю...

— Сейчас поймешь, — вздохнула Аделина. — Помнишь всю ту миланскую историю? Насчет картин, похищенных из частных итальянских коллекций и считавшихся уже безвозвратно утраченными?

— Помнишь, ты нашла в своей сумочке за подкладкой пластиковую карточку с названием парижского банка? — не выдержала Лоли. — Получалось, что ты — хозяин одной из ячеек. Ну, тебе еще подсунули эту карточку... Кто-то из преступников. Только ты сначала этого не знала... Потом вы с Николаем отправились в банк и нашли в ячейке два свертка — картины, срезанные с подрамника и скрученные в трубку... А тремя днями позже я притащила в «гараж» газету... И Аделина как раз при этом присутствовала... В газете писали о том, что недавно парижское отделение ИНТЕРПОЛА получило странный подарок от человека, пожелавшего остаться неизвестным...

— Помню, помню, — сказала Элен. — Этим подарком были как раз те самые картины, которые преступники похитили из частных итальянских коллекций.

— А ты помнишь, что стоимость находки эксперты оценили в два миллиона долларов? — Лоли торжественно подняла вверх указательный палец. При этом вид у нее стал достаточно смешным. Элен еле удержалась, чтобы не захихикать. Но ей вовсе не хотелось обижать подругу. Поэтому она только и сказала:

—Ну?

— Нет ничего тайного, что когда-нибудь не стало бы явным, — говорила теперь Аделина. — Каким-то образом тем итальянцам, у которых преступники похитили картины, стало известно, что ты и Николай честно и безвозмездно, даже не попросив вознаграждения, возвратили картины. Вернули полотна их законным владельцам.

— Вернули — и правильно сделали, — вздохнула Элен. — Я и теперь поступила бы точно так же.

— Не сомневаюсь, — сказала Аделина и с уважением посмотрела на свою подругу. — Но сейчас речь не об этом. Я вот что хочу сказать. М-м-м...

Она призадумалась и даже слегка прикусила нижнюю губу.

— Я все объясню! — воскликнула бойкая Лоли. — Дело в том, что один из итальянцев, владельцев картин, является, к тому же, и владельцем фирмы звукозаписи. Вот, в знак благодарности к Николаю, узнав, что тот — руководитель рок-группы, итальянец и решил записать и растиражировать в Италии их первый альбом...

— Первый музыкальный альбом рок-группы Николая! — мечтательно произнесла Элен. — Это просто здорово! — Но тут же она спохватилась и задала вопрос: — А что, разве тот итальянский бизнесмен никогда не слышал «вещей», которые исполняет рок-группа Николая?

— Нет, ни одной, — ответила Лоли.

— Ни единой, — подтвердила и Аделина.

— Значит, итальянец и вправду хочет выпустить музыкальный альбом просто из-за благодарности к Николаю. За то, что вернули его картины, — пробормотала Элен и тут же сказала резко: — Но ведь Николай никогда не пойдет на это! Он слишком гордый! Он не согласится на то, чтобы кто-то выпускал альбом, даже не будучи хоть элементарно знаком с музыкой, которую играет рок-группа!

— Вот именно! — воскликнула Аделина.

— Мы это знаем! — воскликнула Лоли. — Поэтому и не хотели тебе ничего говорить... Чтобы ты как-нибудь не проболталась Николаю... А то все пойдет прахом, и тогда этот альбом может вообще никогда не увидеть свет... Но хорошо ли будет? Для Николая, для ребят, для всех нас, в конце-то концов?

— Разумеется, будет нехорошо, — согласилась Элен. — Надо, уж раз есть такая возможность, выпустить этот альбом. Рок-группе уже пора завоевывать имя. Причем делать это нужно достаточно активно.

— Конечно, — сказала Лоли. — Вот почему Альберто и предупредил нас. Рассказал все, как есть. Но просил, чтобы об этом никогда не узнал Николай.

— Да, и пусть не думает, что его альбом записывает кто-то из милости. Просто хороший человек попался. Он все-равно разные альбомы разных групп записывает. Почему бы не записать и этот? — резонно заметила Аделина.

— У него работают настоящие профессионалы. Нам сказал Альберто. Они сделают все, как надо. Запишут альбом на самом высоком уровне, — заверила Лоли.

— Точно, — подтвердила Аделина.

— И аппаратура у них отменная, — добавила Лоли.

— Короче говоря, мы тебе все сказали, — заявила Аделина. — Теперь ты в курсе событий.

— Только смотри не проболтайся Николая! — еще раз предупредила Лоли. — Ни сейчас, ни позже!

— Я обещаю, — честно сказала Элен. — Дело стоит того, чтобы не раскрывать некоторых маленьких секретов. Да и, по-моему, ничего унижительного ни для Николая, ни для ребят группы в этом предложении нет.

— Разумеется, — Лоли поправила непослушную челку. — Что может быть унижительного в том, что рок-группе предлагают записать инструментальный альбом? Причем, без всяких нажимов на группу. От ребят взамен не требуют ничего.

— Кроме хорошей работы, — вставила Аделина.

— А они ведь по-настоящему любят свое дело, — сказала Лоли. — Пусть постараются сделать этот альбом как можно лучше.

— Я думаю, у них все получится, — сказала Аделина и посмотрела на Лоли. Та незамедлительно кивнула в ответ.

— Не сомневаюсь, что получится! — радостно воскликнула Элен. — Я верю в них... Я верю им... Всем... Николая, Жозе, Себастьяну, Кристофу, Е-е...

— Им — тоже, — сказала теперь Лоли за себя и за Аделину.

— А как они узнают об этом предложении? — спросила Элен.

— Альберто сказал, — заговорила Лоли, — что фирма сама пришлет приглашение и все необходимые бумаги на адрес Николая. Там будет написано, что в Милане, мол, помнят группу по их выступлениям в кафе... Ну, в том кафе, где как раз и работает Альберто... Что их музыка просто замечательная... Что эта итальянская фирма звукозаписи хотела бы познакомить меломанов своей страны, особенно молодежь, с одной из интереснейших и перспективных рок-групп Франции...

— Фирма предложит Николая и остальным музыкантам приехать в Италию, какое-то время поработать, чтобы записать этот музыкальный альбом, — пояснила Аделина.

— Правда, здорово? — Лоли так и сияла.

Молодчина! Она умела радоваться не только за себя, но и за других. Это — отменное качество, но, к сожалению, не все люди обладают им.

— И все — за счет фирмы, разумеется, — закончила мысль Аделина.

— Просто замечательно! — воскликнула Элен. — Я горжусь вами, девочки... Вы — настоящие подруги.

— Мы это и сами знаем, — «скромно» заявила Лоли. — Ну скажи, разве не так? — она толкнула локтем в бок Аделину,

Та покраснела, но тем не менее сразу сказала:

— Так, конечно... Наша троица, по-моему, очень даже нормально сложилась...

— Очень даже хорошо, — попыталась четче выразить мысль подруги Лоли.

— Я тоже так считаю, — сказала Элен.

— Но только — чур! — не забудьте про наш уговор! — напомнила Аделина.

— Мы пока что будто бы ничего ни о чем не знаем, — сказала Лоли. — И о предложении записать первый альбом в Италии надо хранить молчок, — сказала Элен. — Пускай Николая и ребятам обо всем сообщит сама фирма. — улыбнулась Лоли. — А мы — просто подождем.

— Подождем! — в один голос воскликнули Элен и Аделина.

4

Конечно, можно было еще вчера рассказать подругам о том, что Джон предложил Николая и музыкантам его рок-группы записать второй магнитоальбом. Но не инструментальный, разумеется. Там будут песни на стихи известных французских поэтов. Старых и современных. А также и песни на тексты, которые сочинили Николая и Элен.

Однако Элен сочла правильным вчера не утомлять подруг информацией. У них и так был тяжелый день. Рано проснулись. Ездили на вокзал. Встречались с Альберто. Узнали хорошую новость. Для одного дня этого более чем достаточно. Плюс у студентов ведь и свои заботы. То занятия, то работа в общежитии с учебником в руках, то поход в библиотеку, то расслабуха в баре, а то и просто обычная постирушка... и на все требуются и время, и силы...

Сегодня Элен позволила себе отоспаться. Как впрочем и Лоли с Аделиной. Благо с утра никому никуда спешить не надо было.

Элен застелила постель, приняла душ, почистила зубы и отправилась на кухню. Следом за ней ванную заняла Аделина. А на кухне уже орудовала Лоли.

— Привет, Лоли, — поздоровалась Элен. — Как ты спала?

— Здравствуй, Элен... Отлично я спала. Не то, что вчера, когда надо было переться к поезду в такую рань.

— Зато доброе дело сделала.

— Уж конечно. Сделала. Только не знаю, оплатит ли мне кто-нибудь когда-либо за все мои добрые дела.

— Можешь не сомневаться...

— В чем?

— Что никто тебе за твои добрые дела платить не будет.

— Думаешь, не будет?

— Уверена, — вздохнула Элен. — Обычно все люди добрые дела, которые им делают другие, воспринимают, как само собой разумеющееся. Считают, что добро им нужно подносить на тарелочке с голубой каемочкой. За просто так.

— Да, наверное.

— Поэтому надо делать хорошее, не требуя ничего взамен. Хочешь — делай это, не хочешь — не делай этого. Никто тебя не принуждает. Только и от других ничего не требуй. Они тоже ничем не обязаны тебе.

— Вот поэтому я особенно и не рассчитываю ни на чью помощь. Всего стараюсь добиваться сама.

— Это отличное качество. Оно помогает жить.

— Точно. По себе знаю.

— А вот когда людям сделаешь какую-нибудь гадость, даже случайно — ведь по большей части гадости так и происходят! — вот уж тут некоторые начинают верещать! — воскликнула Элен. — Будто бы весь свет против них ополчился, будто бы им ставят палки в колеса, будто бы им мешают работать и жить, и так далее, и тому подобное. Но это ведь сущий бред!

— Бред, — согласилась Лоли. — Однако многим очень нравится бредить наяву. Бредить не во снах, а в реальной жизни, прячем выдавать эту бредятину за чистую монету. Диву даешься, когда слышишь, как некоторые люди наговаривают один на другого.

— Причем даже не думают о том, какие слова произносят в данную минуту, — сказала Элен.

— Выдумывают, обманывают, — продолжала Лоли. — Но зачем? Я не понимаю...

— Я иногда думаю, — сказала Элен, — что половина человечества — это настоящие шизофреники. Многие поступки людей мне просто трудно объяснить, есть такие, которые не укладываются ни в какие рамки.

— И шизофрения, и гениальность — это отклонения от нормы, — Лоли загремела кастрюлями. — Только в разные стороны, в «плюс» и «минус»... Точнее, в «минус» и «плюс»... Взять хотя бы вашего преподавателя Жака, который приходит на занятия всегда в белых тапочках... Только в белых тапочках... В любую погоду: в дождь и снег, в холод и жару... В любое время года: весной, зимой, летом, осенью...

— Точно! — воскликнула Элен. — У каждого свой «сдвиг по фазе». У каждого «крыша едет» по-своему. Один помешан на алкоголе, второй — на футболе, третий — на почтовых марках...

— А четвертый — на сексе! — выпалила Лоли.

— У кого что болит... — съязвила Элен.

— А у тебя — не болит? — поинтересовалась Лоли, и разговор принял совсем иное направление.

Ах, девушки, девушки! Милое женское племя! Как ловко умеете вы прыгать с пятого на десятое, переходить с одной темы на другую, выносить безапелляционные оценки не только близким людям, родственникам, друзьям и знакомым, но и всему человечеству! Если бы существовала должность Президента Земли, то любая из вас без малейших колебаний и сомнений заняла бы это кресло и с удовольствием приняла

бразды правления в свои руки! Разве не так? Разве не считает себя каждая из вас красивее, добрее, лучше и умнее всех других?

— Секс — великая вещь, — сказала Элен, немного подумав. — Еще старина Фрейд это усек.

— Зигмунд Фрейд — молодчина, — поддержала подругу Лоли. — У него башка варила, это точно.

— По Фрейду, — сказала Элен, — без секса вообще никакого развития у человечества не было бы. Никакого прогресса не существовало бы. Все основывается лишь на взаимоотношениях полов.

— Вот почему с сексом у каждого человека должен быть полный порядок, — заявила Лоли. — Только тогда он сможет находиться в гармонии с самим собой и с окружающим миром.

— Безусловно!

— И тогда сможет двигать вперед науку, искусство и... И все остальное, — закончила Лоли, так и не подобрав нужные слова. Но Элен ее, разумеется, прекрасно поняла.

— А как у тебя с Себастьяном? — спросила Элен. — Все хорошо?

— Не всегда, — честно призналась Лоли. — Иногда я не получаю удовлетворения.

— А он?

— А он получает. Все мужики, знаешь ли, эгоисты, — резко сказала Лоли.

Разумеется, она была не совсем права. Не все мужчины эгоистичны. Точно так же, как и не все женщины — пустышки. Все люди разные. Хотя у людей и есть много общего, что их объединяет. Но ведь немало и такого, что разъединяет! И не надо об этом забывать.

Так подумала Элен. Но говорить своей подружке ничего не стала. Это было ни к чему. Только разозлишь человека почем зря — вот и весь результат. Зачем?

— Значит, ты должна Себастьяна кое-чему научить, — сказала Элен. — Чтобы он знал, каким именно образом он может сделать тебя счастливее. Чтобы ты тоже могла испытать полное блаженство.

— Спасибо, дорогая... Какая ты умная, — произнесла Лоли с легкой иронией. — Советы всегда давать легко. Я понимаю, что ты сказала мне все это с самыми лучшими намерениями... Да уж ладно, я сама как-нибудь постараюсь додуматься до главного... А у тебя-то как с Николя? Ваши отношения совершенно гармоничны и идеальны? Или как?

— Или как, — ответила Элен, ничуть не обидевшись на подругу. В конце концов, уж если разговор зашел на такие интимные темы, то тут не до взаимных обид. Потому что бывает трудно, ох как трудно подобрать точное словцо, абсолютно правильно отражающее самое сокровенное, самое нежное чувство — любовь, причем во всех ее многогранных проявлениях.

— Все ясно, — сказала Лоли. — Вот и у нас с Себастьяном «или как»...

— По-разному бывает, — добавила Элен. — Случается, что счастье, радость, гармония переполняют нас... Трудно описать словами то наслаждение, которое мы испытываем при этом... Но, откровенно говоря, такое бывает редко. Особенно в последнее время, когда Николая стал уделять мне меньше внимания, полностью переключившись на свою любовницу — Музыку... Кроме его мелодий, альбомов, песен, репетиций, для него теперь, кажется, больше ничего не существует.

Я иногда думаю, что Николая, если б только мог, то вообще не вылезал бы из «гаража», Играл бы там, и ел, и пил, и спал... Ну, будто одержимый какой-то...

— Одержимость — это хорошо, — задумавшись на секунду, сказала Лоли. — Но не до такой же степени! Лучшие наши дни и годы — они ведь сейчас, лишь сейчас, и никогда больше не повторятся! Нельзя упускать время. Надо любить напропалую, без оглядки, без всяких там придуманных кем-то рамок и ограничений... Иначе потом будет поздно...

— Конечно, — сказала Элен. — Время — оно, как песок, просачивающийся сквозь пальцы. В любви нельзя упускать его. Это просто непростительно. Это ведь не красный сигнал светофора, где обязательно надо стоять и ждать, пока загорится зеленый и можно будет переходить улицу. Там — совсем другое дело. Там — не нужно торопиться. Там — надо ждать. Не торопить время.

— Правильно! — с жаром воскликнула Лоли. — Время всегда течет по-разному. А в разных ситуациях играет совсем разные роли, иногда совершенно противоположные.

— А вот в любви нужно торопиться, — заключила Элен. — Иначе годы пройдут впустую. И когда мы станем старухами, то кто на нас посмотрит?

— Никто! Не сомневайся, — сказала Лоли. — У старух не бывает любовников.

— Хотя лично я, наверное, не отказалась бы и в старости от удовольствия любви, — призналась Элен. — Я считаю, что все в жизни должно доставлять радость.

— По крайней мере, следует стремиться к этому, — добавила Лоли. — О чем это вы болтаете, кумушки? — на кухню вошла Аделина.

На ней был красивый цветастый халат. В этом халате она была похожа на симпатичную, привлекательную цыганку из романтического табора. Табора, в котором «вопросам любви» и мужчины, и женщины уделяют самое серьезное внимание.

— Как ты думаешь, о чем мы можем болтать? — повернулась к Аделине Элен.

— Разумеется, о любви, — закончила мысль подруги Лоли. — Мы всегда о ней говорим.

— И думаем, — усмехнулась Элен.

— И что же вы о ней думаете, если не секрет? — любопытствовала Аделина.

— Что любовь — это продолжение секса, а секс — это продолжение любви, — сказала Элен. — И они взаимно дополняют друг друга, развиваются, совершенствуются, перетекают одно в другое...

— Не могу с этим не согласиться, — сказала сразу Аделина. — Вот у меня, например, с Жозе, знаете ли, по-разному бывает. То он — просто ангел во плоти, а то — бац! — и мимо лузы...

— Мимо лузы? — не поняла Лоли. — Поясни, что конкретно ты этим хочешь сказать? Он — что? — в порыве страсти забывается и обрушивается на тебя как Ниагарский водопад?

— Ну ты и сказанула! — прыснула в кулак Аделина. — Словечки-то какие откопала... Ниагарский водопад...

— Тебе лучше знать, — уклончиво ответила Лоли.

— Уж конечно, — согласилась Аделина. — Я знаю Жозе лучше вас всех... Впрочем, меня не это сейчас волнует...

— А что же? — поинтересовалась Элен.

— Честно говоря, Жозе — отнюдь не герой-любовник. Как бы это сказать по-другому? Ну, он вовсе не супермен в сексе, девочки... Поэтому я не уверена, что мне хватит одного Жозе на всю мою оставшуюся жизнь...

— От тебя этого никто и не требует, — сказала Элен.

— Мы ведь живем не в восемнадцатом веке, — добавила Лоли. — Так ведь?

— Так-то так, — сказала Аделина. — Но какие-то нормы и принципы жизни в человеческом обществе соблюдать все-таки приходится...

— А ты и соблюдай, — спокойно ответила ей Элен. — Никто ведь, знаешь ли, не заставляет тебя спать с мужчиной, скажем, на Елисейских полях...

— Или на Эйфелевой башне, на виду у толп газеющих во все зенки туристов... — Лоли засмеялась, представив столь невероятную картину.

— Да ну вас, девки, — сконфузилась Аделина. — Вечно вы что-нибудь отточите... В краску меня вогнали.

— Это не страшно, — сказала Элен и тут же пояснила свою мысль: — Не страшно, что мы вогнали тебя в краску, Мы ведь твои подруги. Искренние и надежные. Другое дело, если б тебя вогнали в краску те, кто тебя не любит, Какие-нибудь твои недруги. Уж они-то не желают тебе добра. А мы... Ты же знаешь, что мы — совершенно иное дело. Мы должны помогать друг другу. И делом, и советом.

— Только так, — подтвердила Лоли.

— Тебе надо почитать определенную литературу по поводу сексуальных взаимоотношений между мужчиной и женщиной, — посоветовала Элен, глядя прямо в глаза Аделине. — Не мешает и посмотреть эротические кинофильмы... И не только «Эммануэль», разумеется... Поближе познакомиться с «кама-сутрой»... Все это только пойдет на

пользу, если ты сумеешь сделать из всего правильные выводы. А ты сумеешь, я в этом не сомневаюсь. У тебя-то есть голова на плечах, да?

— Да, — ответила Аделина. — Ты права, Элен. Я действительно должна ликвидировать в себе все пробелы, которые у меня еще есть, насчет любви и эротики... Ведь секс — это так важно! Это и здоровье, и гармония, и счастье...

— Можешь даже заглянуть в какой-нибудь «секс-шоп», если считаешь нужным, — хохотнула Лоли. — Там тоже бывают прелюбопытные штучки...

— Ладно, подруги, — вздохнула Аделина. — Пожалуй, вы правы... Спасибо за советы.

— Давайте на время оставим эту тему, — предложила Элен, — и лучше активной займемся нашим завтраком. Нельзя же нам так долго оставаться голодными!

— Верно! — воскликнула Лоли, моментально удвоив темп нарезки овощей.

Элен взялась за приготовление гренок.

А Аделина...

Аделина вытащила из холодильника рыбку, положила ее на разделочную доску, взяла острый нож...

Неожиданно у Элен закружилась голова.

Она вспомнила такую же рыбку. Это было несколько раньше... Когда они обедали в студенческом кафе... Они — это Элен, Николая, Жозе, Себастьян, Е-е, Роза...

Элен вспомнила, как работница кафе, вооруженная длинным ножом, разделывала рыбу на столе... Брала крупную живую рыбку и некоторое время глядела, как та бьется. Вероятно, так и надо было — некоторое время выждать. Рыба билась вяло и обреченно. Переворачивалась. Шлепалась. Ее жабры чуть-чуть приоткрывались, а затем опять закрывались. Потом все повторялось. Это был словно какой-то ненормальный метроном. Живой метроном. Открылись-закрылись, открылись-закрылись, открылись-закрылись, открылись... Эпизоды становились все назойливее. Они повторялись, словно картинка в навязчивом кошмарном сне. С брезгливым ужасом и внутренним тошнотворным чувством Элен наблюдала за той уродливой, странной агонией. Глядела на рыбу, которая выгибалась в руках работницы кафе. На руки той женщины. На лезвие ножа. На стол, который был залит темной кровью. Что-то почти эротическое чувствовалось в движениях крупных рук той женщины. Она быстрым резким движением хватала рыбу, отсекала ей голову и начинала чистить это страшилище. Но и без головы рыбка еще продолжала трепыхаться упрямо, настойчиво, из последних сил. Стихией рыбы была вода, а не воздух. В воздухе она не могла жить. Тут она все равно погибла бы. Даже если бы ей никто и не отсекал голову. Просто для этого понадобилось бы больше времени. И все.

Наблюдая за тем, как ловко орудует ножом Аделина, разделявая свою рыбку, Элен вздохнула и с отвращением отвернулась.

— Тебе нехорошо? — сразу забеспокоилась Лоли, услышав тяжелый вздох подруги. — Что-нибудь болит? Не хватает воздуха?

— Здесь, на кухне, и в самом деле очень жарко, — произнесла Аделина. — Ты бы, Элен, пошла в комнату, полежала б немножко... Такое с каждым может случиться...

Она на минутку отложила нож в сторону, и Элен встретилась глазами с глазами, мертвыми глазами той самой рыбки, которая еще какое-то время назад была живой, плавала в водоеме, и по-своему, по-рыбьи, радовалась своей нехитрой жизни.

— Пожалуй, я и в самом деле пойду, прилягу, — сказала Элен. — Видимо, просто немного устала в последнее время...

— Иди, конечно, иди, — засуетилась Лоли. — Когда все будет готово, мы тебя позовем...

Лежа на диване, Элен размышляла о том, почему все-таки эта рыбка произвела на нее такое впечатление. И почему вот в такой рыбине для нее, Элен, заключены вопросы жизни и смерти, секса и любви... Но она так и не смогла ответить на них.

А потом, незаметно для самой себя, Элен уснула.

Вскоре выяснилось, что Элен заболела. Именно поэтому ее тогда поутру сморил сон. У Элен появилась слабость во всем теле, легкое головокружение, апатия, потеря аппетита.

Аделина и Лоли вызвали доктора. Доктор, осмотрев Элен, сказал, что ничего серьезного нет, но все же у Элен — переутомление, вызванное, скорее всего, несоблюдением режима сна и питания, чрезмерными занятиями, повышенным напряжением на лекциях и семинарских занятиях, а также впечатлительностью и перенапряжением нервной системы.

— Отдых я покой, покой и отдых, — сказал доктор, укладывая медицинские инструменты в сумку. — Повышенное давление, быстрая утомляемость и головные боли вскоре пройдут. Пускай ваша подруга просто немного отдохнет, пока не ходит на занятия, повалится в постели или посидит во дворе на лавочке. И через неделю все, как рукой снимет. Не помешает также чай с медом, чай с малиной, а также теплая ванна перед сном. И почаще проветривайте комнаты. Свежий воздух еще никому не мешал...

Успокоив подруг, доктор удалился. Как только дверь закрылась за ним, Элен произнесла:

— Уфф! А я-то думала, что подзалетела...

— А разве ты не предохраняешься, когда спишь с Николаем? — округлила глаза Аделина.

— Предохраняюсь, конечно, — сказала Элен. — То есть это он, так сказать, меня предохраняет от беременности... Всегда пользуется презервативом.

— Уж так и всегда? — не поверила Лоли.

— Ну, почти... почти всегда, — вздохнула Элен. — Потому что иногда бывают совершенно неконтролируемые приступы страсти...

— Ты бы сказала еще — припадки, — съязвила Лоли.

— Тебе бы только посмеяться над бедной заболевшей подругой, — попробовала разжалобить ее Элен.

— Я и не думаю смеяться, — тут же пошла на попятную Лоли. Все-таки ей не хотелось обижать свою «заболевшую подругу». Тем более, что, как она хорошо понимала, на месте Элен вполне могла оказаться или она сама, Лоли, или Аделина, или Розы, или еще кто-либо из их дружной компании. — Поэтому, пожалуйста, не обижайся... Я о другом хотела сказать... В связи с этими твоими презервативами...

— Не моими, а Николая, — поправила Элен.

— Ну хорошо, — согласилась Элен. — В связи с презервативами Николая...

— Говори быстрее, — заторопила ее Аделина.

— Когда захочу, тогда и скажу, — топнула ножкой Лоли. — Тебе-то какое дело?

— А у меня чайник на кухне кипит. Надо бежать выключать...

— Ну так беги! Я тебя не держу.

— Так я же хочу послушать...

— Послушать, что я скажу?

— Ну да!

Лоли только вздохнула. Потом с улыбкой произнесла:

— Любопытство, конечно, не порок...

— Но порядочное свинство, — закончила за нее Аделина. Я знаю. Однако на меня это не влияет. Я не обижаюсь... Говори быстрее!

— Придется, значит, сказать. Сказать при тебе, — засмеялась Лоли.

— Хотя я вовсе не собиралась делать из этого тайны. Уж пристала ты ко мне со своим чайником... Скоро он, вероятно, весь выкипит...

— Ну ты скажешь, наконец, или нет? — чуть ли не закричала Аделина. — Ты сегодня меня уже достала, девка...

— Хорошо-хорошо, уже говорю, — примирительно молвила Лоли и повернулась к лежащей на диване Элен: — Так вот, дорогая моя, не обязательно твоему Николаю всегда пользоваться презервативами...

— Ты хочешь сказать о менструальном цикле? — поинтересовалась Элен, — и вообще, о моих внутренних, так сказать, ритмах? Ну так я прекрасно знаю, когда можно забеременеть, а когда — нет... Хотя и существует некая вероятность — туда-сюда.

— Вот именно! — неизвестно чему обрадовалась Лоли. — «Туда-сюда». А тебе-то ведь надо только «сюда», а «туда» и даром дока не надо. Так ведь?

— Так, — согласилась Элен.

— Ну, так внимательно слушай, моя дорогая, — торжественным голосом, словно на свадьбе близкого родственника, произнесла Лоли. — Слушай... Передаю тебе свой богатый опыт. Причем совершенно бесплатно... Тебе следует пользоваться некоторыми эффективными лекарствами. Например, грамицилиновой пастой, инфекундином, бисекурином, ригевидоном, норгестрелом, нон-овлоном, овидоном...

— Благодарю, моя милая, — рассмеялась ей в лицо Элен. Она явно развеселилась, и это был хороший признак. Пусть скорее поправляется! Так всем будет лучше. — Я сама могу тебе посоветовать пользоваться климованом, лютэстролом, постинором... Это кроме названных тобою противозачаточных препаратов.

— Климован и лютэстрол — это слова-синонимы, обозначающие одно и то же средство... Таблетки «Прегэстрол», — «блеснула эрудицией» и Аделина. — Я тоже знаю эту «химию»... Но все же никому не рекомендую увлекаться ею...

— И правильно! — воскликнула Элен. — Я давно уже подумываю о спирали...

— Лучший контрацептив! — воскликнула Лоли.

— По себе знаешь? — «подколола» ее Аделина.

— Иди-ка ты... — Лоли вздохнула. — Иди-ка ты лучше на кухню, — добавила она, подумав. — У тебя там чайник окончательно выкипел.

— У тебя? — в тон ей сказала Аделина, но тотчас послушно поплелась на кухню. Она собиралась заварить для всех свежий чай.

— Ты меня сегодня, конечно, здорово просветила, — улыбнулась Элен. — Спасибо. Но еще больше — развеселила.

— Так это же здорово! — обрадовалась Лоли. — Я ведь не хочу, чтобы ты долго болела.

— Я тоже этого не хочу, поверь мне, — сказала Элен. — Просто так получилось. Я не хотела заболеть.

— Бывает, — согласилась Лоли. — Ничего страшного. Мы постараемся быстро поставить тебя на ноги.

— А вот быстро — и не надо, — неожиданно для Лоли произнесла Элен.

— Это еще почему? — удивилась Лоли.

— Недели мне вполне хватит, — сказала Элен.

— Недели хватит — для чего? — поинтересовалась выросшая на пороге комнаты Аделина. В руках у нее был поднос, на котором красовались три чашки, баночки с джемом, печенье, сливочное масло и фарфоровый чайник с ароматно дымящейся заваркой.

— Ну ты и любопытна, матушка, — произнесла Лоли.

— А я не у тебя спрашиваю, — парировала Аделина. — У Элен.

— Подумаешь, — фыркнула Лоли. — Цаца какая. Слова ей не скажи, сразу — в штывки.

— Да будет вам, подружки, — миролюбиво молвила Элен. — Сейчас я вам все объясню... Дело в том, что звукорежиссер Джон, которого вы все хорошо знаете и который теперь работает в фирме звукозаписи «СБР», предложил группе Николая записать у него в студии второй магнитоальбом рок-группы...

— Но ведь и первый еще не продавался в магазинах Франции, — сказала Аделина.

— Девчата, не перебивайте меня, — вздохнула Элен. — Не то я потеряю мысль... Сами же знаете, что первый инструментальный магнитоальбом у ребят записан. Просто не растиражирован. Но теперь-то им помогут перезаписать и растиражировать его эти самые итальянцы! Значит, первый музыкальный альбом ребят выйдет в Италии, а второй — здесь, во Франции... Усекли?

— Схватываем на лету, — деловито молвила Лоли, — Это просто великолепно!

— Шикарно! — воскликнула и обрадованная Аделина. — Если так и дальше пойдет, то скоро рок-группа Николая пробьется в число лучших, известнейших рок-групп Европы!

— Для этого очень и очень много нужно работать, — охладила пыл подруги Элен. — Далекая перспектива.

— Но ведь реальная! — продолжала гнуть свое Аделина.

— А кто говорит, что нереальная? — произнесла Лоли. — Тебе же ясно сказали: надо серьезно поработать.

— Наши ребята работы не боятся, — уверенно заявила Аделина.

— В этом-то ты, конечно, права, — согласилась Элен.

— Разумеется, — поддакнула Лоли.

Уж очень она обрадовалась этой новости. Потому-то и разволновалась не в меру. Впрочем не меньше, чем она, разволновалась и Аделина. Только каждая из подруг «переживала» это волнение по-своему. Как и другие люди, которые на одну и ту же ситуацию реагируют по-разному. Один — краснеет, другой — бледнеет, один — мигом теряется и расслабляется, другой — наоборот, собирается и концентрирует все свои силы. Хотя ситуация перед ними одна и та же...

— К тому же, — продолжала Элен, — это будет не инструментальный альбом. Все, как положено... Вокал... Песни... Стихи... Может быть, хоть одна-две песни станут шлягерами. Во всяком случае, хочется на это надеяться...

— Это было бы здорово, — мечтательно произнесла Лоли. — На ту долю гонорара, которую получил бы от продажи альбома мой Себастьян, я бы купила себе новое платье и самые модные туфельки...

— А при чем тут ты? — заулыбалась Аделина. — Гонорар-то не твой, а Себастьяна...

— Не переживайте, мои дорогие, — продолжала Лоли с улыбкой. — Вам тоже достанется по кусищу гонорара: и Николая, и Жозе в обиде вас не оставят... Так что вам в накладе тоже не быть, это точно!

— Ладно-ладно, — сказала Элен. — Пускай только выпустят эти свои альбомы. А уж деньгами-то мы сможем разумно распорядиться. Все вместе что-нибудь придумаем. Правильно?

— Очень даже, — похвалила Аделина, искоса глянув на Лоли. Все-таки она не любила, если кто-нибудь одерживал над ней верх. Пускай даже ненадолго. Очень уж свободолюбивая была у нее натура. Впрочем, как и у других девушек.

— Песни я буду записывать в студии у Джона, — опять заговорила об альбоме рок-группы Элен. — Под фонограмму. Она достаточно высокого качества. Даже очень высокого. Стихи у меня уже есть. Кокто, Элюара, Кено, некоторых других поэтов... И даже стихи Николая... Возможно, добавится и парочка моих собственных текстов. Если напишется что-нибудь стоящее, — добавила Элен, немного подумав. Ей не хотелось хвастаться. Это было совершенно не в ее характере. Но и скрывать что-то от подруг она не собиралась. Такое было бы просто глупо. Ведь все они, по сути, одна дружная семья. Свои люди. Друзья. — Так что всю эту неделю мне будет над чем поработать. Стану трудиться над музыкальным альбомом...

— А почему не начать работу прямо в студии? — удивилась Лоли. — Ведь там для этого куда лучшие условия, чем тут, в общежитии.

— Ах, да... — спохватилась Элен. — Я же вам еще не сказала... Знаете, когда мы с Николаем приехали в студию звукозаписи к Джону — Николая хотел еще раз обсудить с ним все вопросы, передать аудиокассету, ну и все такое, — то Джона в студии не оказалось...

— Куда же он испарился? — удивилась Лоли.

— У него умерла тетья, — вздохнула Элен. — И поэтому Джон срочно вылетел на похороны в Нью-Йорк.

— А вы откуда об этом узнали? — спросила Аделина.

— Джон оставил записку в дверях, — пояснила Элен. — Мы ее прочитали. Джон пообещал вернуться приблизительно через неделю, и тогда мы приступим к записи альбома...

— Тебе надо хорошенько поработать все это время, — сказала Лоли, глядя, как Элен поглаживает одну руку другой. — А тебя вдруг угораздило заболеть!

— Ты же сама слышала, что доктор сказал, — заговорила Аделина. — У Элен — ничего серьезного. Просто обычное переутомление.

— Будем надеяться, что Элен скоро оклемается, — сказала Лоли. — Нельзя ей болеть в такие ответственные дни.

— Разумеется, нельзя, — сказала Элен и улыбнулась подругам.

Какие они у нее все-таки заботливые!

«Нет, не каждому так везет с подругами в этой жизни, — подумала Элен. — Может быть, мне везет просто потому, что я и сама — тоже неплохая подруга?»

Эти мысли здорово улучшили ей настроение.

Дня через три-четыре к Элен в общежитие заглянул Никола. Он заявился не один, а вместе с Розы.

— Здравствуй, дорогая! — выкрикнул Никола, едва переступив порог, и расцеловал Элен в обе щеки. — Извини, что не мог прийти к тебе эти пару дней. Занят был по горло. Все, понимаешь ли, учеба да репетиции... Совсем дела доконали. Но я все равно доволен, — поспешил добавить он, стараясь предупредить возможные вопросы со стороны Элен.

Аделины и Лоли в это время дома не было, потому что они отправились на занятия.

— Привет, дорогой! — ответила Элен и, увидев за спиной Никола потупившую глаза Розы, спросила напрямик: — С каких это пор ты приударяешь за девушкой Е-е?

— Он и не приударяет вовсе, — прошептала Розы.

— Понимаешь, милая, — забормотал Никола, — мы направлялись сюда все вместе: я, Кристоф, Жозе, Е-е и Себастьян, но по дороге обстоятельства изменились. Е-е, Кристофа, Жозе и Себастьяна наши хорошие друзья попросили помочь в одной разборке, там к нашим товарищам какие-то чмыри прицепились, ни за что, ни про что обещали им морды набить... Так мои ребята с нами разберутся. Это нам не впервой. Пускай знают наших... А мы с Розы решили все-таки заглянуть к тебе. А то времени в обрез. Когда еще выберемся?

— Какой ты у нас занятой, однако, — съязвила Элен. — Весь в делах да в заботах...

— Кстати, как ты себя чувствуешь? — поинтересовался Никола, старательно пропуская мимо ушей язвительный тон Элен. — Тебе уже лучше?

— Лучше, мой дорогой, лучше, — ответила Элен. — И было б еще лучше, если бы ты вообще ко мне не приходил. Тем более вместе с Розы.

— Это еще почему? — вспыхнула Розы. — Он мне не муж. Не нужно ревновать.

— К мужьям не ревнуют, — усмехнулась Элен. — Но достаточно просто на вас посмотреть, чтобы догадаться, что между вами возникли взаимные симпатии.

— Да нет, дорогая, что ты, — снова забормотал виноватым тоном Никола. — Какие, к черту, симпатии... Впрочем, тут ты кое в чем права, — спохватился он. — Розы дружит с Е-е, приходит к нам на репетиции, увлекается нашей музыкой... Да ты же сама все знаешь... У нас у всех симпатии к Розы. И у Е-е, и у Себастьяна, и у Жозе...

— Тем не менее, она почему-то пришла сегодня не вместе с Е-е, а с тобой, Никола, — укоризненно сказала Элен. Но все же не такая она была дура, чтобы сильно расстраиваться из-за таких вещей. Во всяком случае, в данный момент. — Ну да ладно. Коли пришли, то садитесь.

Никола и Розы уселись в креслах.

— Я все эти дни только и делал, что думал о тебе, дорогая, — продолжал «строчить из пулемета» Никола. — Вот, думаю, как она там, моя Элен, чем теперь занимается, что делает в это самое время, о чем мечтает? Не болит ли у нее чего-нибудь? Не хочется ли чего-нибудь вкусенького?

— Кстати о вкусеньком, — вставила Розы. — Мы принесли тебе, Элен, большую шоколадку.

— Спасибо, — сказала Элен. — Положите на стол.

Но она даже не предложила гостям чаю. Что-то в ней противилось этому.

Розы вытащила из полиэтиленового пакета увесистую плитку шоколада и положила на белоснежную скатерть. Потом невинно сложила свои красивые ручки на пышной груди. Да. Грудь у нее была пышная, красивая и соблазнительная. Элен не могла не признать этого.

— Кстати, я хотел сообщить тебе прелюбопытнейшую новость, — продолжал болтать Никола, — Знаешь ли, одна крупная итальянская фирма грамзаписи хочет записать наш первый музыкальный альбом. Ну, тот самый, где одни только инструментальные композиции, помнишь?

— Помню, — ответила Элен, сразу добавила, чтобы не вызвать ни у Никола, ни у Розы никаких подозрений: — Поздравляю тебя, Никола! Это большой успех! Наконец-то будет записан первый альбом вашей группы! То-то ребята обрадуются!

— Они уже радуются, — с воодушевлением сообщил Никола.

— Да еще как! — воскликнула Розы. — Е-е, например, вчера вечером напился вдрызг...

— Ну молодец, — «похвалила» Элен. — Скажите ему, что если будет так напиваться, то вряд ли сможет участвовать в записи альбома... А ведь для него это, может быть, даже важнее, чем для всех остальных. Ведь как ни крути, а специалист по бонгам, каким бы хорошим он ни был, это все-таки только специалист по бонгам — и точка. Не клавишник, не гитарист, не скрипач, не аккордеонист...

— Ничего страшного, — беспечно махнула ручкой Розы. — Он и выпимши все может...

— Сколько раз тебе повторять: не «выпимши», а «выпивши»! Так надо правильно говорить! — строго одернул ее Никола. Элен улыбнулась.

Ах, этот глупый Никола... Глупый-глупый. Несмотря на то, что и является руководителем рок-группы. Что бы он делал без нее, без разумной Элен?

Нет, эта девчонка, эта малолетка Розы ей, Элен, и в подметки не годится! Что он в ней нашел? Почему это он вдруг начал ей симпатизировать? Надо будет хорошенько поразмышлять надо всем этим. Но не сейчас. Позже.

— Неважно, как говорить, — коварно улыбнулась Элен. — Каждый вправе произносить слова именно так, как он сам этого хочет!

— Вот-вот! — Роза даже захлопала в ладоши. — И я, слово в слово, то же самое говорю нашему Николаю...

Это ее «нашему» — резко стукнуло по Элен, резануло ее слух, злом ударилось в стеклянные стенки души. Но Элен вовсе не хотела, чтобы в ее нежную ранимую душу глубоко западали слова глупой девчонки. Несмышленной. Неопытной. Зато — более молодой и, возможно, в чем-то более привлекательной, чем сама Элен. Элен продолжила:

— Так что, это неважно... Лучше расскажи мне еще о предложении этой итальянской фирмы.

— Короче говоря, — снова воодушевился Никола, — представители этой фирмы слышали, как мы играем, когда были в Милане, в кафе, по контракту... Продюсер Томас Фова тогда еще неплохо на нас подзаработал... Теперь итальянцы прислали нам необходимые бумаги. Есть договор. Неплохие деньги. Они нам все оплачивают: дорожные расходы, питание, проживание и так далее...

— То есть, ты хочешь сказать, что этот альбом вы будете записывать в Италии? — уточнила Элен.

— Ну да, — обрадовался Никола. — В студии фирмы.

— Прекрасно! — сухо сказала Элен. По-другому у нее почему-то не получилось, как ни старалась она придать своему голосу радость и восторженность. — Просто замечательно. И кто же поедет в Италию?

— Все мы, — заявил Никола. — Я, Жозе, Себастьян, Кристоф, Е-е... — Тут он неожиданно замаялся.

— И я! — чуть не выкрикнула Роза. — Я тоже еду вместе с ребятами! Буду им во всем помогать.

«Уж ты-то будешь, — подумала Элен. — Точно. Причем, разумеется, во всем...».

— Ясненько, — произнесла Элен. И поинтересовалась: — А Лоли и Аделине вы предлагали поехать вместе с вами?

— Нет, не предлагали, — нехотя ответил Никола. — Себастьян и Жозе сказали, что им там будет не до девочек.

— Ребята ведь едут в Италию работать, а не развлекаться, — укоризненно произнесла Роза и посмотрела на Элен своими ясными, кажущимися совершенно невинными, детскими глазами.

«Ну, уж мне «лапшу на уши» вешать не нужно, — подумала Элен. — Сама во всем хорошо разбираюсь. Работа, конечно, есть работа, но ведь выпадают и свободные минуты... Без них-то ни поесть, ни попить, ни поспать, ни, пардон, в туалет сходить... А уж с девушкой переспать — для этого как раз времени много и не требуется... Так что, моя дорогая пеструшка Роза, зря ты из меня стараешься делать круглую дуру... Может, я и не столь юна, как ты, даже не может, а точно, но уж никак не круглая идиотка...».

— Что ты говоришь, моя девочка? — специально ласковым тоном произнесла теперь Элен и, в свою очередь, посмотрела на нее долгим пронизательным взглядом, и та не выдержала этого взгляда, залилась краской, опустила глаза... — Так говоришь, ребята едут туда работать?

— Да, — прошептала Роза, все еще не поднимая глаз.

— Ну, так пускай едут, — неожиданно для Розы твердым тоном заявила Элен. — Вы езжайте, Никола! И работайте там на славу! Старайтесь!

— Уж постараемся, — удивленно ответил Никола. Он, как и все парни и мужчины, не обладал столь чуткой и тонкой душой, какой обладала Элен. Он был намного проще, грубее и примитивнее Элен. Даже несмотря на все свои музыкальные способности.

Разумеется, на свете есть мужчины-музыканты — настоящие романтики, истинные поэты, чуткие джентльмены. Но Никола к разряду таких, увы, не относился. При всех его иных достоинствах. Впрочем, в данную минуту для Элен это не имело большого значения.

— И пускай Роза вам помогает, — с улыбочкой добавила Элен. — Постарайся, детка, чтобы не одна итальяночка не смогла обидеть наших ребятешек. Как следует присмотри за ними, ладно?

— Присмотрю обязательно! — Роза обрадовалась, расценив слова Элен, как прощение ее проступков.

«Не буду я перевоспитывать эту Розу, — вздохнула Элен. — Может, не такая она и плохая... Девчонка все-таки... Что с нее возьмешь... А ребятам, глядишь, хоть какая-то польза будет...».

— Чего за нами присматривать? — Никола сделал вид, что обиделся. — Мы и сами за собой отлично присмотрим.

— Но, дорогой, — мягко возразила Элен, — чем же, в таком случае, займется Роза? Уж лучше она будет с вами, чем начнет носиться по всей Италии с какими-нибудь местными Дон-Жуанами.

Николя сразу переменялся в лице. Это, разумеется, не ускользнуло от внимательной Элен.

— Да-да, — заговорил Никола. В голосе его появились встревоженные нотки. — Ты абсолютно права, моя милая. Пускай Роза все время будет с нами. Вместе. При нас.

— Я, конечно же, согласна! — восторг так и переполнял юную Розу.

Нет, что бы там ни твердили неудачники, а все-таки правы, ох, как правы умные люди: лучше быть молодым, красивым и богатым, чем старым, уродливым и бедным. Да. Только так. Лучше быть здоровым, чем больным. Лучше веселиться и жить, чем печалиться и помирать...

— Вот и хорошо, — сказала Элен. — Пока вы будете записывать новый альбом в Италии, я займусь вторым тут, в Париже. Скоро должен приехать Джон, я позвоню ему, а потом подъеду в студию... Мы сделаем все как надо, дорогой... Ты не переживай. Я уже не раз прослушала этот альбом, подобрала стихи к песням, разумеется, использо-

вала и твои стихи, Николая... И написала также тексты к двум композициям рок-группы...

— Сама написала? Ты? — неподдельное изумление отразилось на лице Розы.

— Разумеется, я. Кто же еще, — с удовольствием выдохнула Элен. Ей стало приятно видеть такую реакцию со стороны Розы, Именно этого Элен и добивалась: ей хотелось ошарашить девчонку, удивить ее, поставить на место. И, надо признать, Элен это удалось.

— Я и не знала, что ты такая способная, — произнесла Розы с уважением.

— Ну что ж, — сказала Элен. — Теперь будешь знать.

— Спасибо, Элен, — обрадовался Николая. — Большое тебе спасибо. Ты — настоящий товарищ!

— Разумеется, настоящий, — мгновенно согласилась Элен. Ей почему-то было смешно. Словно она со стороны наблюдала за какой-то забавной сценкой. — Я запишу второй альбом рок-группы, Николая. Пусть он выйдет у нас, во Франции. Думаю, он должен иметь успех...

— Будем надеяться, — лицо у Николая заметно посветлело. Признаться, он не ожидал от Элен такого благородства. Он даже предполагал, что Элен разозлится на него и вообще не захочет принимать участие в записи музыкального альбома. Тогда Николая в срочном порядке пришлось бы искать ей замену. Но, к счастью для него, этого не произошло. — Так думал Николая.

— Конечно, все получится! — заявила Розы. — Я в том ничуть не сомневаюсь.

«Разумеется, — подумала Элен. — Чем моложе человек, тем меньше сомнений он испытывает. Для него весь мир лишь в розовых красках. Других цветов для молодого человека просто не существует».

Элен поймала себя на том, что думает, может быть, как тридцатилетняя женщина. Достаточно опытная и в меру тертая. Тертая жизнью. Впрочем, она тут же списала все на свой природный ум. И, кстати, была в том совершенно права.

— А как ты назвала эти песни, дорогая? — поинтересовался Николая, обращаясь к Элен. Она отметила, что при слове «дорогая» Розы капризно поджала губки.

«Девочка все же с норовом», — подумала Элен. Правда, при этом она не испытывала ни малейшей злости по отношению к Розы.

Наоборот, внутренне она желала Розы удачи. Ведь Элен была далеко не глупа. Она вполне могла справиться со своими чувствами. В отличие от некоторых... Во всяком случае, самой Элен в ту минуту хотелось искренне в это верить.

— Одну я назвала «иду к тебе», а вторую — «Сексуальная девчонка».

— Гениально! — воскликнул Николая. — Великолепные названия! Лучше никто бы не придумал. Правда, Розы? — Николая повернулся к этой молоденькой пигалице.

— Правда, — нежно проворковала Розы.

— Ну, раз и Розы одобрила, — усмехнулась Элен, — тогда, значит, и в самом деле чудесные названия...

— Да, дорогая, — тотчас согласился Николая, вновь не уловив иронии в ее голосе. — Чудесные!

— Эти названия очень здорово гармонируют с названием песни, то есть пока еще текстом, который написал ты, Николая, — умело ввернула свою фразу в разговор настырная Розы. — «Страстные желания»...

— Откуда ты знаешь это название? — удивилась Элен.

— Николая сам мне сказал, — похвасталась Розы. И добавила: — Даже прочитал весь этот текст... А потом напел песню под гитару... Для меня одной.

— Ну что ж, — произнесла Элен и слотнула слюну. — Ты молодец, Николая. Времени даром не терял.

— Надо же работать над альбомом. Над одним, другим, третьим, — пояснил Николая. — Нельзя останавливаться на достигнутом. Никогда. Надо постоянно, систематически, упорно работать. Совершенствовать свое мастерство. Писать музыку, тексты к песням. Слушать новые вещи, новые альбомы других ансамблей. Как только ты остановился — хлоп! — вот тут-то тебе и конец. Жизнь — это движение.

— Конечно! — с этим Элен не могла не согласиться. Потому что и сама так считала. Она не мыслила свою жизнь без движения. Без приключений. Без авантур. Без риска. Без всего этого она просто не смогла бы жить.

— Ты поправляйся, Элен, — произнес Николая, протягивая ей руку. — и не скучай. Я буду думать о тебе.

— Ладно, — сказала Элен. — Я постараюсь не болеть.

— И удачи тебе в записи альбома.

— Тебе — тоже удачи, — ответила Элен.

— Может быть, мы позвоним из Италии, — сказала Розы, — или дадим оттуда телеграмму. Завтра или послезавтра, — добавила она после небольшой паузы.

— Как это — завтра? — не поняла Элен. Она думала, что до отъезда Николая ей еще удастся с ним встретиться, поговорить наедине, без этой навязчивой Розы. Но все ее надежды насчет этого важного, как она думала, для нее и Николая разговора, теперь пошли прахом.

— А разве мы тебе не сказали? — пожал плечами Николая, словно все было ясно и без слов. — Мы с ребятами и Розы уезжаем сегодня вечером, ночным поездом. Мы уже и билеты взяли.

— Ах, вот как? — пробубнила Элен подавленным голосом, чувствуя, как в ее горле застрял какой-то комок. — Вы, значит, отправляетесь в Италию уже сегодня?

— Ну да! — обрадованно воскликнул Николая.
Элен не заметила на его лице даже легкой тени грусти или сожаления.
«Все-таки Николая — порядочный эгоист, — подумала Элен. — Почему же я этого раньше не замечала? Или у меня просто такая судьба — всегда влюбляться только в отъявленных эгоистов, настоящих себялюбцев? Кто знает...».

— Да ты за нас не переживай, Элен, — по-своему расценила ее внезапную подавленность Розы. — Все будет хорошо. Ребята запишут первоклассный альбом. А уж я за ними присмотрю. Чтобы от рук не отбились.

При этом Розы хитро подмигнула Николая.

Тот улыбнулся ей в ответ.

Потом, словно спохватившись, виновато глянул на Элен. Деликатно кашлянул:

— Мы, пожалуй, пойдем. Ты, Элен, тут не очень-то скучай...

— Я думаю, — сказала Розы, — что Элен тут скучать совсем не придется!

Розы даже предположить не могла, что попала в самую точку. Кто бы мог подумать!..

Правда Элен в ту самую минуту тоже не могла даже догадываться о том, что слова Розы, в определенном смысле, станут для нее, для Элен, по-настоящему пророческими.

— Счастливо! — Николая на прощание махнул Элен рукой.

— Счастливо! — эхом повторила Розы.

— До свидания! — ответила Элен. Двери закрылись за Николая и Розы, и Элен осталась в комнате одна.

7

В этом мире все далеко не просто. Нет ничего одинакового, совершенно похожего друг на друга. Нет одинаковых рек, озер, гор, лесов. Нет абсолютно одинаковых ландшафтов. Нет тютелька в тютельку похожих друг на друга людей.

Каждый человек — это целый мир. Причем — свой мир. Яркий. Неповторимый. Индивидуальный. Ни на какой другой мир не похожий. И это при том, что у каждого человека — две руки, две ноги, два глаза, одна голова и так далее, и тому подобное. Общее только подчеркивает различия. Так, во всяком случае, получается в действительности. В реальной жизни. А против реальности, как говорится, не попрешь. Будь вы хоть семи пядей во лбу.

Точно так же и с любовью. Есть общие черты, которые присущи этому чувству. Но гораздо больше — различий... Поэтому форм любви, в принципе, существует бесконечное множество. Как и звезд во Вселенной. Но в то же время, если быть достаточно упорным и в меру

примитивным, можно разложить все эти формы любви строго по полочкам.

Не беда, что рано или поздно эти полочки рушатся, когда приходит кто-то с молотком и безжалостно ломает их. Можете не сомневаться, что со временем придет кто-то другой и опять все разложит по полочкам. Только уже совсем по другим полочкам. В своей, так сказать, классификации. На основании своего собственного, сугубо индивидуально подхода ко всем вопросам. В том числе, и к вопросам любви.

В принципе существуют два вида любви. Разумеется, можно поспорить и попытаться доказать, что их — тысяча два или два миллиона двести два, а может, и гораздо больше. Может, даже больше, чем самих влюбленных, потому что каждый влюбленный в разное время — а некоторые ухитряются и в одно и то же время! — имеет право обладать несколькими видами любви. Никто ему в этом не указчик. Но на самом-то деле, по большому счету, мы имеем полное право прибегнуть к своей классификации. Поэтому мы разделим любовь на два основных вида.

С одним ее видом еще можно что-то поделать, наложить штрафные санкции, например. С другой любовью не поделаешь абсолютно ничего, потому что она — дочь самой стихии, неуправляемой, непредсказуемой и никому неподвластной.

Одна любовь протекает мирно и счастливо. Она начинается знакомством в своем, уютном привычном кругу, где каждый знает о каждом все, где все любят и уважают друг друга, хотя и по-своему. Потом происходит постепенное сближение, медленное, но неуклонное, словно перемещение айсберга в океанских просторах, движение по направлению друг к другу. Потом — наблюдаются наилучшие пожелания близких и друзей, все возрастает и возрастает взаимная симпатия друг к другу, которая, в конце концов, перерастает в устойчивую привычку.

Другая любовь обрушивается на человека со всем вулканизмом неожиданного счастья, со всем пожаром мгновенного узнавания друг друга. Она обрушивается, словно лавина, никого не щадя и ни о чем не спрашивая, ни с кем не считаясь и ни под кого не подстраиваясь. Она не дает человеку ни возможности опомниться, ни защититься от неизбежности, ни хотя бы остановиться, оглянуться, на короткое время перевести дыхание.

Она овладевает человеком целиком, словно насильник, догнавший женщину на темной улице и в дикой, первобытной ярости изливший в нее всю свою боль, злобу и страсть.

Первая любовь заканчивается вполне благопристойно — венчанием либо спокойными совместными уик-эндами, с выездами за город, поездками к общим знакомым, вечерами в своем узком кругу. Этот автобус движется строго по расписанию. Ему ни к чему ломать устоявшийся график, нарушать традиции и искушать судьбу.

Вторая любовь неуправляема, словно автобус, но уже угнанный сумасшедшим, психом, недавно сбежавшим из лечебницы, и возмнившим себя самым важным и самым главным человеком на этой земле. Этот бешеный автобус яростно разрушает семьи, рушит все надежды, не принимает во внимание объективных обстоятельств, обо всем заставляет забыть, кроме него самого, разумеется. И он никогда не доводит человека до тихой, спокойной и уютной любви. Напротив, мечтая о такой любви, человек должен мечтать обо всем, кроме благополучного финала. Не следует обманывать себя большими надеждами. Они всегда несбыточны. Ведь рано или поздно любящие друг друга до безумия, до боли, до отчаяния, — усталые и сломленные, вернутся на круги своя. Возвратятся в свой серый и привычный им с детства мир. С его унылой чередой дней и ночей, регулярной сменой времен года, неумолимыми походами по магазинам в поисках всех тех вещей, которые поддерживают человеческую жизнь на грешной земле. Теперь вокруг познавших когда-то яростную любовь будет лежать мир, который навсегда лишился своих пестрых красок. Необычных, притягательных, волшебных. Один только унылый пейзаж — последствия разрушительного цунами, оставившего после себя с корнем вывороченные деревья, ворохи трав, остовы сметенных напрочь зданий под оттенка рыбьего жира небом.

Безмятежной такая страсть быть просто не может, и если судьба по каким-либо причинам не строила для любящих барьеров: не обременяла их семьями, бедностью или нерешительностью, то эта любовь возводит стены сама себе. Она мучит самое себя, издевается над собой, а нередко и доводит себя до бешенства и отчаяния. Она дарит двум слабым, незащищенным от мира сего влюбленным сумасшедшие мгновения, ради которых эти двое готовы с неподдельной радостью отказаться от всего на свете. От всего — но только не друг от друга. В ту же секунду, когда эти двое безумцев случайно впервые встречаются взглядами, мир становится им враждебным и ненавистным. Все вокруг становится для них самыми настоящими врагами.

Потому что благополучные, скучные, тихие любовники ни у кого из людей не вызывают ни зависти, ни злобы, ни раздражения, их отношения, так сказать, развиваются в атмосфере всеобщего благодушия и всепрощенчества. Правда, тихие любовники не способны изведать той всепоглощающей и неистребимой страсти, властной, болезненной и жутковатой, которую буквально выпивают до дна, в которой буквально захлебываются сумасшедшие влюбленные. Эти безумцы с легкостью забывают о приличиях в ресторане, в кинотеатре, в автомобиле, в городском парке, в магазине. Они даже могут спать друг с другом у всех на виду.

Любовью пастуха и пастушки любят друг друга скучные любовники. Любовью охотника и жертвы любят друг друга безумные влюбленные.

Жизни благополучных во многом схожи. Размеренный ритм, серые будни, тоскливые ночи, запланированный отдых, суeta суeta.

Жизни сумасшедших столь же различны, как капля воды и капля керосина. Холод и жар, лед и пламя, воздух и земля...

У них ничего общего фактически нет. Разные интересы, разные увлечения, разные хобби, разные характеры, разные друзья. Все другое. Неимоверно отличающиеся друг от друга. Иногда даже настолько отличающиеся, как мир и антимир.

Тем не менее страсть, сжигающая их изнутри, оказывается мощнее всех различий. Эта страсть и возводит мост между сердцами безумцев, притягивающихся одно к другому, словно два противоположных полюса: «плюс» и «минус». А ведь эта-то сила и есть одна из самых главных во вселенной!

Вот почему такая любовь подобна настоящему селевому потоку, шумно, яростно и безжалостно сметающему все и всех на своем непредсказуемом пути.

Разумеется, сумасшедшие любовники догадываются, что время их праздника непродолжительно, что их настоящее жестоко, что их будущее наполнено тоской, печалью и грустью. Вот почему они стремятся прожить отпущенное им судьбой время так, чтобы изломанным, потерянными и опустошенными, им было о чем вспомнить. О смелых поцелуях. О жаркой страсти. О настоящей любви.

Пусть такая любовь — объект презрения и насмешек со стороны обывателей. Пусть она ломает и раздражает. Пусть она пугает и калечит. Пусть она отгораживается ото всех остальных людей — друзей, родственников, знакомых. Пусть она никого к себе не подпускает, словно по собственному желанию крепко-накрепко заперлась в клетке. Пусть она сродни самой настоящей катастрофе...

Но ведь только она и зовется истинной любовью. Потому что всякая другая любовь — это просто пастеризованное молоко для пенсионеров. Пенсионеров не по возрасту, а по состоянию души.

Только мощное, безумное, неуправляемое, страстное, всепоглощающее чувство имеет право называться настоящей, подлинной любовью.

Могла ли Элен хоть когда-нибудь представить, что придет час, и она будет вовлечена волею судьбы в безумный водоворот такой сумасшедшей любви?

Нет. Такое ей никогда не приходило в голову. Ни наяву, ни в снах, ни в мечтах.

Поэтому в то самое утро, через неделю после срочного отъезда Джона, когда Элен взяла такси и поехала к нему в студию звукозаписи предварительно не позвонив, потому что ей я этого просто не хотелось, она даже не могла предполагать, какой сюрприз ее ждет.

Разумеется, она думала, что Джон уже возвратился из Америки, и можно будет начать работу над альбомом рок-группы Николая. Элен

собиралась сделать все записи в рекордно короткие сроки; во-первых, потому что она как следует потрудилась над альбомом целую неделю, кое-что напела, кое-что сочинила, все тщательно продумала, а, во-вторых, потому что на носу были экзамены, и ей нужно было еще почитать за учебниками.

Вот и знакомое здание, знакомая дорожка, знакомая дверь.

Элен прикоснулась к кнопке звонка. Дверь открылась.

На пороге стоял... прекрасный незнакомец.

Это были первые мысли, которые посетили Элен, когда она увидела неизвестного ей молодого человека. Впрочем, он был несколько старше Элен. Может быть, лет на пять. Может, на десять. Определеннее было трудно сказать. Так как этот мужчина относился как раз к тому типу людей, которые в любом возрасте выглядят привлекательно и молодо.

«Даже когда ему исполнится пятьдесят или шестьдесят, — подумала Элен, — женщины будут бегать за ним и стесняться в его присутствии...».

Их взгляды встретились, и в тот самый момент, когда молодой мужчина поглядел в глаза Элен, а она в ответ заглянула в его глаза, Элен почувствовала, как ее руки и ноги внезапно немеют, язык прилип к небу, а все ее тело наполняется непонятным жаром, словно кто-то невидимый, там, внутри нее, развел нестерпимо жаркий костер.

«Это он! — мелькнула в сознании Элен сумасшедшая, пока еще непонятная ей самой, необъяснимая, дикая мысль, смысл которой начал доходить до Элен лишь постепенно. Но тем не менее он становился все яснее и яснее с каждой секундой, с каждой минутой. — Это он! Мой единственный, неповторимый, дарованный судьбой! Моя половина. Та самая, которую мне посчастливилось встретить в этой жизни. Что даровано далеко не каждой девушке или женщине».

У незнакомца были светлые волосы, карие глаза — редкое, очень красивое сочетание. Гладкая, чисто выбритая кожа на лице. От него исходил приятный запах одеколona, который так любила Элен, — «Олд Спайс». Белоснежная рубашка, чистенькие джинсы, элегантные кроссовки... Вот! Вот оно, нужное слово! Этот человек был сама элегантность. Во всяком случае, именно такое первое впечатление он производил.

Элен всегда любила элегантных, подтянутых, аккуратных мужчин, которые постоянно следят за собой. Расхристанность была не в ее вкусе. Это она когда-то уже проходила. На заре туманной юности. Чьи-то грязные носки, немые ноги, нечищенные зубы, запах дешевых сигарет и ливерной колбасы... Нет! То не для нее. То для других женщин. Не таких требовательных, не столь притязательных, как Элен. Элен — другая. Не такая, как все. Она — особенная. Поэтому и любовь у нее должна быть особенной. Неземной. Единственной. Неповторимой. Никем и никогда.

Незнакомец приветливо улыбался Элен. Взгляд у него был таким, словно этот человек был знаком с Элен уже много-много лет. Словно они — Элен и этот мужчина — давно знали друг друга. Жили вместе. Любили один другого. Будто бы Элен на несколько минут выскочила в магазин, а теперь вернулась. Возвратилась домой. К себе домой. В свое милое, теплое, уютное гнездышко.

Какая странная и какая чудесная, волшебная, восхитительная это была встреча!

Мужчина распахнул дверь еще шире и, все так же радостно улыбаясь Элен, сказал ей вместо приветствия: — Входи, Элен! Входи же! Я ждал тебя!

И Элен, чувствуя, как радостно екает ее сердце, как нежно поют все струны ее души, не раздумывая ни секунду, вошла в дом.

Дверь мягко захлопнулась за ней.

8

Как выяснилось, прекрасного незнакомца звали Стивенom Корнуэллом. Он был американцем, и являлся довольно-таки опытным звукорежиссером, как поняла Элен из беседы в нем. Возможно, даже одним из лучших звукорежиссеров среди многих, однако парень не был хвастуном, поэтому о его профессиональных качествах Элен могла пока что только догадываться. Правда, она редко ошибалась в таких вещах, как профессиональная квалификация. Это — во-первых. А во-вторых, зная Джона, она могла предположить — и наверняка бы попала в яблочко! — что в его студии звукозаписи может находиться только великолепный звукорежиссер, настоящий мастер своего дела.

— Дело в том, — объяснил Стивен, — что Джон пока не может приехать. В Америке его все знают, поэтому, как только он там появится, его «отловили» и как хорошего специалиста, попросили записать пару интереснейших дисков. Если не ошибаюсь, то, кажется, один диск — Пола Маккартни, а второй — Майкла Джексона... Хотя, конечно, я не могу утверждать этого наверняка, потому что не имею привычки совать свой нос в чужие дела... Джон задержится в Соединенных Штатах на недельку-другую... Может, и больше... Точно пока этого он и сам не знает. А меня он попросил поработать с тобой, Элен. Объяснил, что к чему. Я в курсе всего. Знаю, что надо записать альбом рок-группы, возглавляемой одним из самых перспективных музыкантов Франции, Николя. Правильно я его называю?

— Правильно, — кивнула Элен и от неожиданно нахлынувшего волнения даже сглотнула слюну.

«Ах, Николя, Николя, — подумала Элен. — Ты предал меня, ты сейчас в Италии не только работаешь, но и наверняка всю забавляешься со своей новой подружкой Розы, бесцеремонно отбив ее у своего товарища Е-е... Нельзя так поступать... Но я лучше тебя, и я выше все-

го этого, и я добрее, и я совсем не мстительная... Бог тебе судья... А я... Я буду записывать твой альбом... Я буду записывать его вместе с необыкновенным человеком, вместе с женщиной, в которого я влюбилась — надо признаться пока в этом хоть себе самой! — с первого взгляда. И этого парня, этого мужчину зовут — Стивен Корнуэлл!»

— И вот я здесь, — продолжал Стивен. — И готов приступить к работе.

— Я тоже, — сказала Элен. — А ты знаком с этим альбомом?

Элен с удовольствием отметила, как легко у них со Стивеном получается разговор на «ты». И в самом деле, будто бы они до этой встречи знали друг друга много-много лет. Может быть, даже вместе росли... От этих мыслей сердце ее наполнилось радостью.

Элен тайком глянула на Стивена и заметила на его лице чистую и ясную улыбку, что ее несказанно обрадовало. Она поняла, что и Стивен в отношении ее, Элен, испытывает подобные, яркие и сильные чувства. Ведь такое невозможно скрыть!

— Конечно, знаком! — с воодушевлением воскликнул Стивен. — Джон дал мне кассету. У него, по обыкновению, была с собой копия. Он, знаешь ли, всегда серьезно работает. Практически без отдыха, без выходных. Потому-то и добивается успеха.

— Ну, и как тебе музыка? — поинтересовалась Элен.

— Неплохая, — ответил Стивен, и Элен понравилась его сдержанность. Ей понравилось, что он не стал расхваливать напропалую этот альбом, не стал петь дифирамбы Николя и другим музыкантам рок-группы, не стал играть клоуна, другими словами. А ведь не валять дурака, не рисоваться перед другими и перед собой, не играть там, где надо, и там, где не надо, обладать чувством меры — редкое для мужчины качество.

Элен это сразу оценила.

— Говоришь, неплохая? — переспросила Элен.

— Ну да, — подтвердил Стивен. — Я думаю, что может получиться интересный альбом. Но тут уже, конечно, многое зависит от того, как ты напеешь эти песни. То есть многое теперь зависит от тебя, Элен.

— А от тебя?

— И от меня, разумеется, — согласился Стивен. — Но от меня, в основном, техническая сторона... А твоя часть — творческая, непредсказуемая, наиболее важная...

— А если муза не посетит? — усмехнулась Элен.

— Надо, чтобы посетила, — серьезно ответил Стивен. — Ты ведь, как и она, женского пола... Придумай что-нибудь... Заинтересуй близкое тебе по духу существо... — в глазах Стивена зажглись необычные голубые огоньки. Словно две новые звездочки вспыхнули в черноте космоса.

Так неожиданно подумалось Элен.

— Давай приступим, — сказал Стивен, и звездочки в его глазах сразу же погасли. Видимо, рутинные, обыденные дела способны мгновенно гасить любые, даже малейшие проявления романтики и вдохновения.

— Давай, — вздохнула Элен. Стивен указал на дверь, которая вела в соседнюю комнату:

— Ступай туда. Надень наушники, подойди к микрофону, и я включу фонограмму. С самого начала. И когда я ее включу, ты, пожалуйста, напой текст первой песни. Хорошо?

— Хорошо, — ответила Элен.

Она вынула из сумочки тетрадку со словами всех песен альбома. Тетрадку, в которую собственноручно переписала тексты песен как раз в той последовательности, в какой они и будут располагаться в альбоме. Блокнот, который ей дал Николя, тоже был у нее с собой. Но сейчас заглядывать в него не было необходимости.

Элен уже все достаточно отрепетировала еще дома, перед зеркалом, в общепитии. Все-таки целая неделя — срок немалый, и он, безусловно, пошел ей на пользу.

— Так я через минуту включаю?... — переспросил Стивен.

— погоди, — сказала Элен, заглянув в тетрадку. — Я сейчас уточню... Ага... Первая песня — «Если ты есть...»

— Эту песню я знаю, — сказал Стивен. — Еще раньше вы записывали ее вместе с Джоном. Я неоднократно слушал эту запись. Можно оставить первый вариант.

— Разумеется, и первый вариант неплох, — произнесла Элен. — И он звучал по радио... Но все же, все же... Время прошло, и мне хочется спеть эту песню чуть-чуть по-другому. Может быть, потому, что и я теперь немного другая, не такая, какой была тогда, когда в первый раз записывала эту песню.

— Все течет, все изменяется, — усмехнулся Стивен.

— Конечно! — воскликнула Элен. — И это — вполне нормально. Разве не так?

— Так, — согласился Стивен.

— Поэтому я снова ее напою, — сказала Элен. — Тем более, у меня уже есть практика... Возможно, получится даже со второго или с третьего раза... Я ведь тогда столько над ней работала!.. Спасибо Джоно. Он — настоящий звукорежиссер и, к тому же, прекрасный человек.

— Это точно, — улыбнулся Стивен.

— Ну, я жду, — сказала Элен.

— Добро! — ответил Стивен и приготовился включать фонограмму.

Элен с тетрадкой в руке отправилась в соседнюю комнату. Там она увидела висевшие на микрофоне наушники, надела их. Да, она уже не замирала со страхом, как раньше, когда впервые приходила в студию грамзаписи. Тогда еще в студию, которая принадлежала продюсеру Томасу Фове. Та студия была совсем другой. Она не выглядела столь

уютно и по-домашнему, как эта студия. Студия, в которой работал Джон.

Томас Фова... С чего бы это Элен вспомнилось о нем? Вероятно, оттого, что Фова, будучи человеком довольно-таки сложным, обладал резким, непримиримым характером, все-таки кое-чему научил ее, Элен, в этой жизни. Все-таки благодаря Фове Элен записала на видеоклип популярную песенку композитора Фовьена «Электроулыбка». В студии Фовы она записала и песню Николая «Если ты есть...», пускай даже и тайком от Фовы. Опять же в студиях Фовы Элен оттачивала и совершенствовала свое пение. Она хотела бы сказать — свое мастерство, — но, честно говоря, чтобы стать настоящим мастером, нужно очень много работать. Безумно много. Позабыв — почти забыв! — об отдыхе, развлечениях, танцульках, барах, видеосалонах и прочем, прочем, прочем... Или ты работаешь, как зверь, и находишься на гребне волны, или ты бездельник, лентяй и никто, обыкновенная никчемная блоха, или первое, или второе. Третьего просто не существует!

Томас Фова... Самые невероятные легенды ходили о нем в рокерских тусовках. Он был эгоистичен, влюблен в себя без меры, самонадеян, лжив, невероятно энергичен и, к тому же, ужасный хам и грубиян. И вместе с тем очень многие музыканты искренне хотели, чтобы их продюсером был именно Томас Фова, и никто другой. Пускай они жаловались на то, что Томас выжимает из них все соки, что он отнимает у них все свободное время, что он попросту издевается над ними, чуть ли не как самый настоящий садист. И все же музыкантам, как они и сами говорили, доставляло истинное удовольствие выполнять все непомерные требования и капризы эксцентричного Томаса.

Как ни крути, а Томас Фова, безусловно, был личностью. Все признавали это. Только слепой или круглый дурак мог с тем не согласиться. Глупо говорить, что это — черное, если каждый ясно видит — это белое! Вовсе не надо быть семи пядей во лбу для того, чтобы распознать в человеке личность.

Даже когда врачи обнаружили у Томаса Фовы СПИД, этот бодрый и активный продюсер на стал отчаиваться. Он был не из таких, кто пускает слюни по всякому поводу и без повода. Он хорошо понимал, что слабым в этой жизни уготовано только одно место: на задворках. А быть на задворках — это не в характере Томаса! Он всегда жил по принципу — «Хоть день, да мой!», терпеть не мог паниковать сам и терпеть не мог тех, кто паниковал.

К тому же, он был твердо убежден, что рано или поздно люди победят и эту страшную болезнь. Ведь победили же они многие другие болезни, считавшиеся, скажем, в семнадцатом, восемнадцатом, девятнадцатом веках абсолютно неизлечимыми! Почему бы со временем не победить и СПИД? А может, такое произойдет вот-вот... завтра... Тогда, значит, и у него есть шанс. Есть шанс выжить!

А вдруг его организм сам способен выработать противоядие? Вдруг он, Томас Фова, станет первым человеком на Земле, победившим СПИД? Кто знает...

Поэтому, узнав про свою болезнь, Томас Фова с еще большей энергией окунулся в работу. Каждый год он открывал столько новых талантов, что остальные продюсеры просто хватались за головы и чуть ли не сходили с ума от зависти.

Завидовать Томасу у них, конечно, были причины. И немаловажные. Слава, почет, всеобщее признание... Но не только это.

Главное, что не давало другим продюсерам покоя и постоянно нарушало их спокойный безмятежный сон, это — деньги. Бешеные деньги, которые зарабатывал на новичках Томас Фова. Впрочем, он не обижал и молодых исполнителей, музыкантов, певцов, актеров. Выгода была обоюдной.

Разумеется, бывали случаи, когда кто-то оставался недоволен. Да разве всем угодишь? Уж такая штука жизнь, можно ли вообще найти на Земле хоть одного человека, который был бы целиком и полностью, абсолютно и окончательно всеми и всем доволен? А могли бы вы отыскать такого уникала, который сообщил бы во всеуслышание: «Я всем доволен, у меня все есть, я наелся, а денег на жизнь мне не то что хватает, а даже через край...». Даже миллиардеры, и те не могут так сказать, не говоря уже о «простых смертных».

Жаден человек, жаден, слаб, нечист — либо на руку, либо в помыслах своих. Все время стремится к чему-то идеальному, но ведь ничего идеального, ничего абсолютного в природе нет. Не существует даже абсолютного вакуума. И не то что на Земле, а и в просторах космоса...

И все же, все же... Нужно стремиться к какой-либо цели. Потому что, если цели нет, то жизнь становится совершенно пустой и бессмысленной.

Вот почему цель обязательно должна быть. Правда, наметить ее для себя каждый должен только сам. Только он — и никто другой, сам. Сам — для себя.

«Есть такая цель у Томаса Фовы, — подумала Элен. — Поэтому он личность. Есть такая цель и у меня. Поэтому я тоже смогу стать личностью. Во всяком случае, постараюсь...».

Все эти мысли вихрем промчались в голове Элен, когда она готовилась записывать песни для музыкального альбома.

Сквозь стеклянное окно в стене Элен могла видеть, что происходит у пульта. Стивен был сосредоточен и деловит. Он занимался своей работой, нажимал какие-то клавиши, передвигал рычажки, дотрагивался до кнопок, проверял показания приборов, наблюдал за положениями стрелок. Наконец, Стивен взял в руку небольшой микрофончик. В наушниках послышался его голос. Голос был бархатный и приятный, и Элен неожиданно почувствовала, как сладкая волна теплого и приятно-

го чувства словно охватывает ее вето, от кончиков пальцев ног до макушки...

«Неужели я и в самом деле безумно влюбилась в Стивена? — подумала Элен. — Неужели он волшебник и маг, в считанные минуты завоевавший и покоривший мое сердце? Неужели все это происходит со мной, вот в этой студии звукозаписи, в действительности, в реальной жизни? Неужели подобная любовь существует?»

Тем временем Стивен произнес:

— Элен! Дорогая моя! Я задаю размер: «Раз», «Два», «Три...». А на счет «Четыре» запускаю фонограмму. Будь, пожалуйста, внимательна. Ты пропускаешь восемь тактов, потом вступаешь. Все понятно?

— Все, — спокойно ответила Элен.

— Может, есть какие-то вопросы? — на всякий случай уточнил Стивен Корнуэлл.

— Нет. Все ясно, — так же спокойно ответила Элен

«Да, — подумала она. — Это не так, как в первый раз. Когда я волновалась, словно какая-нибудь дуреха. Конечно, все, что с тобой в жизни происходит впервые, впечатляет. Не может не впечатлять. Такие ощущения можно сравнить с потерей девственности. Когда ты еще девушка, то вся дрожишь в ожидании первой близости с мужчиной. Потом, когда это уже случится, и все страхи позади, чувствуешь себя совсем другим человеком. Словно заново родившимся на этот свет. Все краски мира становятся иными. Более яркими, более глубокими, более сочными. Начинаешь понимать, в чем ты был обделен. Чего тебе в этой жизни не хватало. Каких мощных и полнокровных симфоний не слышало твое существо. От чего ты отказывался... Как человек. Как девушка. Как живое существо».

— Тогда — начали, — просто сказал Стивен.

В условленное время зазвучала музыка. Элен мысленно считала такты. На этот раз она не сбилась, как тогда, впервые, в студии Томаса Фовы.

Элен пела с желанием и с чувством. С видимым удовольствием. С истинной радостью.

Голос ее не дрожал. Он был приятным, грудным, мелодичным. На лице Элен не было и тени волнения. Только его выражение слегка менялось в зависимости от того, какие слова в данную минуту произносили губы Элен. Она жила этой песней. Она жила чувствами героини песни. Это была и ее жизнь, жизнь Элен.

— Я переселяюсь в твой сон, в тишину твоих глаз... — пела Элен.

Когда она закончила, то, к своему удивлению, увидела, как Стивен захлопал в ладоши. Элен не ожидала от него такого бурного проявления чувств.

— Дубля не потребуется, — радостно заявил Стивен Корнуэлл. — Ты спела великолепно! Этот вариант песни «Если ты есть...», на мой взгляд, просто безупречен! Вероятно, ты серьезно над ним поработала.

А предварительная работа, знаешь ли, всегда дает превосходные результаты. Особенно в творчестве. Ведь творчество и труд — понятия неразделимые.

— Конечно, — согласилась Элен. — Если как следует не поработать, то ничего толкового не получится.

— Спешка и искусство — понятия несовместимые, — с мягкой улыбкой сказал Стивен. — Впопыхах только котятка родятся...

— Причем — слепыми, — в тон Стивену поддакнула Элен.

— Если ты не устала, — все так же приязненно сказал Стивен, — то давай продолжим работу.

— Конечно, я ничуть не устала, — ответила Элен,

— Тогда переходим ко второй песне, — продолжал Стивен.

— Хорошо.

Это была песня, написанная на стихотворение Поля Элюара «Мы двое», Элен пела ее со всем старанием, на которое только была способна, сердечно и искренне.

Мы двое крепко за рука взялись.

Нам кажется, что мы повсюду дома —

Под тихим деревом, под черным небом,

Под каждой крышей, где горит очаг,

На улице, безлюдной в жаркий полдень,

В рассеянных глазах людской толпы.

Бок о бок с мудрецами и глупцами —

Таинственного нет у нас в любви.

Мы очевидны сами по себе,

Источник веры для других влюбленных.

— Замечательно! — воскликнул Стивен, когда Элен закончила петь.

— Но все-таки давай сделаем еще один дубль. Это не помешает.

Элен послушно повторила песню с самого начала и до конца.

Как и в первый раз, она ни единожды не сбилась. «Не зря я так старалась в общезитии перед зеркалом, — мелькнула у Элен мысль. — Вот что значит как следует отрепетировать!»

— Хорошо, — констатировал Стивен Корнуэлл после дубля. — Будем продолжать?

— Разумеется, — кивнула Элен.

Ей вдруг вспомнились отрывки из Жана-Поля Сартра. «Слова» — так, кажется, называлась та мощная проза. Тогда еще Элен училась в лицее. Как-то раз им задали на дом выучить несколько отрывков из Сартра наизусть. По собственному усмотрению. Элен выбрала два эпизода из той наполненной энергией прозы. До сих пор она помнит их так же ясно я четко, как и в тот день, когда учила их наизусть. Вот и сейчас они всплыли из глубин ее памяти...

«Таково мое начало: я бежал, внешние силы определили характер моего бега, сформировали меня. Сквозь устарелую концепцию Культуры просвечивала религия, она служима образчиком: ребячья модель, она была по сердцу ребенку. Со мной занимались священной историей, евангелием, катехизисом, но возможности верить не дали: это привело к беспорядку, ставшему моим персональным порядком».

«Я смотрю на все ясно, трезво, знаю свои задачи, достоин награды за гражданственность; вот уже десять лет, как я — человек, очнувшийся после тяжелого, горького и сладостного безумия; трудно прийти в себя, нельзя без смеха вспоминать свои заблуждения, неизвестно, что делать со своей жизнью. И вновь, как в семь лет, стал безбилетным пассажиром; контролер вошел в мое купе, глядит на меня, хоть и не так сурово, как раньше: в сущности, он готов уйти, дать мне спокойно доехать до конца, нужно только, чтоб я сослался на извиняющие обстоятельства, безразлично какие, он удовлетворится чем угодно. К сожалению, я ничего не нахожу, впрочем, мне и искать неохота; так мы и поедем вдвоем, смущая друг друга, до самого Дижона, где меня — я лично знаю — никто не ждет».

Как сильно сказано! Как хорошо! Это впечатляет до сих пор. Да и не просто впечатляет, а — переворачивает всю душу.

Элен вздохнула.

— Ты готова? — спросил Стивен.

— Да. Я готова, — ответила Элен.

Зазвучала уже третья мелодия. В ней был совсем иной ритм. Не такой, как в первых двух. Да и рисунок мелодии сильно отличался.

«Разнообразие — это прекрасно», — подумала Элен.

Мысли набегали одна на другую, словно волны. Но это были тихие и ласковые волны. Теплые. Светлые. Они не мешали Элен петь. Наоборот, только помогали.

Для этой мелодии Элен выбрала стихотворение Жана Кокто «Пернатые в снегу».

*Пернатые в снегу меняют признак пола.
Родителей легко ввели в обман халат
Да страсть, что делает Элизу невеселой:
Мне ребус бабочек яснее всех шарад.*

*Я прыгну на тебя, личина, и узнаю
В тебе то пугало, что флейтой я пленял;
Солдатик мой, в твоих романах я читаю
Про вишенник в цвету, про майский карнавал.
Постель и пастораль — не твой ли шлак, Людовик
Шестнадцатый? — но мак надгробье нам слагал;
Воспоминания на углях цвета крови
Кропают траурный и нежный мадригал.*

*Как сани русские — открыты для волчицы,
Быть может, твой, Нарцисс, бесчеловечный пыл —
Не преступленье? И кто же поручится,
Что сгинул след войны, где руку ты омыл?*

— Молодец, — опять похвалил Стивен, когда последние аккорды песни смолкли. — И хотел бы придрататься, да не могу. Такое со мной впервые на записи... Ты — уникальный человек.

— Я рада, — пробормотала Элен.

— Для порядка все же сделаем контрольный дубль, — сказал Стивен.

Элен снова пропела песню «Пернатые в снегу». Особенно ей почему-то нравились строчки:

*Я прыгну на тебя, личина,
и узнаю в тебе то пугало, что флейтой я пленял...*

«Как это похоже на реальную жизнь! — подумала Элен. Как жаль, что Кокто умер в тысяча девятьсот шестьдесят третьем... Если б он еще пожил, то сколько сильных стихов мог написать... Да и не только стихов. Ведь последние годы он работал в кино».

— Устала? — заботливо поинтересовался Стивен Корнуэлл.

— Нет, — с улыбкой ответила Элен.

Удивительно, но работа с этим человеком доставляла ей истинное удовольствие! Казалось, он стимулировал Элен своей внутренней энергией, заряжал ее, словно подзарядное устройство — автомобильный аккумулятор, который еще вовсе не исчерпал свои ресурсы, а просто напросто слегка подразрядился из-за чьей-то оплошности. Либо по причине того, что на автомобиле долгое время не ездили. Ведь автомобиль-то и существует для того, чтобы на нем ездить. Все детали должны работать, притираться друг к другу, входить друг с другом в зацепление. Аккумулятор должен тоже все время находиться в работе. То он подразрядится, то подзарядится. И так — все время, которое ему отпущено в этой жизни. Во всяком случае, так должно быть. А если он не работает, то очень быстро разряжается, портится и, в конце концов, выходит из строя.

*То же самое — с жизнью человеческой.
То же самое — с нашими чувствами.
В особенности, с любовью.
Потому что без любви человека нет.*

*Без любви есть только бездушный механизм.
Робот. Двуногий автомат.*

Но ведь люди — это не автоматы!

Элен даже улыбнулась такому сравнению. Оно показалось ей смешным. И она не преминула рассмеяться во весь голос.

— Что такое? — всполошился Стивен. — Что-нибудь не так? Я смешно выгляжу?

— Нет, — отвечала Элен. — Ничуть не смешно. Ты нормально выглядишь.

— Почему ж ты смеешься? — не понимал Стивен. — Что во мне смешного?

— В тебе пока ничего смешного не вижу, — произнесла Элен. — Поэтому не беспокойся. А если увижу, то сразу об этом скажу, — добавила она. — Может быть, ты переутомилась? — забеспокоился Стивен Корнуэлл.

— Ничуть, — сказала Элен, потом призналась: — Почему-то мне с тобой очень легко работается. Даже намного легче, чем с Джоном. Во сто крат легче. Хотя я считаю, что и с ним мне в тот раз очень повезло. Он многому научил меня. Если бы не он, то я, разумеется, не смогла бы столь эффективно работать сегодня с тобой.

— Ты удивительная женщина, — снова признался Стивен. — Я думаю, что таких больше нигде нет.

— Можешь в том не сомневаться, — не стала перечить ему Элен. — Ведь я — француженка, да еще не такая как все...

— Вот-вот! — радостно подхватил Стивен. — Особая француженка... Другой такой нет, это точно!

— Да, — опять согласилась Элен. — Так что ты не обижайся... Я смеялась просто своим мыслям... Иногда, знаешь, интересные вещи вспоминаются...

— И о чем ты вспоминала? — любопытствовал Стивен.

— О разном, — честно ответила Элен. — О поэзии и поэтах. О любви и об автомобильных аккумуляторах. Ну и вообще, о жизни в целом. Жизнь — это ведь такая интересная штука!

— Еще бы! — воскликнул Стивен. — Я, например, видел твою фотографию, ее мне показывал Джон, но я совершенно не ожидал увидеть тебя такой, такой... — он внезапно умолк, стараясь отыскать нужное слово.

— Какой? — переспросила Элен.

— Неземной! Вот! — выпалил Стивен и тут же смутился. Лицо его налилось алой краской. Глаза засияли каким-то внутренним светом. На секунду мелко дрогнула нижняя губа.

Целая гамма чувств, переполнявшая только одного мужчину, но какого — Стивена Корнуэлла! — не могла пройти незамеченной от цепкого взора Элен. Ведь женщина, особенно если она влюбленная женщина, всегда похожа на кошку. Красивую, чувственную, внимательную, ласковую, настороженную. Элен хорошо знала о том, что и сама она во

многом сродни такой кошке. Но это ничуть не раздражало ее, а, напротив, радовало и лишь придавало жизненных сил.

— Мне приятно это слышать, — мягко произнесла Элен. — Думаю, что это — правда, а не комплимент...

— Нет-нет, конечно... — забормотал Стивен.

— Что «нет-нет»? Правда? Или сладкая ложь? — полюбопытствовала Элен с улыбкой. Как-то само собой получилось, что в эту улыбку она вложила максимум очарования, дарованного ей природой,

— Правда, — ответил Стивен.

— Ты мне тоже очень нравишься, — внезапно выпалила Элен. Эти слова произвольно вырвались у нее. Потому что были продиктованы чувствами, а не разумом. На какое-то мгновение чувства подчинили ее разум. Но Элен не жалела об этом. Ничуть.

После слов Элен Стивен покраснел еще сильнее.

Чувствовалось, что между молодыми людьми возник особого рода магнетизм, появилось особое напряжение, правда, отнюдь не отталкивающего, а, напротив, весьма притягательного свойства.

«И это напряжение, — поняла Элен, — вскоре перерастет в самый что ни на есть сильный грозовой разряд. Нас тянет друг к другу с неодолимой силой... Боже мой... Могла ли я хоть когда-нибудь представить, что такое случится со мною?..».

Но от этих мыслей у Элен только еще слаще защемило сердце, и ей хотелось петь, смеяться, веселиться, прыгать от счастья. Жить странной и необычной жизнью нормальных безумных влюбленных. Настоящих влюбленных...

— Если ты не устала, — хриловатым голосом произнес Стивен, стараясь совладать с переполнявшими его чувствами, — то давай будем работать дальше.

— Давай, — согласилась Элен, — я готова, — она постаралась унять дрожь в руках. Надо было собраться, сосредоточиться. Просто необходимо записать сегодня хотя бы одну сторону альбома. А может, и большее число песен. Как получится. По крайней мере, кое-что можно записать и вчерне. Если что-то не получится, то можно еще сделать дубли. Или сегодня, или в другой раз.

— Начали, — сказал Стивен Корнуэлл.

Элен снова запела.

Это была довольно-таки мощная композиция. Надо признать, Никола вложил в нее всю свою душу. Такое чувствуется сразу. Тяжелый ритм, глубокие аккорды, кричащие диссонансы... Но все это складывалось в крепкую песню. Песню, которая, наверняка, запомнится многим.

Песню эту Элен пела резко, с болью, с надрывом. Ее как раз так и надо было петь. «Мясная лавка» Раймона Кено. Настоящее имя поэта было — Мишель Прель. Но он предпочитал подписывать свои произведения псевдонимом: Раймон Кено. Так ему больше нравилось.

Голос Элен, казалось, заполнял всю студию. Он был словно вода, вырвавшаяся из не выдержавших сильного напора шлюзов.

*По улицам Парижа
брожу среди людей и грустьведу на привязи,
чтоб не вспугнуть детей.
Сыры, куски свинины,
продукты всех сортов,
кровавые витрины,
прилавки мясников
Лежит в углу телянок,
тоскою полон взгляд,
и это я, быть может,
а может быть, мой брат.
Не расставаясь с грустью
сажусь я на скамью,
и, развернув газету,
я снова узнаю
о бедах, и несчастьях,
и всевозможном зле,
о страшных преступлениях,
насилиях, наводнениях,
войне, землетрясениях,
страданиях на земле,
и это утешенья не приносит мне.*

— Мне это тоже не принесет никакого утешенья, — сказал Стивен, когда Элен закончила пение. — Но зато сильно утешает твое исполнение, Элен. Думаю, что альбом должен принести успех.

— Не говори «гоп»... — ответила ему Элен. Как все женщины, она зачастую оказывалась рассудительнее мужчин. — Поживем — увидим.

— И то правда, — сказал Стивен Корнуэлл. — Но я сделаю все от меня зависящее, чтобы альбом получился.

— Не сомневаюсь, — Элен подарила Стивену одну из своих самых очаровательных улыбок. И он принял этот подарок с благодарностью. Потом улыбнулся ей в ответ.

— Отдохнем? Или продолжим? — спросил Стивен.

Элен лукаво глянула на него:

— Давай-ка еще продолжим. А то, мне кажется, отдых может затянуться... Я это просто чувствую... Но надо бы сегодня сделать максимум того, что только можно...

— Согласен, — вздохнул Стивен. — Тогда будет проще в другие дни.

— Намного проще, — добавила Элен.

— Я в этом не сомневаюсь, — подыграл ей Стивен Корнуэлл. И опять-таки сразу перешел к делу: — Ну, что, моя дорогая? Поехали?

— Поехали, — ответила Элен.

И она вновь запела своим чистым грудным голосом.

Стивен «колдовал» над пультом. Его руки казались руками опытного хирурга, священнодействующего на ответственной и достаточно сложной операции. То они взлетали 'вверх, словно птицы, то плавно спускались, будто рыбы в водных просторах. Его лицо то и дело отражало гамму самых разнообразных, порой противоречивых чувств, которые возникали у него по мере пения Элен.

Удивительное дело! Элен пела с такой неистовостью, с таким мастерством, словно давно уже была профессиональной певицей и записать очередной диск — для нее просто пара пустяков.

Вот что значит сила любви! Настоящей любви! А не какого-нибудь суррогата, который многие с радостью нарекают этим волшебным словом, обманывая себя и вводя в заблуждение других.

Любовь поистине может творить чудеса. Шутка ли сказать: за пять часов непрерывной работы Элен и Стивен записали весь альбом! Просто невероятно!

Да расскажи кто-нибудь такое Элен, она бы в жизни не поверила! Возможно ли это?

Оказалась, что возможно. Оказалось, что в жизни всему есть место. И даже, на первый взгляд, невозможному.

Но в глубине души Элен, конечно же, хорошо понимала, что так удачно работа движется не только из-за взаимных симпатий со Стивеном, не только из-за того, что Стивен Корнуэлл оказался первоклассным звукорежиссером, отличным специалистом, подлинным профессионалом, не только потому, что аппаратура ни разу не подвела, не дала ни малейшего сбоя. Важно было и то, что Элен всю эту неделю серьезно репетировала. С упорством, которому наверняка могли бы позавидовать и многие из тех певиц, которые считают себя профессионалками.

К тому же, Элен весьма тщательно отнеслась к подбору текстов для мелодий. В чем-то согласилась с Николаем, а в чем-то — и нет. Перерыла массу стихов. Блокнота Николая ей, разумеется, не хватило. Элен дважды навещала в библиотеку, где засиживалась допоздна. Как и планировала, одну песню спела на стихи Николая, и две — это кроме известной уже «Если ты есть...», на свои собственные тексты.

— На этом — хватит! — воскликнул Стивен Корнуэлл, когда через пять часов весь музыкальный альбом был записан. Пусть что-то и получилось вчерне, в другой раз можно сделать еще дубли. А, возможно, они и не потребуются. Но к такому решению — единственно правильному и разумному — Элен и Стивен смогут прийти позже. Не сегодня. Для этого нужен новый день, новое настроение, новый взгляд. А сейчас требовалось только одно: настоящий, хороший отдых, который бы снял

напряжение, отодвинул усталость, влил бы в Элен и Стивена новые жизненные соки.

Но что же, скажите на милость, может влить соки и силы в сердца влюбленных? Ясное дело: только любовь!

Как-то само собой получилось, что едва только Элен сняла наушники и вышла в соседнее помещение, она сразу же очутилась в жарких объятиях Стивена Корнуэлла. Не произнеся ни слова, ничего не говоря и не обещая друг другу, влюбленные начали предаваться более смелым ласкам. Руки Стивена гладили Элен, а его губы нежно и сладко целовали ее приятно пахнущую летним лесом очаровательную кожу. Могучая сила настойчиво толкала их друг к другу. Перед глазами влюбленных все кружилось, земля уходила из-под ног: они предавались любовным утехам. Предавались искренне, страстно и бурно. Именно таким образом, каким дарят друг другу секунды, минуты и часы счастья истинно безумные любовники. Настоящие влюбленные. Влюбленные, для которых в мире не существует больше ничего, кроме их единственной, неповторимой, волшебной любви.

9

Утром следующего дня Элен проснулась в своей постели в общезжитии совершенно голая. Снова она проспала до двенадцати дня и снова, конечно же, Аделины и Лоли в комнате не оказалась. Подружки, разумеется, давно уже «ускакали» по своим неотложным делам. Не с кем было даже поделиться впечатлениями вчерашнего дня, которые буквально переполняли ее.

Вчера Элен возвратилась домой, когда все уже спали, глубокой ночью. Точного времени она не знала, не стала и смотреть на часы. После той испепеляющей страсти, страсти истинной любви, которую она испытала впервые в своей жизни — впервые! — ей ни о чем не хотелось думать, ей ничего не хотелось знать. Ни своего имени, ни названия рода, в котором она жила, ни времени, которое показывали часы. Стивен Корнуэлл, ее чудесный, восхитительный, замечательный, неповторимый Стив подарил ей то, о чем она мечтала всю свою жизнь: настоящую любовь.

Раньше она думала, что такое случается только в сказках. Что наяву такого никогда произойти не может, и как жестоко она ошибалась!

Разве могла Элен даже предполагать, что в жизни существуют такая радость, такое удовольствие, такое счастье? Нет, никогда она этого даже представить не могла!

«Боже мой! Стив... Непревзойденный Стив... Где же я раньше была? Где ты раньше был? Почему мы прежде не встретились, еще до Николая?»

Элен вздохнула и посмотрела на свое красивое тело.

Голой она сегодня проснулась потому, что вчера у нее не было сил даже просто натянуть на себя ночную рубашку.

Впрочем, это даже хорошо, что вчера она не нацепила эту дурацкую рубашку. Оказалось, куда приятнее спать голой, чем в какой-то тряпичной сетке. По-другому не скажешь. Словно птичка, которую заарканил птицелов. Но она же не птичка! Она же — Элен!

Молодая красивая женщина, по которой с ума сходит этот милый мужчина Стив Корнуэлл.

Дневной свет просачивался сквозь шторы. Элен спрыгнула с постели, резво, словно пятнадцатилетняя девочка, подбежала к окну, раздвинула шторы. Солнце брызнуло ей в лицо. Элен даже зажмурилась от этого яркого и светлого потока, несущего радость, и легкость, и нежную мечту... Мечту о вечной любви.

Элен босиком прошлепала в ванную комнату. Включила теплый душ. Он возвращал ей чистоту и спокойствие. Чистоту не только тела, но и всех помыслов души. Он смывал с нее все то, что она хотела смыть: ложь, лицемерие, фальшь. Вода не обманывала. Она никогда и никого не обманывала. Это было не в ее правилах.

Вода прогоняла остатки сна, бодрила, помогала почувствовать вкус к жизни.

Элен всегда мечтала заставить себя резко чередовать горячую и холодную воду. Принять хоть разок в своей жизни контрастный душ. Но все никак не могла себя принудить это сделать. Несмотря на то, что многие ее подруги и друзья расписывали прелести такого контраста.

— У меня белоснежная кожа блондинки, — оправдывалась Элен перед подругами, — нежная плоть, мягкие губы, прозрачные груди... Я не могу заставить себя издеваться над моим собственным телом... Это выше моих сил... И потом, даже если и меняю иногда свои привычки, то уж эта-то как раз к такому разряду не относится...

Элен посмотрела на себя в зеркало. Голая Элен перед голым зеркалом. Два голых существа в этой душистой комнате.

Красивые тонкие руки, красивый овал лица, красивая талия, красивые, слегка оттопыренные ягодицы...

Элен вытирала свое тело махровым китайским полотенцем. Полотенце коснулось ее почти совершенных грудей — упругих, округлых, со слегка удлиненными сосками, холодной гладкой кожей, один вид которой — она знала это — возбуждал мужчин.

Как только полотенце коснулось живота и бедер Элен, она почувствовала легкое возбуждение. Разумеется, она совершенно не зациклена на сексе. Секс — лишь естественное продолжение любви, как и любовь — естественное продолжение секса. Но все же без секса никакой любви нет.

Элен вспомнила о том, как это однажды произошло. Тогда она была еще совсем девчонкой. И вот однажды в ванной... Когда вот таким же образом полотенце коснулось ее живота и бедер и потом оказалось между ног... Ах, как хорошо... Как сладко... Спина девочки выгнулась дугой, и ноги она широко развела в стороны, и блаженное удовольствие заполнило ее всю без остатка... Могла ли хоть когда-нибудь до этого момента даже предположить эта девочка Элен, что на свете, оказывается, существуют и минуты райского блаженства? Сколько же было Элен, когда это впервые с ней произошло? Двенадцать? Тринадцать? Четырнадцать?

Сейчас она этого уже точно не помнит.

Но с тех самых пор, когда она впервые испытала это блаженство, забыть его уже не смогла никогда.

Потом она поделилась своим открытием с подругами. Но, оказывается, для большинства девочек ее возраста это вовсе не было открытием.

Пока кто-то из старших девочек, однажды случайно подглядев, как Элен занимается этим прямо в туалете, в лицее, не донес патронессе на нее. Ах, как та тогда расхохоталась... Чего только ни наговорила... Хорошо еще, что будучи женщиной, все-таки поняла ее... Возможно, и сама в юные годы этим грешила... Но, как бы там ни было, ни о чем не стала рассказывать ни отцу, ни матери Элен...

Элен не замедлила присмотреться к красивым, на ее взгляд мальчикам, которые жили с ней на одной улице. Однажды она «попробовала» с одним из таких мальчиков прямо в подъезде...

Так что секс, можно сказать, давно вошел в жизнь Элен. Впрочем, она и по сей день не видела в этих фактах ничего плохого. В конце концов, каждый человек познает мир своими методами. И никому не запрещается соприкоснуться с жизнью, входить в нее своими, индивидуальными путями, получать от нее удовольствие и радость, а не одни только пинки и тумаки.

В жизни и так предостаточно грязного, мерзкого, злого.

Отчего же человек хоть когда-нибудь не может позволить себе маленькие радости? Тем более, что они не противоречат его естеству.

Элен еще раз осмотрела себя в зеркале. Тонкая лодыжка, узкая ступня с длинными пальцами, маленькие светлые волоски на голени. Они почти незаметны. Можно, конечно, намазаться специальным кремом. И все дела. Но — не хочется. Тем более — выщипывать. Какая гадость!

Пусть все останется таким, как это было когда-то задумано природой. Естественным.

Лучше всегда оставаться такой, какая ты есть, самой собой. Элен просто не переносила ни кричащего грима, ни духов с резким запахом. В человеке все должно быть естественно...

Нельзя сказать, чтобы Элен уж очень следила за веяниями моды. Но она и не уходила от нее. Она всегда знала, что модно, а что — нет. Она любила красивую одежду.

Одежда помогла Элен погружаться в тепло. Она помогала ей отгораживаться, замыкаться, уходить в себя, как улитка в раковину. Конечно, Элен вовсе не походила на улитку. Она была весела, разговорчива и общительна. Но все это были лишь внешние проявления ее глубокой природы. Самого сокровенного она не рассказывала никогда и никому. Таково было одно из ее жизненных правил. Поэтому Элен вполне могла «уйти в себя» среди шумной толпы, на танцах, на вечеринке, в актовом зале, в ресторане — где угодно.

И этим своим качеством она также безмерно гордилась. Она считала, что оно помогает ей жить. Может, так оно и было. Слишком глубоко Элен об этом не думала. Потому что хорошо понимала: не следует этого делать. Ради своего же собственного спокойствия. Зачем будить спящую собаку — свое подсознание, тайные желания? Неровен час — они сами проснутся и дадут о себе знать. И уж вряд ли такое понравится самой Элен.

Это она понимала внутренним женским чутьем. А уж чутье представительниц прекрасного пола никогда не подводит.

В дебрях женского чутья, как и женской логики, может запутаться только мужчина! Но уж никак — не женщина!

Элен знала, что нравится многим, в том числе и Николаю. Но именно нравится, и не больше. Даже если б кому-то взбрело в голову объяснить ей в любви, а такое иногда бывало, в особенности на студенческих вечеринках, где кое-кто умудрялся напиваться вдрызг, — даже если б кому-то пришло в голову, Элен без труда бы отделила зерна от плевел. Настоящее от фальши. И в том она тоже была бы обязана своему женскому чутью.

Вызвать всеобщее обожание Элен вряд ли могла бы, да она такого вовсе и не хотела. Зачем? К чему это приведет? Разве она какая-нибудь знаменитость? К примеру, Мадонна... Той это нужно, может быть, хотя Элен точно не знает... Она не может поручиться за желания Мадонны... Об этом лучше пускай расскажет та сама... Но вот то, что Элен вовсе не хочется быть пупом Земли, так это точно. Быть в центре внимания — это все равно что оказаться выставленным на потеху публике в зоопарке. Каждый дурак может отчебучить, что только ему придет в идиотскую башку...

А коли Элен никогда не стремилась находиться в центре всеобщего внимания и даже сама старалась уйти от этого, то и «из-за жуткой любви» к ней никто из парней не глотал пачки снотворного, не вешался в одежде шкафу, не перерезал себе вены в ванной комнате... Из-за нее, за право обладать ею, не дрались ребята, ее не преследовали сексуальные маньяки и сосед-пенсионер не занимался онанизмом, едва завидев

фигурку Элен на своей лестничной площадке... Элен жила тихо-мирно. Еще тогда, в их маленькой квартирке, с папой и мамой...

Да и теперь, когда она жила в общежитии, на территории студенческого городка. Кристоф, Жозе, Е-е, Себастьян были ее друзьями — и не более. Хотя ни от чего Элен не зарекалась. Ведь чего только не бывает в жизни!

С Николая же, разумеется, ее связывали более тесные отношения. Между ними была не только дружба, но, как казалось Элен, что-то возвышенное, страстное.

Правда теперь, после одного лишь сумасшедшего вечера любви со Стивеном, Элен, наконец-то, поняла, что ее отношения с Николаем не более чем пресное блюдо по сравнению с отменными изысканными яствами из первоклассного ресторана.

Хорошо, что она поняла это хоть теперь, а не позже. Потому что, чем позже, тем сложнее человеку все изменить. В особенности, если этот человек — женщина.

Подумать только! Когда-то ей нравился Николай, эдакий серый воробышек. Невероятно!

И как все перевернулось в ней, когда она повстречала Стивена!

Оказывается, одна только встреча — и та в состоянии все поставить с ног на голову, и та способна перевернуть весь мир, и та может переменить все вокруг, изменить привычные правила, нормы и законы.

Боже мой! Кто бы мог подумать?!

Элен, действительно, такого представить не могла. Снова и снова она возвращалась к этой мысли: как же все это произошло? За что судьба так наградила ее? Почему? Потому что Николай не оценил Элен по достоинству, укатил в Италию с этой малолеткой Розы.

«Он первый начал, он первый меня предал...»

«Зачем я так думаю? — спохватилась Элен. — Да и не нужен он мне вовсе, этот Николай. Пускай себе забавляется, с кем хочет. Все равно ему никогда не найти такую, как я. У меня теперь есть Стив. Настоящий парень! Не какой-нибудь фуфло! А альбом рок-группы я все равно сделаю, как надо. Я обещала Николаю и ребятам. Это во-первых. А вторых, это нужно и мне самой. И не только ради денег... И как здорово, как замечательно, что именно благодаря записи этого альбома я смогла повстречаться со Стивом Корнуэллом... Мне кажется, что больше таких парней, как он, на Земле просто не существует... Да что там — кажется... Я просто убеждена в этом! Уверена на все сто!»

Элен знала о том, что она нравилась умным парням и сама любила умных парней. Но все же, все же... От их вечных разговоров о высоких материях ее просто тошнило. Не терпела она никакой фальши, даже если эта фальшь и рядилась в дорогие одежды.

Слава Богу, Николай отучил ее от бесконечных выяснений отношений. Когда-то они через это прошли. Но теперь все это, к счастью, давно позади. Теперь Элен постарается жить так, чтобы никогда не выяс-

нять отношений ни с Николаем, ни с кем-либо другим. Для чего? В том нет никакого смысла. Ни малейшего.

Люди всегда утомляли Элен. Чужие люди, как она называла их в своих мыслях. А своих вокруг нее всегда была немного.

«Наверное, это правильно, — подумала Элен, набросив халат и вернувшись в комнату. Потом она направилась на кухню и стала готовить себе завтрак. Это в двенадцать-то часов дня! Ну да ладно. С кем не бывает. — Да, это, конечно, правильно. Всегда быть одной. Даже в окружении многих людей. Конечно же. В одиночестве немало преимуществ. Никто не мешает думать. Никто не мешает работать. Никто не нарушает целостность твоего внутреннего мира. Потому что, если кто и нарушит его, то уж никак не с благими намерениями. Потому что другим людям до твоего внутреннего мира никакого дела нет. Разве что только они ищут свою собственную выгоду. Тогда — да. Тогда они будут всеми силами стараться вторгнуться в твой внутренний мир. Только вовсе ни к чему их туда пускать. Так спокойнее. И им, и тебе».

Элен уплетала белый хлеб с джемом, плавленый сыр с пластиком колбасы, запивая всю эту вкуснятину чашкой дымящегося черного кофе без сахара. Она не злоупотребляла сахаром. Сахар казался ей слишком сладким, чересчур приторным. Сегодня ей не хотелось ничего приторного. Хотелось только настоящего, истинного, натурального... Резко зазвонил телефон.

— Эта ты, моя радость? — Стив даже не поздоровался. Ну что ж, на него так похоже!

Однако Элен и не думала обижаться:

— Эта я, я, я! — прокричала она с воодушевлением.

— Я жду тебя на площади, в помещении магазина «Рыба», — сказал Стив. И моментально добавил: — Ровно через пятнадцать минут. Да не вздумай опаздывать, а не то я тебя отшлепаю...

И с этими словами он, даже не дожидаясь ответа Элен, бросил трубку.

Сразу лее раздались короткие гудки.

«Ну, что он за человек? — с нежностью додумала Элен. — Почему не поздоровался? Почему не поинтересовался моим самочувствием, моими делами? Почему приказывает мне? И — главное! — почему мне все это как раз безумно нравится?»

Так и не найдя ответов на поставленные ею же вопросы, Элен скорехонько собралась и, с раздражением поглядывая на часы, стремительно выскочила из дому.

Можно было, конечно, предупредить подруг запиской, что она отправилась на свидание со Стивом и поэтому, вполне возможно, не придет сегодня в общежитие ночевать... Но зачем? Зачем им знать об их невероятном счастье — ее и Стива?

Еще, чего доброго, сглазят!

Не надо этого!

А в том, что Стив счастлив точно так же, как и она, Элен ничуть не сомневалась.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Элен влетела в рыбный магазин с такой скоростью, словно за ней гналась банда рокеров, и наверняка поскользнулась бы на до блеска вымытом полу, если бы не сильные руки Стивена Корнуэлла, которые сразу же бережно поддержали ее.

— Ой! — выдохнула ему в лицо вместо приветствия Элен, и Стивен с удовольствием припечатал ее губы властным поцелуем. Стивен не обратил ни малейшего внимания на то, что в магазине в этот час было полно народу. Студенты, преподаватели, пенсионеры, парочка каких-то бездельников, решивших, вероятно, хоть разок прилично пообедать на этой неделе...

Посетители с любопытством обернулись на чмокающие звуки, которые издавал Стив, долго и вызывающе, на глазах у всех осыпая лицо своей любимой нежными поцелуями.

Впрочем, Элен не считала поведение Стива ни наглым, ни вызывающим. Как и свое собственное. Но, скорее всего, так считали все те, кто волей-неволей наблюдали за целующейся посреди магазина влюбленной парочкой.

— И не стыдно? — произнесла какая-то старушка, но Стивен даже не глянул в ее сторону.

— Дело молодое, — обронил незнакомый старик. Он был настроен куда более миролюбиво, чем его высохшая, словно вобла, престарелая супруга.

— Шли бы вы, ребята, целоваться отсюда... Куда-нибудь в парк, — попробовал урезонить Стивена и Элен какой-то преподаватель.

— Да пошел бы ты сам к чертовой матери, — тихо сказал Стив.

И преподаватель быстренько ретировался из магазина.

Скорей всего, он не был трусом, но выяснять отношения на кулаках, в рыбном магазине, на виду у своих коллег ему явно не хотелось. Пойдут слухи, сплетни... Зачем ему все это?

После этих слов остальные покупатели разбрелись по магазину. В конце концов, каждый пришел сюда, чтобы купить какую-нибудь рыбку, а вовсе не для того, чтобы делать бестолковые замечания — и кому? Какой-то целующейся парочке!

Да пусть себе целуются на здоровье! Хоть лопнут. До самого посещения. Никого это не должно касаться. Любовь — личное дело каждого. И ни во Франции, ни в какой-либо другой стране мира ее никто не отменял.

Не додумались еще до таких указов, чтобы отменить любовные игры.

Стивен теперь крепко прижимал Элен к себе и без устали целовал ей шею. Это было так приятно!

Внезапно взгляд Элен упал на продавца, который разделывал рыбу прямо на прилавке.

Продавец брал крупную живую рыбку и некоторое время наблюдал за тем, как она бьется. Возможно, так и надо было: выждать несколько минут. Рыба вяло, обреченно билась. Потом переворачивалась, шлепалась... Ее жабры медленно двигались, лишь едва приоткрывались. Элен с брезгливым ужасом наблюдала за этой уродливой агонией. Рыба выгибалась в руках продавца. Продавец боролся с ней. Рыбка сопротивлялась. Нечто почти эротическое читалось в движениях дергающейся рыбы, в движениях крупных рук продавца, на которые были надеты желтые перчатки. Скорее всего, резиновые, подумала Элен. Продавец резко хватал рыбку. После этого он отсекал ей голову и сразу принимался за чистку. Чешуя и кровь, кровь и чешуя... С отвращением Элен отвернулась.

— Ты чего? — сначала не понял Стивен. Потом посмотрел в том направлении, куда недавно глядела Элен, и обо всем догадался.

Сказал сразу:

— Ну ее к черту, эту рыбку. Она мне весь кайф испортила. Пойдем погуляем.

Элен послушно кивнула.

Стив взял ее под руку.

Они вышли из рыбного магазина.

Только тут, на свежем воздухе, Элен позволила себе вдохнуть полной грудью. Воздух был чистым и вкусным. Не то, что в рыбном магазине. Там, как ни чистили-мыли магазин, все равно пахло мертвечиной. Устоявшийся рыбный запах. Устоявшийся запах рыбных трупов.

Что поделать, если Элен воспринимала этот магазин именно так, а не иначе?

— Чтобы отвлечь тебя от дурных мыслей, — сказал Стивен и мило улыбнулся Элен, — я прочту одно стихотворение. А ты попробуй угадать, кто его написал, идет?

— Идет, — кивнула Элен. — Только одно скажи: его написал поэт-француз или поэт-американец?

— Поэт-француз, — формулировкой Элен с серьезным видом отвечал Стивен Корнуэлл. — Потому что прекрасная француженка вовсе не обязана хорошо знать американскую поэзию. По крайней мере, на данном этапе нашего знакомства. Ну, а что касается родной, французской, то тут, как говорится, сам Бог велел...

— Я вся — внимание, — сказала Элен.

И тогда Стивен начал читать — с выражением, тщательно выговаривая слова, нараспев:

*Цветок трехфазный, мгла общественных уборных.
Змееподобная семья Аспазий вздорных,
На деревце греха срывающая плод,
Ошибки, женщины — какой ужасный счет!
Довольно! Пусть любовь махровой станет розой,
Размером с пальму. Пусть не ноет впредь занозой.
Коснись меня, но знай: я мертв душой давно.
Целуй меня...
О, как во рту твоём темно!*

— Я знаю, знаю, кто написал это стихотворение! — Элен радостно посмотрела в глаза Стивену.

— Кто же? — деланно-строго глянул на свою подругу Стивен Корнуэлл.

— Леон Поль Фарг, — воскликнула Элен.

— Правильно! — рассмеялся Стивен.

— А стихотворение это называется — «Гальки», — добавила Элен. — Вообще-то я отношу его к направлению сюрреализма. Хотя сам поэт не принадлежал ни к одной из авангардистских групп...

— Иногда, чтобы принадлежать к какой-то группе, вовсе не обязательно числиться ее официальным членом, — назидательно поднял указательный палец Стивен Корнуэлл. — Ты согласна, моя милая, моя дорогая, моя единственная?

— Стивен! Мой ненаглядный! — снова воскликнула Элен. — Я не могу быть с тобой несогласной. Я всегда согласна с тобой. Всегда и во всем. Я хочу полностью раствориться в тебе. Я хочу навеки принадлежать только тебе, тебе одному, и никому больше в этом мире. Я хочу, чтобы вся моя жизнь отныне принадлежала только тебе, навеки и безраздельно!

— Да будет так, — важно произнес Стивен и крепко-крепко прижал к себе Элен.

Она чуть не задохнулась в его объятиях. Приятный запах «Олд Спайс» щекотал ноздри. Прикосновение его губ чуть ли не повергало Элен в состояние приятного шока. Аромат мужчины пропитывал ее и с легкостью проходил сквозь ее тело, словно она одновременно была и девушкой, и сказочным привидением женского пола...

Когда после поцелуя Стивен слегка отстранился от Элен, ее всю качало. Словно корабль на морской волне. У нее кружилась голова, перед глазами плыли приятные разноцветные шары. Словно в детстве, когда папа покупал ей сразу несколько разноцветных воздушных шариков.

— Тебе нехорошо? — поинтересовался Стивен, увидев, как Элен водит из стороны в сторону.

— Что ты, любимый! — ответила Элен. — Мне хорошо. Мне очень хорошо с тобой. Никогда еще я не была так счастлива.

— Ты счастлива со мной? — переспросил Стивен.

— Да, дорогой. Я очень, очень счастлива.

— А твоя голова?

— Что — голова?

— Она кружится?

— Кружится.

— От чего она кружится?

— От счастья... От чего же еще?.. Твоя любовь пьянит меня... Я пьянею рядом с тобой... Я хочу тебя обласкать.

— Сейчас?

— Да. Сейчас. Сию минуту.

— Здесь?

— Хочешь — здесь. Хочешь — там. Где тебе угодно. Хоть посреди улицы.

— Посреди улицы пока не будем. Там будет видно, — серьезно отвечал Стив Корнуэлл. — Пойдем лучше под мост. Там нам будет хорошо.

— Под мостом? — игриво переспросила Элен.

— Да, любимая. Под мостом. Среди окурков, рваных газет, консервных банок.

— Я согласна, — сказала Элен. — Лишь бы ты был рядом.

— Я буду рядом. Не сомневайся, — сказал Стив.

Они спустились под мост. Тут было совсем темно. Ну, может, и не совсем, но Элен так показалось. Ей почудилось, будто бы она в одно мгновение перенеслась из дня в ночь. Пахло кошками, мышами, плесенью и почему-то прокисшим пивом. Элен отчего-то нравился этот запах. И вообще, ей нравилось здесь. Ей безумно нравилось быть вместе со Стивеном под этим мостом. Под этим грязным мостом. Вот уж поистине унылое место!

Как хорошо, что унылое! Здесь никто не помешает их любви. Необычной любви: дикой, страстной и необузданной. К черту все приличия!

— Ты мой любимый, — шептала она. — Сделай мне хорошо... Или нет... Сделай мне больно... Делай, что хочешь... Я твоя... Я безраздельно твоя... Я принадлежу тебе отныне и навсегда... Слышишь, Стивен?

— Слышу, — отвечал Стивен.

От Стивена теперь резко пахло жареным луком, селедкой и душистым перцем. Но все эти запахи безумно нравились Элен.

Возможно, она и выдумала все эти запахи. Возможно, ей просто хотелось, чтобы от Стивена пахло именно так, и не иначе. Возможно, это просто была работа ее подсознания. Но всего этого Элен не хотела знать.

Ей было хорошо со Стивеном. Безумно хорошо. Он поцеловал ее плечо, прильнул щекой к щеке и отдался сводящему с ума отчаянному порыву.

— Уфф! — Стивен глубоко и прерывисто дышал. — Ты просто молодчина! Ты даже не представляешь, как сильно я люблю тебя! Никогда раньше у меня не было такой девушки! Ты просто мечта!

Элен ничего не отвечала ему. Только глупо и счастливо улыбалась во тьме.

2

Элен и Стивен шагали по улице, взявшись за руки.

— Тебе нравится гулять со мной? — спросила Элен.

— Да.

— Почему?

— Я и сам не знаю.

— Наверное, потому, что ты еще никогда не прогуливался по Парижу с такой счастливой девушкой.

— Наверное.

— Ты любишь меня?

— Люблю, конечно, — ответил Стив. — Разве можно тебя не любить? Ты — сама прелесть...

— Я это знаю.

— Но я-то этого раньше не знал. Для меня — это целое открытие.

— Открытие — это хорошо, — сказала Элен. — Я обожаю делать открытия.

— Ты каждый день их делаешь?

— Да, — произнесла Элен. Потом поправилась: — Почти.

— А сегодня? — поинтересовался Стивен. — Сегодня ты сделала какое-нибудь открытие?

— Конечно, — кивнула Элен. — И очень важное.

— Какое же, если не секрет?

— Не секрет, — сказала Элен. — Я открыла твое мастерство в любви.

— Умение, — поправил Стив.

— Пускай — умение.

— Совершенно с тобой согласен, — сказал Стив.

— Хочешь, я тоже прочитаю тебе стихотворение? — Элен вполне по-женски, стремительно сменила тему разговора. Привстала на цыпочки, заглянула Стивену в глаза.

— Хочу, — тотчас ответил Стивен.

— Я ведь тоже не лыком шита, не думай, — хитро прищурилась Элен.

— Да я и не думаю, — ответил Стив.

— Я прочту тебе стихотворение моего любимого американского поэта... Правда, читать буду по-французски, а не по-английски... В оригинале я его никогда не читала. К сожалению, — сказала Элен. — Но ты должен догадаться, кто его написал, угадаешь автора?

— Постараюсь, — сказал Стивен.

— Тогда слушай, — Элен начала декламировать красивым грудным голосом:

*В детстве я слышал три красных слова:
Тысячи французов умирали на улицах
За Свободу, Равенство, Братство, — и я спросил.
Почему за слова умирают люди.*

*Я подрос, и почтенные люди с усами
Говорили, что три заветных слова —
Это Мать, Семья и Небо, а другие, постарше,
С орденами на груди, говорили:
Бог, Долг и Бессмертие. —
Говорили нараспев и с глубоким вздохом.*

*Годы отстукивали свое тик-так на больших часах
Судеб человеческих, и вдруг метеорами
Сверкнули из огромной России три
Суровых слова, и рабочие с оружием пошли умирать
За Хлеб, Мир и Землю.*

*А раз я видал моряка американского флота,
Портовая девчонка сидела у него на коленях,
И он говорил: «Нужно уметь сказать три слова,
Только и всего: дайте мне ветчину и яичницу, —
Что еще? — и немножко любви,
Моя крошка!»*

— Это — Харл Сэндберг, — сразу же сказал Стивен. — Отличный американский поэт. Правда, я не помню названия стихотворения.

— Зато я помню, — сказала Элен. — Потому что когда-то этот стих произвел на меня очень сильное впечатление. Оказывается, человеку не так много и надо... Всего три слова...

— Правильно ты мне напомнила, — обрадовался Стивен. — Оно так и называется: «Три слова»...

— Оказывается, ты у меня очень умный, — ласково сказала Элен. Нет, она и не думала смеяться над Стивом. Она произнесла лишь то, что было у нее на уме.

И Стивен тотчас понял это. Сказал:

— И ты у меня умница. Я не смог бы прочитать все это стихотворение наизусть. Хотя одну строфу, может быть, и осилил бы.

— Значит, ты тоже когда-то увлекался поэзией?

— Знаешь, Элен, — сказал Стив, — многие молодые люди в свои очень юные годы зачитывались стихами. Я — не исключение...

— Мне приятно, что ты не расхваливаешь себя, — улыбнулась Элен.

— Я не переносу фальши, — сказал Стив. — Поэтому люблю и поэзию, и музыку. Во всем настоящем фальши нет.

— Это правда, — задумчиво произнесла Элен. — Если поэт напишет неискренние стихи, то их никто не будет читать.

— То будет уже не поэт, а рифмоплет, — вставил Стив.

— Согласна... А если музыкант исполнит неискреннюю музыку, которую высосет из пальца бездарный композитор, то ее никто не станет слушать...

— И покупать... И вся продукция такой фирмы звукозаписи пойдет коту под хвост...

— Да, — сказала Элен.

— Но с настоящими музыкантами такого никогда не случается, — сказал Стивен. — Взять хотя бы «Битлз» или «Роллинг Стоунз». Пусть это и старые ансамбли, пусть в чем-то их музыка и не современна, но ведь это и есть настоящее искусство.

— Есть и современные очень крепкие группы, — продолжила тему Элен. — Например, «Аэросмит», «Нирвана», «Двое бессмертных», «ПэтШопБойз»...

— Да, — сказал Стивен. — Хватает неплохих групп. У каждой — свой стиль, свое лицо.

— Во всяком случае, так должно быть.

— Иначе успеха не добиться.

— Разумеется. Подражание хорошо лишь на начальном этапе. Пока ты весь в поиске.

— А потом надо обязательно обрести свое, — сказала Элен. Найти свое лицо. Быть не похожим ни на кого.

В это самое время Элен и Стивен проходили мимо торговых рядов. Как обычно, зевак было намного больше, чем потенциальных покупателей. Кто-то из чистого любопытства останавливался примерить коф-

точку, или пиджак, или солнцезащитные очки, или просто карнавальную маску. В таком месте хорошо пугать, например, знакомых студентов — наиболее вредных, конечно, либо соседей, которые постоянно, чтобы позлить вас, ~ выкидывают мусор прямо под ваши двери.

Стивен остановился перед симпатичной молоденькой продавщицей, торгующей как раз такими масками.

— Как вас зовут? — неожиданно обратился он к девушке, и у Элен чуть рот не раскрылся от удивления.

Она никак не могла привыкнуть к этой манере Стивена — всегда и во всем стараться быть оригиналом.

Сначала продавщица растерялась. Естественно, она не ожидала услышать такой вопрос. Она ждала, что ее спросят о ценах, попросят помочь что-нибудь выбрать, поинтересуются, не будет ли завтра этот же самый товар стоить дешевле... Но вместо этого красивый стройный незнакомец с легким американским акцентом почему-то спрашивает, как ее зовут. Ну что ж, раз ее спрашивают, то надо отвечать. Тут уж куда не денешься... Интересно, а эта краля рядом с американцем разве не ревнует его? Что-то этого не скажешь по ее виду... Кажется, спутница американца совершенно спокойна, м-да.

— Франсуаза, — ответила продавщица и мило улыбнулась незнакомцу. Неплохо было бы, если б он стал ее покупателем. Может быть, даже постоянным, неожиданно размечталась продавщица. Но тут же одернула себя: нет! Такого не может быть! Люди с таким счастливым видом никогда не становятся постоянными клиентами у кого-то одного. Они покупают у разных продавцов. У всех, кто встречается им на пути...

— Красивое имя, — улыбнулся ей в ответ Стивен. — У нас такие почти не встречаются.

— Где это — у вас? — любопытствовала девушка.

— В Соединенных Штатах, — гордо ответил Стивен Корнуэлл.

— Я так и думала, что вы американец, — с завистью в голосе произнесла девушка. Стивен сразу же уловил этот оттенок.

— Нравится вам Америка? — спросил он.

— Очень.

— А вы бывали там когда-нибудь?

— Нет. Ни разу, — призналась продавщица.

— Может быть, когда-нибудь и побываете, — обнадежил ее Стивен. — Главное — верить в то, что это когда-нибудь произойдет. И тогда такое произойдет непременно... Все это время Элен стояла рядом тихо, как мышка. Она с улыбкой слушала разговор. Нет, она не ревновала Стивена к этой девице. Ничуть. Почему-то сейчас это чувство было совершенно позабыто. Скорее всего потому, что совсем недавно Стивен любил ее. Любил бурно, страстно и безоглядно. Он доставил ей такое удовольствие. Это оно, словно огромное белое облако, полностью закрыло собой все остальные чувства Элен.

— Может быть... — согласилась продавщица. И спросила у симпатичного американца: — Вы собираетесь что-нибудь покупать или же только вести со мной разговоры?

— Я хочу покупать! — мгновенно заявил Стивен. Он почувствовал себя в своей родной стихии. Ему нравилось внезапно менять тему разговора. Это было вполне в его правилах.

— Что вы хотели бы купить?

— Я хотел бы купить все, — сказал Стивен. — Все, что вы здесь продаете. Я всегда покупаю все, что продается... Точнее, стараюсь это купить...

— Интересно, — наконец-то произнесла Элен.

— Да, дорогая, — Стивен повернулся к ней. — Это правда. Моя маленькая правда, которую я тщательно скрываю от всех. И поэтому специально выставляю напоказ, — Стивен очень любил всякие абсурды и нелепицы.

— Все продается, — добавил Стивен. — В этом мире нет ничего бесплатного. И я считаю, что это нормально... Поэтому я и покупаю... Покупаю все, что только могу купить. Исходя из моих финансовых возможностей в тот или иной момент.

— И какие же возможности у тебя теперь? — поинтересовалась Элен.

— А черт его знает, — беспечно заявил Стив и полез за бумажником. Его бумажник, как отметила Элен, был туго набит франками, долларами и марками. По всему видно, человек приехал в Европу не с пустыми руками.

И правильно! Что делать в Европе без денег? Особенно во Франции? Хочешь получить хоть какое-нибудь удовольствие — плати! Так живут все нормальные люди.

«Значит, Стивен Корнуэлл неплохо зарабатывает, — отметила Элен. — У себя, в Америке. Молодец! Деловой человек! А я, честно говоря, уважаю деловых людей. Несмотря на разные их капризы и странности. С деловым человеком в жизни всегда надежнее. Это точно».

— По-моему, возможности у тебя вполне нормальные, — сказала Элен.

— Конечно, — согласился Стивен. — Поэтому я куплю... э-э-э... все карнавальные маски.

— Какие вам маски? — спросила продавщица.

— Вот эту, — указал Стивен на «голову льва», — и вот ту, — указал он на «голову пантеры».

— Отличный выбор, — похвалила продавщица. — Как видно, у вас отменный вкус...

— Просто я люблю диких кошек, — улыбнулся Стивен и посмотрел на Элен.

— С вас десять франков, — сказала продавщица.

— Десять франков! — воскликнул Стивен. — Да это же безумно дорого!

— Не очень-то и дорого по нынешним временам, — вздохнула продавщица.

— Она права, — вступилась за девушку Элен. — Что такое сегодня десять франков? Разве за них проживешь?

— Это смотря с кем, — хитро прищурился Стивен.

— Ах ты, плут! Плут и мошенник! — Элен в шутку погрозила Стивену пальчиком.

Стивен не растерялся и тут же, на виду у ошеломленной продавщицы, ухватился за этот пальчик Элен и начал его целовать, облизывать, слегка покусывать...

— Отцепись! — воскликнула внезапно покрасневшая Элен. Стив, слышишь? Прекрати... Что за дурачества... Тут не время для таких шуток... И не место...

— Всегда — время, — возражал Стивен Корнуэлл. — И везде — место... Во всяком случае, для меня... А очень скоро — не сомневаюсь! — так же будет и для тебя...

— Возможно, — Элен вырвала свой пальчик из его крепких рук. — Стив, уймись...

— Ладно-ладно, — примирительно сказал Стивен. — Уже успокоился. Сделал, как ты просила. Хотя ты и заставляешь меня терять остроту ощущений.

— Вы любите острые ощущения? — изогнула брови дугой продавщица.

— Очень, — признался Стив. — И остроту, и новизну... Я не люблю ничего пресного...

— Я тоже, — сказала продавщица и посмотрела на Стива с еще большим интересом. — Заходите...

— Буду проходить мимо — не пройду, — пообещал Стив. Вот вам десять франков, держите!

Девушка взяла деньги, отдала Стивену две маски — «льва» и «пантеру».

— Здорово! — заорал внезапно Стивен и принялся вытанцовывать на тротуаре. Потом неожиданно подбежал к Элен, цепко схватил ее за руку, и они закружились, уже вдвоем, в бешеном диком танце.

— Что за первобытные пляски! — воскликнула Элен, глядя в восторженные глаза Стива и чувствуя, как его радость и его восторг передаются ей. — Ты всегда такой, Стив?

— Нет, не всегда, — отвечал Стив. — Только сейчас. А в другие минуты — я другой. Совершенно иной.

— Ты — удивительней человек, — выдохнула Элен. Бешеный ритм танца совпадал с ритмом ее собственного сердца.

— Нет... Это ты — удивительный человек... — отвечал Стивен.

— Не может быть, — лукаво говорила Элен.

— Может, — отвечал Стив. — Мне лучше знать.

Маски болтались у него на руке. Рука была продета в тесемки. При каждом непредсказуемом «па» маски били Стивена по бедрам. Но он этого, вероятно, не чувствовал. Выдуманный им танец пленял его. Он пленял и Элен. И на них, разумеется, не могли не обратить внимания прохожие. И не только из любопытства, а прежде всего потому, что когда Элен со Стивеном в бешеном ритме неслись по тротуару, совершенно не глядя при этом по сторонам, они толкали прохожих, мешали им шагать по своим делам, а одного сморщенного старичка даже чуть не сбили с ног.

— Извините! — воскликнула Элен, когда они со Стивеном «пролетали» мимо отскочившего в сторону старичка. Сегодня она безумно любила всех мужчин. Всяких: молодых и старых. Восемнадцатилетних, сорокалетних, шестидесятилетних... Сегодня она могла бы подарить свою любовь любому мужчине. Если бы только... Если бы только Стивен ее об этом попросил.

— У нас медовая неделя, — на ходу объяснил Стивен старичку. Ему тоже не хотелось обижать старого человека. Ведь когда-нибудь и он, Стивен Корнуэлл, может превратиться вот в такого тысячелетнего дедушку...

Старичок совсем не разозлился. Он все понял. Возможно, он вспомнил свою молодость. Как когда-то и он ухаживал за своей старушечкой.

Поэтому старичок неожиданно для Элен и Стивена, улыбнулся, ярко сверкнув вставными зубами.

— Желаю счастья! — вдруг воскликнул старичок и даже махнул влюбленным рукой. Одобрительно, словно хороший давний знакомый.

Наконец Стивен остановился. Он глубоко дышал. Его легкие раздувались с шумом, словно кузнечные мехи. Он сам так сказал.

— Видела, как я дышу? — спросил Стивен у Элен. — Мои легкие раздуваются, словно настоящие кузнечные мехи.

— Может быть, — ответила Элен.

— Что — может быть? — уточнил Стив. — Может быть, раздуваются, а может быть, не раздуваются?

— Да раздуваются, раздуваются, — сказала Элен. — Легкие-то раздуваются, это точно. Но вот, словно кузнечные мехи, или нет, я сказать не могу.

— Почему? — удивился Стивен.

— Потому что я никогда не видела кузнечных мехов.

— Никогда в жизни? — опять удивился Стив.

— Никогда, — сказала Элен. — Погоди, Стив... Ты меня совсем замучил вопросами... Дай хотя бы отдышаться...

— Хорошо, дам, — заверил ее Стивен. — Только сначала скажи: тебе понравился танец, который я изобрел?

— Понравился, — ответила Элен.

— Вот и чудненько! — воскликнул Стивен. — Я очень рад. А знаешь, как я его назвал?

— Как?

— Танец безумных влюбленных! Нравится тебе название, которое я придумал?

— Очень, — ответила Элен.

— Ты молодчина, — вдруг сказал Стивен, серьезно глядя прямо в глаза Элен. — Знаешь, что следует сказать в нужную минуту...

— Не поняла... — и в самом деле не поняла Элен.

— А чего тут понимать? — сказал Стив. — Если бы ты сказала что-нибудь не то, то я мог бы запросто оторвать тебе голову.

Элен растерялась. Так все было хорошо, так сказочно, так волшебное... И тут — р-раз! Ее словно ведром ледяной воды окатили. С головы до ног.

Элен заглянула в глаза Стиву: не шутит ли он? И неожиданно для себя встретилась с холодным, стальным взором.

«Может, он и вправду ненормальный? — вдруг подумала Элен. — Может, и вправду какой-нибудь псих? Но нет, не может быть... Как это не может? — возражала Элен сама себе, — Я же все вижу. Вижу сама. Какой-то он странный... Очень резкие переходы у него от мгновений любви до мгновений ненависти... А может, так и должно быть? Может, и на самом деле — от любви до ненависти — один шаг?»

Вопросы мучили Элен. Но не время было искать на них ответы. Как-нибудь потом, на досуге, когда у нее будет много свободного времени, Элен этим займется. А сейчас... Сейчас нужно просто-напросто понять Стива. Помочь ему. Сделать все для того, чтобы он вновь стал таким, каким был до этой минуты... Веселым, остроумным, жизнерадостным, смешливым...

«Мой милый Стив, как я все-таки люблю тебя! — подумала Элен с неожиданно возникшей в ней нежностью. — Ради тебя я готова на все... Даже на самое ужасное... Нет, нет, нет... Прочь плохие мысли, прочь... Надо развеселить Стивена. Срочно развеселить... Пригласить, что ли его в кафе, посидеть там, погреться, послушать хорошую музыку? Погреться — не потому, что на улице холодно, какие сейчас холода, никаких, ведь лето на дворе... Но вот погреться вдвоем, в своем уютном гнездышке, выдуманном мирке, мирке для двоих... Что может быть лучше этого? Ми согреем друг друга своей любовью... Никто не сможет нам помешать... И в толпе мы будем лишь вдвоем... Только мы — и больше никого кругом... Даже если они есть — чужие лица, чужие глаза, — то это все только иллюзии... Никого нет в этом мире, кроме нас двоих... Кроме меня и Стивена...»

— Стив, — мягко сказала Элен.

— Да, дорогая, — сказал Стив. Он уже начал понемногу приходить в себя. Элен это чувствовала, она чувствовала, как злость Стивена — на что-то или на кого-то, может быть, даже на самого себя: — куда-то

испарилась, все прошло. Стив стал таким, как прежде. Почти таким. Потому что полностью стать таким, каким он был даже несколько минут назад, человек не может. Ни один человек. Каждый человек меняется ежесекундно. Это один из неумолимых законов природы. Наверное, это правильно. Даже не наверное, а точно. Теперь Элен была в этом убеждена. Да. И сегодняшняя встреча со Стивом ее чему-то научила. Это хорошо. Он открыл ей глаза. Он распахнул перед нею те двери, о существовании которых до этого она даже не подозревала. Стив оказался совершенно не похожим на Николя. Это — безусловно. Поэтому — спасибо ему.

«Спасибо тебе, Стив, — подумала Элен. А вслух произнесла: — Стив! Ты не против, если мы наведаемся в одно уютное кафе? Я знаю такое, тут как раз неподалеку...

Стив заглянул в глаза Элен, увидел в них все то, что хотел там увидеть, потом улыбнулся ей и, так и ничего не ответив, взял ее под руку.

3

— Сюда, — сказала Элен.

Элен и Стивен свернули налево. Затем через аркады Лувра и мост Карусель вышли на набережную Вольтера. Зашагали вдоль Сены, мимо букинистических лавчонок.

Возле одной из них Элен остановилась, рядом послушно остановился и Стивен, Элен осмотрела прилавок, взяла одну из старых потрепанных книг. Она любила старые книги. От них приятно пахло временем, пожелтевшей бумагой и даже литературными героями давно минувших лет. С тех пор, как эти герои вышли «погулять» на страницы книг, многое изменилось в мире. Изменился сам мир, изменились и его герои. Не только литературные, но и самые настоящие, И, честно говоря, Элен нравилось это. Ей нравилось, что мир изменяется, обновляется, совершенствуется. Она не верила в Апокалипсис. Во всяком случае, ей не хотелось в него верить. Однако в том, что она любила некоторые из старых книг, не было никаких противоречий. Ведь она любила не все старые книги подряд, а только те, которые считала лучшими, которые можно было с удовольствием читать и сегодня. Вот одну из таких книг Элен взяла в руки.

— Что это за книга? — спросил Стивен. Глаза его уже стали живыми и заинтересованными. Тоска испарилась. Ему снова хотелось жить и повсюду совать свой нос. — Я ее знаю?

— Возможно, — отвечала Элен. — Во всяком случае, должен знать.

— Я никому ничего не должен, — хмыкнул Стивен Корнуэлл. Но тем не менее спросил: — Кто автор?

— Марсель Пруст, — ответила Элен. — Это его роман «По направлению к Свану», — добавила она.

— Первая книга его пятнадцатитомного романа «В поисках утраченного времени», — уточнил Стивен к удивлению Элен. Она не могла предположить, что он, оказывается, знаком с творчеством Пруста. Это было приятно.

— Но мы-то с тобой, я думаю, не будем терять время, а? — заулыбался Стивен Корнуэлл. — Зачем нам его трогать впустую? Ведь я — не Пруст, а ты, извини, не прустиха...

Он с удовольствием засмеялся своей неожиданной шутке. Элен тоже улыбнулась. Она была искренне рада, что настроение у Стивена поднимается...

— Ладно-ладно, — ответила Элен. — Конечно, же будем... Давай я тебе прочту небольшой отрывок из Пруста... Наугад...

— Спорим, что он будет о любви, — внезапно оживился Стивен.

— Зачем мне спорить? — удивилась Элен. — Я и сама уверена, что он будет о любви... Просто нутром чувю...

Она действительно раскрыла книгу наугад. На первой попавшейся странице. А Стивен, не глядя, ткнул пальцем в какой-то абзац:

— Читай!

И Элен начала читать:

— Недолговечный плющ, непрочное, вьющееся растение! По мнению многих, самое невзрачное, самое унылое из всех, что умеют ползать по стене и украшать окно, и ставшее моим любимым с того дня, когда оно появилось у нас на балконе, как тень самой Гильберты, которая, быть может, уже играла сейчас на Елисейских полях и история, когда я туда приду, скажет: «Давайте скорей играть в догонялки, вы в моей партии»; нестойкое, колеблемое ветром и вместе с тем зависящее не от времени года, но от часа, обещание близкого счастья, в котором день откажет или которым он наградит, то есть счастья действительно близкого, счастья любви; растение, которое на камне кажется еще нежнее, еще теплее, чем даже мох; живучее растение, которому нужен только один солнечный луч для того, чтобы оно родилось и от избытка радости расцвело даже в середине зимы!»

— Хватит! — Стивен решительно закрыл страницу ладонью, взял из рук Элен книгу и вернул на прилавок.

Парнишка-продавец с улыбкой наблюдал за этой сценой. Ему очень нравились эти влюбленные. Но если бы его вдруг спросили, чем конкретно они ему нравятся, он не смог бы объяснить. Есть на свете также вещи, которые нельзя объяснить словами.

— Ты прав, — согласилась Элен. — Мы продолжим свой путь. Два путника на милых парижских улицах... И Элен со Стивеном двинулись дальше. Теперь они шагали мимо небольшого моста О-Дубль. Потом свернули налево и миновали Нотр-Дам. Вышли на правый берег Сены по Аркольскому мосту к площади Отель де Виль. И опять зашагали вдоль красавицы-Сены. Только теперь уже не против течения, а по ее

течению... Вот и величественный, неповторимый Лувр... Теперь надо свернуть направо...

— Сейчас — по рю Риволи, — сказала Элен. — и скоро, скоро мы уже окажемся в том милом кафе.

— Скорей бы, — вздохнул Стивен Корнуэлл. — А то у меня уже ноги гудят.

— И как же они гудят? — с улыбкой поинтересовалась Элен.

— А вот так, — ответил Стивен и скорчил смешную рожицу: — Уууууууу-- Элен рассмеялась. Стивен тут же сжал ее в своих объятиях и поцеловал в губы.

— Пусти, медведь американский... Ты прямо, как гризли, стала вырываться из его объятий Элен. Наконец, это ей удалось. — Так мы никогда не доплетемся до места назначения, — сказала она, отдышавшись. — Ты все время тискаешь меня.

— Разве? — сделал невинные глаза Стивен.

— А то нет... — произнесла Элен по-студенчески непосредственно. Фраза эта была довольно расхожей в студенческом кругу.

— Тебе ведь это нравится, — сказал Стив. — Ты ведь не станешь отрицать?

— Нет. Не стану, — сказала Элен.

— Вот и молодчина! — воодушевился Стив, — Значит, нужно повторить...

— Не сейчас, — терпеливо повторила Элен. — Иначе мы так и не дойдем до этого кафе.

— А что? — сказал Стив. — Это так важно — дойти до кафе? Чем оно знаменито? В нем собираются ребята с Блошиного рынка?

— Нет, — сказала Элен. — Ребята с Блошиного рынка в нем не собираются... Кстати, а откуда ты знаешь о нашем Блошином рынке?

Блошиный рынок существовал в северо-западном районе Парижа. Он напоминал старинные толкучки. Только, разумеется, теми древними толкучками там и не пахло. Просто там была тьма маленьких улочек с тьмой же разнообразных павильончиков, лавчонок, магазинчиков и прочая, прочая, прочая... Да и продавцы были люди постоянные, серьезные, хорошо знающие свое дело. Тут можно было купить все, фактически, от иголки до автомобиля... А то, что вы хотели бы приобрести, но в данный момент «того самого» здесь не было... Короче, можно было договориться. Приходите завтра. Приходите послезавтра. Приходите через неделю. Вам все доставят в лучшем виде. Европа есть Европа. Богатые культурные и торговые традиции. Тут работают серьезные люди и по-серьезному.

— Я знаю о Блошином рынке по своей телепередаче, — пояснил Стивен. — Как-никак, еще иногда заглядываю одним глазком в телевизионный ящик... и, кроме того, об этом рынке мне рассказывал Джон... Он купил там для себя уйму всяких необходимых вещей...

— Джон, конечно, хорошо знает Париж, — сказала Элен. — Можно сказать, как свои пять пальцев...

— Как я хорошо знаю то, что у тебя под платьем нет трусиков, — вдруг сказал Стив с легкой улыбкой, и Элен неожиданно для себя покраснела. Оказывается, она еще не разучилась краснеть.

— Ты можешь еще о чем-нибудь подумать, милый мой? — спросила Элен ласковым голосом. Ей было приятно, что Стив заговорил о ее трусиках. О ней самой. О том, что она обнажена. И не только телом, которое прикрывает одно лишь легкое полупрозрачное платье. Но и — всей душой. — Ты можешь еще о чем-либо думать, кроме того, что я — без трусиков?

— Нет, — честно признался Стивен. — Даже если я и говорю о чем-то другом, все равно очень значительная часть моего сознания только и думает о том, что у тебя под платьем нет трусиков.

— Мы уже подходим к кафе, — нежно проворковала Элен, меняя тему разговора. — Пойдем туда, милый мой, пойдем...

И она потянула Стивена за рукав. Он послушно шагнул за ней.

В кафе, по случаю обеденного времени, были заняты все столики, кроме единственного, у окна. Туда Стивен и Элен и направились. Мужчина-официант, элегантный и аккуратный, хотя и слегка пахнувший кухней, улыбаясь до самых ушей, склонился перед клиентами.

— К вашим услугам, — вкрадчиво произнес он.

Голос у него оказался чересчур высоким. Это был не совсем мужской голос. В понимании Элен, голос его портил. Такому официанту больше подошел бы бас, на секунду подумалось ей.

— Ты делаешь заказ? — поинтересовался Стивен.

— Нет, — ответила Элен, — Сделай ты. Я здесь частенько бываю. А то закажу нечто привычное и скисну.

— Не кисни, — сказал Стивен. Он взял протянутое официантом меню, сделал человеку знак не уходить, быстро перелистал странички...

— Да, мсье, — тотчас откликнулся официант на жест Стивена: тот нетерпеливо щелкнул пальцами.

— Значит, так... Принесите нам... — начал Стивен. Элен даже не слушала его. Сегодня не имело значения, что закажет Стивен Корнуэлл на обед. Сегодня Элен не торопила судьбу: та решала за нее. Сегодня ничего не имело значения, кроме любви. Впервые за многие месяцы Элен ни о чем не думала. Кроме, конечно, любви. Ее любви. Ее и Стивена.

Элен не видела себя со стороны. Ее ничуть не заботило, как она выглядит. Теперь, здесь, в кафе, ей было на это почему-то совершенно наплевать.

Официант принял заказ, поклонился и ушел.

— Я и не думал, что в этом кафе официантами работают мужчины, — сказал Стивен. Его губы тронула легкая улыбка. Легкая, как паутинка, почти незаметная.

— Тебе это нравится? — догадалась Элен.

— Нравится. Я люблю мужчин, — просто сказал Стивен.

— И я тоже, — сказала Элен, не особенно вслушиваясь в смысл слов, которые она произносит.

— Но я люблю и женщин, — продолжал Стивен.

— А я, в основном, мужчин, — ответила и ему, и своим собственным потаенным мыслям Элен.

— Каких мужчин ты предпочитаешь? — поинтересовался Стивен.

— Блондинов, брюнетов, шатенов?

— Неважно, — сказала Элен. — Мне всякие нравятся. Главное...

— Главное, — перебил ее Стивен, так и не позволяя своей полуулыбке разрастись, — чтобы у мужчины с любовью и сексом все было в порядке... Чтобы он был мускулист, тверд, решителен и непреклонен... Чтобы он любил женщину крепко-крепко и...

— И долго-долго, — закончила за него Элен. — Ты ведь это хотел сказать?

— Почти, — ответил Стивен, чуть-чуть подумав. — Но, самое главное, это верность и преданность, женщина должна любить мужчину по первому его желанию. Когда бы и где бы он ни захотел... В любом месте, в любое время...

— Я как раз такая женщина, — сказала Элен. — Но раньше я этого не знала.

— А теперь? — спросил Стивен.

— Теперь — знаю, — уверенно ответила Элен.

— Почему? Почему ты узнала это только теперь?

— Потому что раньше я не была знакома с тобой, мой милый Стив. Я даже не подозревала о том, что ты существуешь.

— Надо было приехать в Америку, — сказал Стив. — Мы бы там встретились.

— Мы бы могли там встретиться, — поправила Стивена Элен. — Но вероятность, знаешь ли, штука тонкая.

— Это точно, — рассмеялся Стивен. — Иначе мы с тобой не встретились бы в Париже.

— Нас просто свела судьба, — сказала Элен.

— Сводница-судьба? — все еще широко улыбался Стивен.

— Да.

— А еще кто?

— Еще? — не поняла Элен.

— Ну, какой человек...

— Человек... — произнесла Элен. — Ах, да... Ты имеешь в виду Джона...

— Его, разумеется, — сказал Стивен. — Кого же еще...

— Он был инструментом в руках судьбы, — сказала Элен с уверенностью в голосе. — Впрочем, как и все мы... Мы все — инструменты в руках судьбы... И только...

— Я не знал, что ты фаталистка, — сказал Стивен.

— Я не фаталистка, — возразила Элен. — Просто я так считаю.

— Если ты так считаешь, то, значит, ты — фаталистка, упрямо настаивал на своем Стивен.

— Хорошо, — неожиданно для самой себя согласилась Элен. — Пусть будет так, как ты хочешь.

Стивен с удовлетворением откинулся на спинку стула. Весь его вид говорил о полном блаженстве. Стивен был невероятно доволен собой и не скрывал этого. Как видно, он добился того, чего хотел. Он любил побеждать. Он не любил проигрывать. В крайнем случае, он был согласен на ничью, но только с сильным противником.

— Я рад, что ты со мной согласилась, моя кошечка, — сказал Стивен.

— Кошечка?

— Ну да. Кошечка, — повторил Стивен, и тут рука его стремительно скользнула под стол, дотронулась до коленок Элен. — Ты — моя кошечка, — продолжал Стивен. — И у тебя — великолепная шерстка, такой шерстки больше нет ни у одной кошечки в мире. Твоя — неповторима... Как и вся ты, — добавил он уже хриплым голосом.

Элен только сглотнула слюну, но ничего не ответила Стиву. С ужасом, восторгом, радостью одновременно она поняла, как приятны ей прикосновения пальцев Стивена, его поглаживания, его ласки... Она задышала часто и прерывисто...

Стивен тоже задышал хрипло и глубоко. Его горячее дыхание было ритмичным, словно рядом работал живой метроном. Оно обдавало щеки Элен нестерпимым жаром. Будто она стояла у раскаленной печи. Во всяком случае, ощущение у Элен было именно таким.

Лицо его покрылось красными пятнышками. Глаза слегка затуманились. Губы чуть-чуть задрожали.

Стивен ласкал Элен фактически на виду у посетителей кафе. Кое-кто даже оборачивался в их сторону, но ни Элен, ни Стивен не обращали на окружающих ни малейшего внимания. Пускай смотрят, если им так хочется. Это только придает остроту ласкам.

Правда, большинство из тех, кто о чем-то догадывался по затуманенным взорам Элен и Стивена, по их порозовевшим лицам, по их громкому и прерывистому дыханию, — деликатно отворачивались, не считая необходимым задерживать любопытные взгляды на влюбленной парочке больше, чем с десяток-другой секунд.

Стивен еще ближе пододвинулся к Элен. Ей было сладко, приятно, чудесно, восхитительно, еще и еще, еще и еще, еще и еще, а-ах!.. Как это замечательно! Как прекрасно, так сладко, так невыносимо блаженно... — Ах! — громко вырвалось у Элен, она резко качнулась и случайно задела локтем графин с водой, стоявший на столике. «Бац!», — графин упал на пол и разбился, рассыпался на множество мелких стеклянных осколков, вокруг того места, куда он упал, возникла и растеклась в разные стороны лужица воды.

К столику, за которым сидели взбудораженные Стивен и Элен, резво подскочил официант.

— Не беспокойтесь, — произнес Стивен еще дрожащим от неулегшего волнения голосом, — я за все заплачу.

— Да вы не переживайте, — улыбнулся официант, расценив дрожащий голос Стивена по-своему. Он наверняка думал, что посетитель кафе так разволновался из-за разбитого графина.

— Включите это в счет, — добавил Стивен уже более спокойно.

— Хорошо... — сказал официант. И ушел на кухню или куда там еще за шваброй.

— Ой! — воскликнула Элен. — У меня все платье мокрое! Графин, когда падал, воду выпустил мне на платье...

— Вот именно, — улыбнулся Стив. — Выпустил... Хорошее ты словечко подобрала... Графин выпустил воду, словно выпустил сказочного джинна на свободу...

— Если и есть такой джинн, — сказала Элен с улыбкой, то это — наша любовь...

— Которую мы выпустили на свободу, на волю, — добавил Стивен.

— Мне надо в туалет, — заявила Элен. — Хоть немного подсушить платье. А то оно совсем мокрое.

— В туалет? Отлично! Я пойду с тобой, — заявил Стивен.

— Да ты просто сумасшедший! — воскликнула Элен, но тем не менее с радостью подала Стивену руку.

— Я не сумасшедший, — говорил Стивен Корнуэлл, пока они с Элен шли по направлению к туалету. — Я — живой человек. Мне тоже хочется... Я тоже хочу получить удовольствие. Нет сил терпеть...

— Я тебя понимаю, — усмехнулась Элен. — В таком случае, пойдем скорее.

Стивен и Элен чуть ли не вбежали в дамскую комнату. Им повезло: в эту минуту в туалете никого, кроме них, не оказалось. Впрочем, Элен теперь это было все равно. А Стивену, вероятно, давно уже было наплевать на подобные вещи. Он жил по своим правилам. В любви для него не существовало рамок. Никаких. Теперь это Элен хорошо поняла.

Она не осуждала Стива. Нет. Наоборот: ей нравилось такое его поведение, ей нравилось так любить, она хотела бы любить так своего ненаглядного Стивена всю свою жизнь.

Влюбленные не говорили друг другу ни слова, все было ясно без всяких слов.

Стивен и Элен, взявшись за руки направились к своему столику. Разбитого графина с водой на полу уже не было.

Завидев влюбленную пару, официант подскочил к столу и принес заказ. Салаты, сыр, селедку, антрекот, бульон... Было много всего — и все сразу.

— Я специально попросил официанта, чтобы он принес салаты, первые и вторые блюда, закуски — все сразу, — пояснил Стивен, перехватив недоумевающий взгляд Элен.

Тогда лицо Элен посветлело.

— Все-таки ты, Стивен, очень большой оригинал, — счастливо засмеялась она.

— А ты это только теперь поняла? — улыбнулся ей в ответ Стивен.

— Нет, не только теперь, — сказала Элен, подражая его манере. — И раньше, и теперь. Но и сейчас также, а тогда тоже. Также тоже поняла теперь и раньше и всегда.

— Что ты несешь? — удивился Стив. — Какая муха тебя укусила?

— Муха счастья, — ответила Элен и снова засмеялась. Ей было хорошо, она любила Стива. Стив любил ее. Ей хотелось плакать и смеяться одновременно.

— С тобой все ясно, — констатировал Стив. — Тогда давай будем утолять зверский аппетит. Наш зверский аппетит, — добавил Стивен.

— Твой и мой? — ласково погладила Стивена по руке Элен.

— Да, — сказал Стивен Корнуэлл. — Аппетит двоих. И кому-то третьему мы ничего не дадим. Третий — лишний.

— Ну ты и плут! — со смехом воскликнула Элен. — Плут-плутишка...

— А ты — моя плутовка, — заявил Стивен. — Плутовка и плут рядом идут... Две кроссовки — пара...

— Ты хочешь сказать, два сапога — пара, — попробовала поправить его Элен.

— Нет, — Стивен упрямо тряхнул головой. — Я сказал именно то, что хотел сказать... Две кроссовки — пара...

— Да, милый, — на этот раз сразу согласилась Элен. — Две кроссовки — пара... Ты, безусловно, прав.

— Я всегда прав, — хвастливо заявил Стивен. — Помни об этом.

— Я постараюсь, — произнесла Элен.

— Я периодически буду тебе напоминать об этом, — сказал Стив. Он набил рот салатом. Некоторые его слова Элен разобрала с трудом. Но и это не раздражало ее. Ее вообще ничего не раздражало в Стиве. По ее глубокому убеждению, он состоял из одних только достоинств. Недостатков у него не было вообще.

Иметь недостатки могут позволить себе лишь очень слабые люди, — подумала Элен. — У сильных людей недостатков нет. Нет вообще.

Они, эти люди, состоят только из достоинств. Иначе они и не могли бы стать сильными. Никто не пойдет за слабым. Поставьте слабого во главе толпы — и вы проиграете. Конечно, если ваша цель — проиграть, то тогда только так вы и должны сделать. Поставьте во главе слабого и глупого. Он вам с радостью все испортит. А если и без радости, то большой разницы в этом нет, все равно испоганит. Тогда как сильный и умный принесет куда большую пользу. То есть, вообще принесет одну только пользу. От сильного не будет никакого вреда.

— О чем ты думаешь? — спросила Элен, глядя, как Стив уплетает всякую вкуснотищу за обе щеки.

— Сейчас — о еде, — честно признался Стив. — Я вообще люблю повеселиться...

— Особенно — покушать, — добавила Элен.

— Особенно — пожрать, — конкретизировал Стивен. — Надо более четко выражать свои мысли. И называть вещи своими именами. Это, по крайнее мере, честно. Не нужно обманывать ни себя, ни других.

— Разве мы кого-нибудь обманываем? — удивились Элен...

— Нет, — признался Стив. — По крайнее мере, пока. Это я так сказал... На всякий случай... Чтобы не обманывать.

— Ты молодец, — сказала ему Элен. — Я, наверное, недостойна тебя... Ты такой необычный человек... Я никогда раньше таких людей, как ты, не встречала...

— Тебе повезло, — заявил Стив. — Теперь встретила. На свою прекрасную голову, — добавил он, впиваясь зубами в антрекот. Мясо было вкусным, сочным и таяло во рту. Стивен с наслаждением откусывал маленькие кусочки, с наслаждением жевал, с наслаждением глотал...

Он все делал с каким-то животным, зверским, нечеловеческим наслаждением. Впрочем, может, как раз наоборот, очень даже человеческим, возможно, сверхчеловеческим.

Элен вздохнула. Ей пока еще не хотелось есть. Пока что она была сыта любовью. А что будет через минуту или через две, она затруднялась сказать, она не знала этого. Ей не хотелось о том думать. Не хотелось гадать. Предполагать. Ломать себе голову. Зачем?

«Пусть мужчины ломают себе головы, — подумала Элен. — Во всяком случае, как сказал Стивен, их у них две. А у меня — лишь одна».

Не обращая никакого внимания на Элен, Стивен продолжал активно и с не уменьшающимся желанием набивать свой желудок. Наконец, он наелся до отвала, погладил себя по животу, икнул и уселся поудобнее, откинувшись на спинку стула.

Элен смотрела на него ласково. Словно мать на своего ребенка, который уминает продукты с завидным аппетитом. Словно любящая жена на своего мужа, с которым никто из других мужчин не может сравниться в постели. Уж кому это знать, как не женам...

— Стивен, ты сыт? — улыбаясь, спросила Элен.

— Я сыт, — отвечал Стивен Корнуэлл, — Я сыт как никогда. Я наелся до отвала, во всех отношениях, радость моя...

— Очень рада за тебя, — сказала Элен. — Мне нравится, что ты удовлетворил свои желания, — добавила она.

— Еще не все, — неожиданно заявил Стив.

— Что — еще не все? — не поняла Элен.

— Я удовлетворил далеко не все свои желания, — пояснил Стивен.

— Все желания сразу удовлетворить просто невозможно, — сказала Элен. — Ты и сам это хорошо понимаешь.

— Не понимаю, — сказал Стив.

— Ты понимаешь, — мягко сказала Элен. — Ты любишь спорить. Это совсем другое.

— Да. Я люблю спорить, — Стив внезапно перешел на мягкий вкрадчивый шепот. — Очень люблю.

— Ты дурачишься? — Элен снова гладила его по руке.

Стиву это нравилось.

— Еще, — попросил он. — Еще погладь, вот здесь... И здесь...

Он ближе придвинул к ней руку, чтобы ей было удобнее гладить ее.

— Какой ты смешной, Стив! — воскликнула Элен. — Словно мальчишка!

— Я и есть мальчишка, — сказал Стив.

— Ты — мужчина. Взрослый мужчина. Достаточно молодой, достаточно опытный и восхитительный в сексе...

— В каждом мужчине живет мальчишка, — упрямо заявил Стив. — В некоторых их живет по двое и по трое... А в некоторых — и намного больше...

— Это хорошо или плохо? — спросила Элен.

— А ты как думаешь? — прищурился Стив.

В зависимости от обстоятельств! — выпалила Элен.

— Правильно! — обрадовался ее ответу Стив. — В жизни вообще все нужно делать в зависимости от обстоятельств...

— А любить на виду у всех? — задала вопрос Элен. — Это ты как понимаешь? Считаюсь с обстоятельствами или подстраиваясь под них?

— Ни то и ни другое, — отвечал Стив. — Правильнее сказать: определяя обстоятельства. Делая их такими, какими они должны быть. Какими они, в данном случае, должны быть для влюбленных. Для настоящих безумных влюбленных, разумеется, — счел необходимым уточнить он.

— Молодец! — похвалила его Элен. — Мне понравился твой ответ. Я полностью с тобой согласна... Но я не могла бы столь ясно выразить суть словами...

— Не прибедняйся, — заявил Стив. — Я уверен, что ты недооцениваешь себя... На самом деле ты можешь все... Ты можешь сделать все, что только я захочу... Ты сможешь переспать со мной где угодно: посреди оживленной улицы, в центре площади, на Блошином рынке, в

автомобиле, на стоянке грузовиков, в овощном магазине, в супермаркете, в кинотеатре... То есть где угодно...

— Ты все сводишь к сексу! — воскликнула Элен. Но при этом она до конца специально не пояснила свою мысль. Ведь на самом-то деле и она так считала. Считала, что без любви и секса этого мира не существовало бы вовсе.

— Старина Фрейд был прав, — коротко бросил Стивен. И сразу добавил: — Я полностью согласен с ним!

— И я! — Элен даже захлопала в ладоши. — Я тоже с ним полностью согласна! Я тоже так считаю. Ты сказал как раз то, что я и хотела услышать.

— Я рад, — сказал Стивен. — Рад, что тебе понравилось, что я сказал, что старина Фрейд считает то же самое, что считаю я... И ты...

— Ну, ты и даешь, — восхищенно сказала Элен.

— Я и не так могу, — заявил Стив.

— А скороговоркой эти слова, ни разу не ошибаясь, ты можешь произнести? Не слабо?

— Не слабо! — воскликнул Стив и тут же выпалил в бешеном темпе: — Рад, что тебе понравилось, что я сказал, что старина Фрейд считает то же самое, что считаю я и ты...

— Здорово! — даже цокнула языком от восхищения Элен. — Ты кругом такой способный...

— Вокруг, — оценив ее шутку в таком же ключе поправил ее Стивен. — Ты даже не представляешь, какие у меня есть способности...

— Какие же? — полюбопытствовала Элен.

— Всякие! — воскликнул Стив.

И сразу после этого забрался под стол, прихватив с собой нож и вилку, и там попытался разрезать свой носовой платок, затем, пихая его растерзанные клочки к себе в рот и делая при этом вид, будто бы он, клочок за клочком, проглатывает эту ткань...

Публика в кафе на этот раз была по-настоящему шокирована. Если парижане сквозь пальцы смотрели на то, что на виду у всех кто-то позволяет себе любовные ласки и утехы, то уж на подобную выходку никто спокойно смотреть не захотел.

Кто-то вызвал метрдотеля. Пришлось заплатить по счету и покинуть кафе. Элен так и не успела поесть. Теперь у нее появилось чувство голода. Ей нестерпимо захотелось есть.

Стивен и Элен шагали по парижским улицам, взявшись за руки, и дико хохотали. Им было хорошо.

Прохожие удивленно оборачивались им вслед.

Через три дня у Элен был экзамен, а поэтому все эти дни она просидела над учебниками, даже не звонила Стиву. Они обо всем догово-

рились заранее. Стив сказал, что за эти дни он тоже поработает: «почистит» записи, которые они сделали тогда в студии, Уберет лишние шумы, может, где-то наложит еще разные звуки: например, пение птиц, свист ветра, рокот морских волн, шумы большого города... Словом, работы ему тоже хватало.

И все-таки, не смотря на занятость, Элен чувствовала себя дискомфортно. Она знала, почему это с ней происходит. Ей было плохо без Стива. Ей бешено не хватало его. Без него она не могла нормально спать по ночам.

И хотя Элен сдала экзамен без проблем, все равно она была собой страшно недовольна. Она считала, что эти дни были для нее потеряны, скомканы, словно неудачный эскиз у художника. Хоть выбрасывай их в корзину для мусора.

Элен чувствовала себя так, будто бы все это время она лежала где-то на пляже в ожидании любви. Она лежала долго. Текли годы. Проходили столетия. Мелькали тысячелетия. Мимо нее беспрерывно проносились какие-то люди, много людей: мужчины, женщины, дети. Никто даже и краешком глаза не взглянул на Элен. Никому из них она и даром не была нужна. Все они были какие-то холодные, равнодушные, чужие. Элен лежала на спине, слегка раздвинув ноги в стороны, глаза ее были закрыты, но не до конца. Сквозь ресницы она видела людей. Все они куда-то бестолково бежали. Кто — куда. Каждый — по своим делам. Но Элен никто даже не замечал. Словно вместо нее здесь было пустое место.

В тот день, когда Элен сдала экзамен, сразу после него она позвонила Стивену. В студию.

Он тотчас снял трубку.

— Я слушаю, — сказал он.

— Привет! — обрадованно выкрикнула Элен. — Очень рада слышать твой голос!

— Привет, дорогая! — тоже воскликнул Стивен. — И я очень рад. Чрезвычайно рад.

— Чрезвычайным бывает только положение в стране, — засмеялась Элен.

— Не согласен, — по привычке возразил Стивен. — Наша с тобой любовь — тоже чрезвычайная.

— Пусть так, — согласилась Элен. Она уже знала, что Стивену это нравится. Ей хотелось нравиться Стиву. Он был таким славным! — Скажи, как твои дела...

— Сначала ты скажи, сдала ли свой экзамен, — произнес Стив. — А потом я скажу о своих делах.

— Сдала, — ответила Элен. — Все хорошо.

— У меня тоже все в норме, — сказал Стив. — Правда, пришлось порядком поработать над альбомом. Но зато, думаю, он стал намного лучше... Кстати, тебе не мешало бы сделать еще несколько дублей двух

песен. Я хочу, чтобы они получились лучше. В первую песню добавим шум городских улиц. Во вторую — звуки летнего леса. Не помешает. Ну и в одной песне надо бы дважды повторить пару-тройку строчек, чтобы лучше звучало... Я тебе объясню, какие... А во второй — припев спеть более протяжно. Потому что у тебя там получается сплошной речитатив. Кое-где ты даже жуешь слова, проглатываешь окончания, неправильно ставишь ударения...

— Я догадалась, о каких песнях ты говоришь, — сообразила Элен. — Это песни на мои слова. Они называются «Иду к тебе» и «Сексуальная девчонка».

— Верно! — восхищенно произнес Стивен. Эти нотки в его голосе Элен уловила даже по телефону.

— Так я специально там выпевала слова скороговоркой, бубнила их, проглатывала окончания... Как Мик Джаггер из «Роллингов». Он тоже в некоторых песнях так делает... Да ты и сам это должен знать...

— Я знаю, — ответил Стивен. — Я очень люблю Мика Джаггера, И «Роллинг Стоунз», конечно! Но, дорогая, такое мне и в голову не пришло! Зачем же тебе кому-то подражать? Ты хочешь быть одной из певиц — безликих манекенов, или же у тебя появится что-то свое? Где твоя индивидуальность? Где твое собственное, неповторимое лицо?

— Ты, наверное, прав, — вздохнула Элен. — Надо перезаписать эти песни. Я сейчас приеду.

— Приезжай. Я тебя жду, — сказал Стивен и повесил трубку.

Элен быстро приняла душ, переделалась, бросила в сумочку упаковку противозачаточных таблеток, которые с недавних пор таскала с собой на все свидания и в будущем тоже решила не расставаться с ними...

Немного подумала, постояла на пороге. Может, написать девчонкам записку? Мол, я у Стивена, в студии звукозаписи. Возможно, вернусь домой только денька через три-четыре... Мы с ним активно занимаемся любовью...

Да ведь они ничего даже не знают о Стивене! Они о нем и слыхом не слыхивали!

Сначала Элен с головой захватило это всепоглощающее, всеобъемлющее чувство любви, и ей было просто ни до девчонок. Потом — этот экзамен. Нужно было к нему готовиться, а не лясы точить. Теперь вот — надо срочно бежать в студию.

Девчонок тоже дома почти не бывает. Ни Лоли, ни Аделины. Лето на дворе. Все шастают по своим делам. На ночь, и то не всегда приходят. Жозе, Себастьян, Е-е, Кристофер — уехали в Италию. Под мудрым руководством Николая и его новой симпатии Розы. Телеграммы они так и не дали, Еще бы! Им сейчас не до Элен, не до Аделины, не до Лоли. Наверняка, за каждым из них увиваются толпы чернооких соблазнительных итальянских красавиц. И наверняка ребятки там неплохо забавляются... Думаю, чтоне отстают *от* итальяночек и шустрая Розы... Да ладно... Бог с ними со всеми...

У нее есть Стивен Корнуэлл. Этот американец стоит их всех вместе взятых.

Еще некоторое время Элен раздумывала: может быть, оставить подругам записку? Но, взвесив все хорошенько, пришла к правильному решению: они могут только помешать ее счастливой любви. Могут позавидовать. Могут расстроить их отношения со Стивеном. А как раз этого-то Элен и не хотела.

«Не буду я оставлять никакой записки», — твердо решила Элен и выскочила за дверь.

На улице какая-то машина посигналила ей, хотя Элен шагала по тротуару, а вовсе не по проезжей части.

Элен обернулась и увидела знакомый синий «Рено». Она сразу вспомнила, что «Рено» принадлежит режиссеру Мезону. Тому самому Мезону, который раньше неоднократно пытался затащить Элен к себе в постель. Но у него ничего не вышло!

Молодец Элен, что не стала тогда спать с Мезоном! Зачем он ей? Она теперь спит со Стивеном. Она любит по-настоящему только Стивена Корнуэлла, только его одного.

Отношения с Николая тоже нельзя назвать настоящей любовью. Какая это к черту, любовь? Так, какие-то приятельские отношения, причем прокишие...

Только Стивен открыл ей глаза на настоящую любовь. Только благодаря ему Элен по-зяла, что такая любовь на самом деле существует, и пусть любовь эта в чем-то безумная, в чем-то ненормальная, в чем-то психованная... Тем не менее только она одна может называться истинной любовью, это как франки — есть настоящие, есть поддельные. Только с любовью все наоборот. Денег-то в обороте больше настоящих, чем фальшивых. А вот что касается чувств людей, их взаимоотношений, особенно показных, то уж тут куда больше фальши и лицемерия, чем искренности и порядочности. Ничего не поделаешь. Таков мир.

Но все-таки есть, есть в нем место подлинной любви.

Все эти мысли вихрем пронеслись в голове Элен, как только она увидела Мезона. Весь он был каким-то фальшивым. Ненатуральным. Поддельным.

— Как я рад видеть тебя, Элен! — заорал Мезон, услужливо распахивая перед Элен правую дверцу.

— Я тоже, — вежливо сказала Элен. Какой бы ни был человек этот Мезон, а все-таки обижать его Элен не хотела. В конце концов, он ничего плохого Элен не делал. А то, что он хотел с ней переспать... Ну что ж... Что в том плохого? Этого хотят многие мужчины, но Элен не желает спать со всеми подряд. Пока, во всяком случае.

— Куда ты направляешься? — поинтересовался Мезон.

— Надо пройтись по магазинам, — соврала Элен. Сначала у нее мелькнула было мысль, что можно и сказать Мезону, мол, тороплюсь в

студию звукозаписи, записывать альбом рок-группы Николая, да и сама там пою все песни... Исполняю с блеском, так сказать... Но почти сразу же Элен поняла, что это будет обычным ребячеством. Мезон, в лучшем случае, посмеется над ней. А то и может немного разозлиться... Ведь с Томасом Фовой она больше не работает. С Мезоном тоже не хочет работать. Ребята Николая также разорвали с Фовой всякие отношения.

Для Фовьена поют какие-то туповатые «рыжеволосые красотки».

Словом, делиться всем этим с Мезоном нет никакого смысла. Ведь Мезон, наверняка, был бы не против, чтобы и Элен стала одним из звеньев цепочки Мезон-Фова-Фовьен... Только Элен этого не хотела. Как не хотела рассказывать и про Стивена Корнуэлла. Зачем о нем знать посторонним?

— Я тебя подброшу, — предложил Мезон.

— Да я лучше автобусом... — попыталась возразить Элен.

— К черту автобусы, — решительно заявил Мезон. — Будет оставаться у каждого столба... Садись в машину!

Элен послушно последовала этому разумному совету. В конце концов, за проезд на автобусе, или на такси, нужно платить. А Мезон подвозит ее бесплатно. Для нее, студентки, проживающей в общежитии, лишний франк никогда не помешает. К тому же, этот франк вовсе не лишний...

Проехав буквально с минуту, Мезон предложил:

— Может, заглянем в какой-нибудь бар? Ты глотнешь винишка, а я выпью черного кофе? Угощу шоколадкой...

— Нет, — ответила Элен.

— Тогда давай заедем ко мне домой? — продолжал гнуть свою линию Мезон. Очень уж его привлекала соблазнительная Элен. — Послушаем музыку, посмотрим видеокассету... У меня есть первоклассный американский эротический фильм... Как раз недавно свеженький привезли...

— Нет, — снова повторила Элен.

— Почему — нет? — удивился Мезон, Он не привык, чтобы девушки ему отказывали. Все-таки он был потрясающий мастер по изготовлению музыкальных видеоклипов а в самом деле являлся гордостью отечественной шоу-индустрии. Элен, разумеется, не отрицала этого.

Но все же она считала себя как раз той девушкой, которая может отказать даже мэтру.

— Я очень спешу, — ответила Элен.

— Спешешь растратить все свои деньги в магазинах? — усмехнулся Мезон. — Полагаю, в таких вещах спешка не нужна.

— Может, и не нужна, — согласилась Элен. Но сразу добавила: — Однако я как раз люблю иногда делать то, что не нужно. То есть, кто-то считает это не нужным, а я — совсем наоборот. Я считаю, что это в какую-то определенную минуту как раз необходимо.

— Возможно, и так, — неожиданно для Элен согласился Мезон. Все-таки он был далеко не глуп. — Возможно, — повторил он. — Но у меня свои правила.

— А у меня — свои, — с улыбкой ответила Элен. — Поэтому не обижайтесь.

— Я не обижаюсь, — сказал Мезон. — Обижаются только круглые идиоты. Я только могу разозлиться.

— Тогда разозлитесь, — улыбнулась Элен.

— Вот еще! — воскликнул Мезон. — Да я этого просто не хочу!

— Вы молодец, — искренне сказала Элен.

— Ты действительно так считаешь? — обрадовался Мезон.

— Да.

— Никто никогда не говорил мне такие слова, — признался Мезон.

— Почему?

— Потому что так сказать может только тот человек, который с тобой на равных.

— А все ваши знакомые ставят вас выше себя? — усмехнулась Элен.

— Разумеется, — ответил Мезон. — Я ведь все-таки величина! Что-то значу в этом мире...

— Я этого не отрицаю, — сказала Элен. — Но, вместе с тем, все люди что-то значат в этом мире. У каждого своя роль.

— Ты права, — вздохнул Мезон. — Ты искренняя девушка. К тому же, умная, красивая... Мне было приятно сегодня пообщаться с тобой, — откровенно сказал Мезон.

— Вы как-то сказали, что хотели бы меня хорошо узнать, — Элен перестала смотреть на дорогу и повернулась к Мезону. — Помните?

— Конечно, помню, — ответил Мезон. — Я еще предлагал тебе сделать карьеру актрисы. Ведь ты — человек артистичный, Среди твоих достоинств не только голос...

— С этим я согласна.

— Поэтому я и хотел для начала попробовать тебя в рекламе, потом — в телесериалах, а позже и в более серьезных фильмах. Типа «Унесенных ветром» или «Поющих в терновнике».

— Конечно, было бы неплохо сняться в подобном фильме, — сказала Элен. — Но я думаю, что мое время еще просто-напросто не пришло.

— Оно никогда не придет, если ты будешь сидеть, сложа руки, — усмехнулся Мезон. — Надо много работать, очень много, чтобы достичь даже самых небольших результатов.

— С чего вы взяли, что я сижу, сложа руки? — обиделась Элен, но вовремя спохватилась, остановила себя и прикусила язычок.

— А разве ты работаешь в какой-нибудь творческой мастерской? — сразу оживился Мезон.

— Я не то имела в виду, — попробовала выкрутиться Элен. — На данном этапе, главное для меня — учеба... Моя учеба — это моя работа... Поэтому я и сказала, что не сижу, сложа руки...

— Ну, если в этом смысле,— пробормотал Мезон, — Ну тогда, конечно...

— Мы уже приехали, — сказала Элен. — Как раз сюда я собиралась... Устрою себе поход по магазинам...

— Ты что, на Blooming Market хочешь заглянуть? — поинтересовался Мезон, останавливая машину. — Он-то совсем рядом... Не только ведь по этим вот магазинчикам поход устроишь...

— Вполне возможно,— уклончиво ответила Элен.

— Тогда тебе обязательно нужен провожатый, — сказал Мезон. Я могу быть таким провожатым...

— Зачем?

— Ну, знаешь ли, на Blooming Market встречаются очень крутые парни... Тебя запросто могут обидеть.

— Не беспокойтесь,— усмехнулась Элен. Потом сказала твердым голосом:— Пусть только кто-нибудь попробует... Я сама умею за себя постоять!

— Как знаешь, — разочарованно вздохнул Мезон.

— Спасибо, что подвезли, — поблагодарила Элен.

— Не за что, — ответил Мезон. — Если я тебе когда-нибудь понадоблюсь, то позвони. Ты не забыла еще мой телефон?

— У меня есть ваша визитка, — сказала Элен. — До свидания!

— До встречи! — обнадежил сам себя Мезон.

Элен вышла из салона «Рено», аккуратно захлопнула дверцу.

Автомобиль резко рванул с места, шины засвистели по асфальту, из выхлопной трубы вырвалось маленькое облачко светло-сизого дыма и растаяло в воздухе. «Рено» скрылся за поворотом, Мезон лихачески повернул направо на красный сигнал светофора. Благо, полицейских рядом не оказалось.

Элен торопливо зацокала каблучками по асфальту. Студия звукозаписи была недалеко, метрах в пятистах впереди. Элен специально попросила Мезона остановить автомобиль чуть раньше. Ей не хотелось, чтобы Мезон знал, куда она на самом деле направляется.

6

Как только Стивен отворил дверь студии звукозаписи, Элен прыгнула в его объятия. Он крепко прижимал ее к себе, поглаживая, целовал, жарко-жарко обнимал... Наконец, чуток насытившись, влюбленные направились в помещение. Дверь мягко закрылась за ними, словно кто-то невидимый аккуратно и бережно придержал ее, чтобы резкий щелчок замка не спугнул трепетную и чуткую птицу — любовь.

— Давай все-таки сначала доработаем, — сказал Стив. — А то диск получится не очень качественным.

— Давай, — вздохнув, согласилась Элен, она понимала, что сперва нужно заняться делом.

Не меньше трех-четырёх часов ушло у Стивена и Элен на перезапись песен «Иду к тебе» и «Сексуальная девчонка». Честно говоря, Элен порядком устала, потому что работали они практически без перерыва. Устал, разумеется, и Стивен.

Но зато старания Элен и Стивена были вознаграждены. Когда работа была закончена, Стивен поставил альбом с самого начала. Зазвучала настоящая музыка, Элен пела практически без малейших погрешностей» смикшировано также все было наилучшим образом, качество записи стало великолепным. Рисунки мелодий развивали и дополняли слова песен — все хорошие стихи, умело положенные на красивую музыку. Инструменты не заглушали голос Элен, а наоборот, благодаря высокому мастерству звукорежиссера, как бы оттеняли его, подчинялись ему, следовали за ним.

Альбом обещал иметь широкий успех у публики.

— Меломаны останутся довольны. Я так думаю, — осторожно сказал Стивен.

— Хорошо, если так будет, — вздохнула Элен.

— Пусть будет так! — воскликнул Стивен лукаво.

— Пусть будет так! — повторила за ним Элен и сразу же сказала: — Ты меня проверяешь, Стивен? Проверяешь, помню ли я название одного из альбомов легендарного ансамбля «Битлз»?

— Ничего подобного, — возразил Стивен. — Я знаю, что ты знаешь, что мы оба знаем название этого альбома,— пробормотал Стивен в своей любимой полушутливой-полусерьезной манере. — Но сейчас речь не об этом! Речь не о них. Не о Ленноне, Маккартни, Харрисоне и Старе!

— Не о Ленноне, Маккартни, Харрисоне и Старе? — нарочно повторила Элен, чтобы показать: она полностью принимает его правила игры.

— Да! — с дурашливым пафосом воскликнул Стивен. — Да, да, да! Альбом мы записали. Так?

— Так.

— Мы его прослушали. Так?

— Так.

— Он нам нравится. Так?

— Так.

— Мы сделали все, что могли. Так?

— Так.

— Значит, мы по праву заслужили свой отдых. Так?

— Так!

— Тогда марш за мной, на кухню! — приказал Стивен Корнуэлл. — Я буду тебя кормить! Сегодня ты заслужила обед, моя куклолка.

— Здесь есть кухня? — удивилась Элен.

— Наивное дитя! — шутливо-назидательно заявил Стивен — На всякой уважающей себя студии звукозаписи обязательно есть кухня. Но — не только кухня!

— А что же еще? — полюбопытствовала Элен.

— Еще есть спальня! — воскликнул радостно Стивен.

— Спальня?

— Впрочем, если тебе нравится, ты можешь называть ту спальню комнатой для отдыха. Но от названия сущность не меняется...

— А зачем здесь спальня? — удивилась Элен.

— Наивное дитя! — повторил Стивен. — Кухня для того, чтобы есть. Спальня для того, чтобы спать. Должны же музыканты, которые записывают альбомы на нашей студии, и вкусно поесть, и хорошо поспать... Голодному да невыспавшемуся, знаешь, как скверно работается?

— Вообще-то знаю, — вздохнула Элен. — Тогда, в том самом кафе мне так и не удалось поесть...

— Это я тогда был виноват, — с удовольствием приняв на себя вину Стивен. — Зато сегодня я перед тобой реабилитируюсь. Во всяком случае, собираюсь это сделать.

— Собираешься?

— Да... только пока не знаю, что из этого получится...

— Как это — не знаешь?

— Да так... ведь ни один человек не знает наперед, что у него через минуту-другую получится... нами всеми управляет судьба.

— Судьба-злодейка?

— Нет, зачем же... Судьба — друг человека.

— Как собака?

— Нет. Не как собака. Собака не является настоящим другом человека.

— Разве?

— Не разве, а точно. Собака, например, может взбеситься и покусать хозяина, может даже загрызть его насмерть. Такие случаи бывают.

— А судьба? Она никогда не может взбеситься?

— Нет, — с непоколебимой уверенностью в голосе произнес Стивен. — Не может. Она всегда дает человеку шанс, она всегда дает человеку право выбора. Он сам решает, куда ему пойти: налево, прямо или направо.

— Или назад.

— Или назад... Это уж кто как захочет. По желанию.

— Значит, ты утверждаешь, что судьба — это не собака...

— Не собака... Судьба — это друг человека.

— Хорошо, — сказала Элен. — Ты меня убедил.

— Но я не собирался тебя убеждать, — сказал Стивен.

— Отчего же?

— Мне это ни к чему, — «разъяснил» он. — Ты должна мне просто верить, верить во всем. Верить всегда. Везде. И, разумеется, безо всяких доказательств. Я не собираюсь тебе ничего доказывать. Если я тебе буду постоянно что-нибудь доказывать, то у меня не останется сил любить тебя крепко-крепко и долго-долго. Ты ведь хочешь, чтобы я тебя так любил?

— Да, хочу, — честно ответила Элен. — Очень хочу.

— Но все-таки мы сначала поедим, — сказал Стивен. — Чтобы как следует набраться сил. Чтобы нам было потом, что тратить.

— Я хочу тебя, — сказала Элен.

— Замечательно! — воскликнул Стивен. — Ты делаешь успехи. Это приятно... Но все-таки мы сначала поедим... Марш на кухню! Вперед, за мной, моя неповторимая французская Бабетта!

— Я не хочу, чтобы ты меня называл Бабеттой, — капризно поджала губки Элен. У нее вдруг возникло желание пожеманничать. Но она не могла объяснить, откуда оно внезапно взялось. Впрочем, и действительно, разве нужно всему на свете искать какие-то объяснения? Далеко не всегда...

— Хорошо, моя кошечка, — согласился Стивен. — Хорошо, моя прелесть... Я буду называть тебя просто — Элен...

— Ну ты и кривляка, — улыбнулась Стивенсу Элен.

И они прошествовали на кухню.

Неожиданно Стивен подошел к вешалке и снял с нее белое полотенце.

— Сядь сюда, — сказал Стивен, — вот на эту табуретку. Элен послушно села.

— Теперь повернись ко мне спиной, — сказал Стивен. Элен сделала, как он просил.

— Я умираю от голода. Слышишь, Стив? — произнесла она.

— Можно, я завяжу тебе глаза? — внезапно хриплым голосом спросил Стив.

Элен очень удивилась. Что за причуда? Нечто странное, непонятное ей. Неизвестно, что ему захочется сделать с ней, если она ненадолго ослепнет. Ну, так что он может сделать? Ударить ее? А предварительно ей сообщить: «Ты теперь полностью в моей власти. Сделаю с тобой, что захочу...» Может быть, он просто маньяк? Может, он иногда и сам не знает, чего хочет, и тогда оказывается полностью во власти своих тайных желаний? В таком состоянии может выкинуть какой-нибудь фортель?

Элен с легким испугом взглянула на Стивена. Разумеется, она не думала пугаться всерьез. Разве можно любить — и бояться? Чувшь!

Стивен Корнуэлл смотрел на нее нежно, радостно улыбаясь, слегка щурясь от яркого света, бьющего ему в лицо.

«Боже мой, — подумала Элен. — Быть в его власти, в полном его подчинении, оказаться абсолютно беспомощной и незащищенной перед ним, принадлежать только ему, ему одному — и никому больше в мире... Что может быть прекраснее этого? Что может быть сильнее этого чувства, чувства любви, когда отдаешь себя другому человеку в полное, безраздельное, болезненное, сладкое рабство? Он хочет завязать мне глаза, любимый мой. Он желает, чтобы я стала безвольной куклой в его руках? Он хочет крепко-крепко держать меня за руку, словно маленького ребенка перед тем, как перейти оживленную улицу, а после перехода через ту опасную трассу желает подарить мне такую игрушку, от которой бешено заколотится сердце и стремительно закружится голова? Он этого хочет, ненаглядный мой, единственный и неповторимый? Так я согласна!»

— Можно, — с радостью ответила Элен.

— Удивительно! — вдруг воскликнул Стивен. — Ты согласна?

«Наверное, он когда-нибудь и другим девушкам такое предлагал, — подумала Элен. — Но они, глупые, вероятно, не соглашались. Поэтому Стив и удивляется, что я ничуть не возражаю, дело в том, что ни одна из тех девушек, я уверена, не любила его по-настоящему. Не любила Стива истинной, безумной, на все готовой ради любимого любовью. Так, как люблю его я. Безмерно и сильно».

— Я согласна, — повторила Элен. И с удовольствием увидела, как засияло лицо Стива, как ожили его глаза, как порозовели его щеки.

Элен поняла, что приняла в эту минуту правильное решение; правильное, прежде всего, для Стива, ну и, конечно же, для себя самой. Потому что теперь ее вес в глазах Стива, несомненно, неизмеримо возрос.

Ни страхов, ни протестов, ни опасений не осталось внутри Элен. Все сомнения бесследно исчезли. Все глупые мысли покинули ее.

Движения Стивена Корнуэлла стали мягкими и бесшумными. Лицо оставалось улыбочивым, озорным и лукавым. Стивен совершал только одному ему известное таинство — таинство любви, его любви, которое не походило ни на какую другую любовь. Любовь — чувство индивидуальное, Это как болезнь. У всех она протекает по-разному, хотя и называется одним и тем же словом.

Стивен Корнуэлл любил, как мог, по-своему, ярко, необычно, нестандартно, зато по-настоящему прекрасно!

Стив медленно подошел к Элен, бережно завязал глаза, проверил, крепок ли узел на полотенце. Элен в шутку попыталась открыть глаза. Не тут-то было! Полотенце плотно закрывало их. Оно пахло свежестью и чистотой. Элен подумала о том, что Стив, вероятно, заранее все это продумал. Заранее подготовил полотенце, такое приятное на ощупь, так хорошо пахнущее.

Он знал, что придет Элен. Он был готов встретить ее со всей любовью, на которую он был способен.

Полотенце нежно касалось век Элен, щекотало ее ресницы, виски, щеки. Узел был на затылке. Если бы Элен захотела, то она могла дотянуться рукой до этого узла и развязать его, снова увидеть свет. Но она не хотела этого.

Элен вдруг улыбнулась. Она почему-то вспомнила свое детство, и все, что было с ней после детства. В ее мозгу, словно на волшебном экране, внезапно замелькали кадры из необычного кинофильма. И название этому кинофильму было «жизнь Элен».

— Дай мне твою руку, — хриплым от волнения голосом произнес Стивен. Все это время он стоял рядом с Элен. Она слышала его жаркое дыхание, ощущала его на своих волосах, на своих щеках... — Нет, не сюда... вот сюда...

Элен не могла и не хотела сопротивляться мягким, но в то же время властным движениям Стивена. Он осыпал ее ноги многочисленными, неистощимыми, словно струи з; тянувшегося дождя, поцелуями... Колени у Элен дрожали и подгибались от волнения, от возбуждения, от предчувствия любви...

«Вот он какой, — внезапно пришла в голову Элен дурацкая мысль. — Говорил, что сначала пообедаем, а потом уже займемся любовью... Но почему-то все переиначил... Впрочем, вовсе не почему-то... Я уверена, что действую на него, грубо говоря, как секс-бомба... Он просто не может устоять перед моими чарами. И когда перед ним встает выбор — пообедать или заняться любовью, то он без колебаний выбирает второе...»

И, подчиняясь магии его любимого, родного голоса, Элен начала поглаживать, ласкать, возбуждаться все сильнее, сильнее, сильнее... Снова перед ней замелькали кадры кинофильма под названием «жизнь Элен». Воспоминания сменяли одно другое, наслаивались друг на друга, чередовались, повторялись, мельтешили, а потом... Потом стали ускоряться.

Элен было сладко, Элен было приятно. Элен было сказочно хорошо.

Стивен был рядом, и она слышала его дыхание, и она чувствовала его присутствие, но она не видела его.

Она могла видеть его только в своих мыслях, только в своей памяти, потому что глаза у нее были завязаны крепко-накрепко. Казалось, что теперь думала не только голова Элен, думало все ее тело! Памятью каждой клетки Элен помнила горячую и гладкую кожу Стивена, светлые курчавые волосы на его груди, карие глаза, его неутомимые губы, его едва уловимый и, возможно, вначале не самый приятный, но теперь самый лучший в мире, самый родной для нее запах. Элен вспомнила, как пальцы Стивена, его умелые пальцы звукорежиссера, безошибочно находят, надавливают и поглаживают именно те точки, те самые заветные места ее тела, о существовании которых она не догадывалась и

сама. Она вспомнила то, как Стив жадно, но в то же время трепетно и нежно охватывал губами ее губы и прикасался к ним языком. Язык его трепетал, словно змеиное жало. Элен вспомнила о том, как однажды Стивен ее ласкал: медленно, неторопливо, она бы сказала, как-то важно и торжественно. Он смаковал каждый свой жест. Словно артист, играющий в спектакле весьма важную и ответственную роль. Он ласкал ее нежно и осторожно, но в то же время напористо и сильно. Он нежно гладил ее, а потом целовал долго-долго. И она представить не могла раньше, что поцелуй может быть таким продолжительным...

Смотреть на выдуманный экранчик, на котором мелькали кадры из жизни Элен, у нее больше не было сил. Элен дышала глубоко, прерывисто и часто... Потом она совершенно забылась, абсолютно не сдерживалась и, конечно же, меньше всего думала о том, как она выглядит со стороны... То есть, вообще не думала... Как приятно, как хорошо, все, все, все... Спина Элен выгнулась дугой, из ее легких вырвалось горячее дыхание...

Элен вспомнила, как называли это девчонки в классе. В те далекие, как ей теперь казалось, для нее годы. Никто из них не относился к этому, как к чему-то постыдному. Все девочки считали, что это нормально. И хорошо. И здорово. Они называли это — «гладить себя».

Затем, несколько позже, когда ей очень хотелось, Элен занималась этим довольно часто, в особенности по вечерам, когда в квартире было темно и никто не мог даже подумать, чем она там занимается, под одеялом. Элен умела осторожно возбудить себя. Так, чтобы забыть об окружающих...

— Я люблю тебя, — неожиданно сказал Стивен. — Только не снимай с глаз повязку. Подожди еще немного.

— Хорошо. Я подожду, — сказала Элен и вздохнула полной грудью.

7

Что он делает? Элен поняла, что Стивен взял настольную лампу, приблизил к ней, направил яркий свет прямо ей в лицо.

Белая пелена в ее голове — за белой повязкой, за белым полотенцем — внезапно взорвалась ярко-красным цветом, Элен подумала, уж не свихнулся ли Стивен. Но нет. Не может быть. Не могут те, кто любят друг друга, играть в палача и жертву. Она отогнала от себя мрачные мысли. Неожиданно Элен почувствовала на своей коже острый кончик вилки. Стивен осторожно проводил вилкой по ее подбородку и нежно-му горлу. Взад-вперед, взад-вперед.

Элен вспомнила картину Сальвадора Дали. Правда, она видела не подлинник, а репродукцию. Однажды Аделина притащила альбом Дали из библиотеки. Элен с Лоли внимательно рассмотрели все репродукции. Им понравилось. Особенно — одна. Как же называлась та картина? Что-то такое типа — «Влюбленные, пожирающие друг друга». За

точность названия Элен не могла поручиться. Впрочем, не в названии дело... Влюбленные и на самом деле пожирали друг Друга. С вилками и ножами. Все, как положено. И при этом, кажется, смеялись и радовались. Или нет. Не смеялись. Ну да ладно. Не в этом дело. Так чего же все-таки хочет от нее Стивен? Потом Стивен убрал вилку.

«Сейчас он возьмет в руки нож, — неожиданно подумала Элен. — И тогда...

Она на секунду представила, что тогда с ней может произойти, я чуть не задохнулась от обуревавших ее противоречивых чувств.

— Стивен, сволочь ты этакая, — внезапно сказала Элен. — Что ты там, мой мерзавец, делаешь?

Стивен только хрипло засмеялся ей в ответ. И, разумеется, не ответил.

Некоторое время Элен сидела молча, раздумывая, как ей теперь поступить. Она не знала, что ей делать. Расстроиться? Разозлиться? Рассмеяться? Ни на что не обращать внимания? Продолжать сидеть спокойно и ждать развития событий? Пусть все будет так, как предназначено самой судьбой?

Немного поразмыслив, Элен выбрала последнее. Она решила, что этот выбор — самый правильный.

Вскоре она услышала, как открывается дверца холодильника. Затем услышала позвякивание кубиков льда о стекло стакана. Нечто холодное и влажное — она сразу не сообразила, что это оказалось просто-напросто кубик льда, — скользнуло по ее груди и покатилося ниже, ниже... Стивен касался ледышкой ее груди, сосков, медленно водил ледышкой по коже. Ледышка постепенно таяла и капли воды щекотали Элен. Она непроизвольно сжала свои кулачки, тело ее напряглось.

— Ну, что ты вытворяешь? — сказала Элен.

Стивен звонко и раскатисто рассмеялся, и от звуков его голоса, от его смеха, непосредственного, как у проказника-ребенка, напряжение мгновенно покинуло Элен. И она рассмеялась Стивену в ответ.

— Ты... — пробормотала Элен. — Я не знаю даже, как тебя назвать...

— Как хочешь, так и называй, — сказал Стивен.

— Неужели тебе все равно?

— Кто сказал, что мне все равно?

— Ты. Ты сказал.

— Вот он, настоящей женский «испорченный телефон», — со вздохом произнес Стивен. — Я сказал — «как хочешь, так и называй», — повторил Стивен.

— А разве это не одно и то же?

— Нет. Совсем разные вещи.

— Ладно... Пускай разные, — согласилась Элен.

— Молодец, что ты это все-таки поняла, — похвалил ее Стивен.

— Значит, ты разрешаешь мне называть тебя так, как я захочу? — вдруг уточнила Элен.

— Да, — подтвердил Стивен.

— Ты хорошо подумал?

— Да.

— В таком случае, знаешь, кто ты?

— Ну?..

— Ты — негодяй и мерзавец. Ты — дрянь и подлец. Ты — свинья и гнусный хам. Ты мучаешь меня...

— Хватит, дорогая, — неожиданно произнес Стивен и закрыл ей рот долгим, жарким поцелуем.

Элен переполнил сильный восторг. Ей было приятно целоваться со Стивеном. Причем намного приятнее, еще и потому, что у нее были завязаны глаза.

Наконец Стивен отстранился от Элен. Она представила себе его наглуую, смеющуюся, неотразимую, милую морду.

— Знаешь, как меня называли соседи, когда я был еще мальчишкой? — вдруг спросил Стивен.

— Как?

— Злобным карликом...

— Вот это да!

— Можешь себе представить...

— Они только тебя одного так называли?

— Вообще-то, не только меня. Я жил в рабочем районе. Среди рабочих. Все они вкалывали по-черному. Домой возвращались истерзанные, злые. Постоянно ругались между собой. Ссорились. Дрались. Устраивали друг другу разные пакости. И там, у нас, всех детей всегда называли злобными карликами. Однажды сосед увидел меня во дворе и сказал: «Иди сюда, злобный карлик. Я дам тебе пинка под зад».

— За что?

— Ни за что. Просто так.

— Просто так?

— Да. У него было скверное настроение. Его жена только что сбегала от него. С любовником.

— Ну, и как?

— Что — как? — не понял Стивен. — Ты о том любовнике?..

— Нет, — сказала Элен. Ей нравилось вести этот разговор. С завязанными глазами. На кухне. Рядом со Стивеном. Вместе с ним. — Я не о любовнике. Я спрашиваю — дал он тебе пинка под зад или нет?

— Не дал, — ответил Стивен. — Напротив, я несколько раз пукнул, повернувшись к нему спиной.

— Пукнул? — расхохоталась Элен.

— Ну да. Причем не просто пукнул, а пропускал весьма старательно целую мелодию...

— Какую мелодию?

— «Все в порядке, мама». Песню, которую исполнял Элвис Пресли. Знаешь ее?

— Еще бы! Ее все знают... А ты что, всю песню пропускал?

— Разумеется, нет... Всю песню не пропускаешь... Это довольно сложно...

— Ну и смешной ты...

— Разве?

— Ты не знаешь, что это дурно: отвечать вопросом на вопрос? — заявила Элен.

— Знаю, конечно, — ответил Стивен. — Но мне, понимаешь ли, нравится поступать дурно.

— Все время?

— Нет. Не все время. Только иногда.

— И что произошло потом, когда ты пропускал часть этой мелодии?

— Этот идиот даже не догадался, что я «исполнял» песню Пресли... Он хотел догнать меня и отдубасить.

— А ты?

— Как же я мог его отдубасить? Я — мальчишка, а он взрослый мужчина!

— Да нет... Это понятно... Что ты сделал, я спрашиваю?

— Я срочно «завязал» с Пресли и убежал. Другого выхода у меня просто не было.

— А почему ты решил пропускать именно Пресли? Почему не песню какого-нибудь другого певца?

— Я очень люблю Пресли, — ответил Стивен. — Это, на мой взгляд, самый легендарный исполнитель в истории рок-н-ролла...

— Я тоже люблю Пресли, — просто сказала Элен.

— Я буду рассказывать тебе, — сказал Стивен. — Я буду разговаривать с тобой... А ты... Ты будешь есть, ничего не видя... Ты будешь есть с закрытыми глазами. С завязанными глазами. Ведь ты голодна. Очень голодна. Тебе очень-очень хочется кушать? — участливо поинтересовался Стивен.

— Да, — ответила Элен.

— Вот и кушай, — сказал Стивен. — Кушай на здоровье... Эта игра одновременно и забавляла, и пугала Элен, и тем самым особенно обостряла ее чувства. Ей нравилось играть в эту игру. В игру, которую придумал Стивен.

— Спасибо, — сказала Элен.

Вдруг она почувствовала во рту ягоду. Удивительно! Он что — думает накормить ее ягодами? До отвала? Чтобы она почувствовала в желудке сытость, вместо этого ноющего сосания под ложечкой?

Но все же хотелось бы чего-нибудь поосновательнее... Может, какую-нибудь котлету...

Элен раскусила ягоду: маслина, соленая маслина! Вот так со Стивеном всегда, постоянно, ежечасно... Все в нем — иллюзии, вранье, об-

ман... Мой ласковый и нежный лжец... Мой наглый и бессовестный повелитель... Как я все-таки обожаю его!

Она вспомнила, как впервые, давным-давно, в полузабытом теперь детстве она выплюнула маслину, из-за такого вот разочарования.

Соленая ягода? Разве ягода может быть соленой? Так подумала тогда Элен.

Оказалось, что ягоды бывают солеными. До этого Элен считала что все они бывают лишь сладкими. Для нее было открытием, что сладкое вдруг оказалось соленым! Она расценивала это именно так!

Так она впервые поняла, что окружающий ее мир далеко не однозначен. Что в какую-то минуту черное может оказаться белым, холодное — горячим, сладкое — соленым.

Теперь же, разумеется, Элен очень любила маслины. Для нее это были самые вкусные ягоды. И Стивена она тоже любила.

Секунду она размышляла над нелепой мыслью, вдруг явившейся ей: что или кого она любит больше? — Стивена либо маслины?

Элен вздохнула. Она не собиралась искать ответ на этот странный вопрос.

— Дай мне еще маслинку, — жалобно попросила она.

— Ну очень даже все вкусно, — как-то неопределенно ответил Стивен и провел по ее губам еще одной маслинкой. Но он не положил эту маслинку в рот Элен. Вместо этого он положил ей в рот клубничку. Элен с удовольствием проглотила ее. Эти ягоды были совсем разные на вкус, маслина и клубничка, клубника и маслинка... Что-то они напоминали Элен. Что-то из того времени, когда ей было то ли пятнадцать, то ли шестнадцать, то ли восемнадцать... Сейчас она точно не помнит, сколько лет ей тогда было.

Зато помнит, хорошо помнит свою подругу того времени — Монику. Прелестную Монику, которая обожала экстравагантные выходки.

Вместе с Моникой они отправились в кино. Элен не помнит названия кинофильма, который они тогда смотрели. Да это и неважно. Зато Элен хорошо помнит, что справа от Моника сидел какой-то паренек. Элен старалась рассмотреть его лицо в полутьме... Нет, он не был красивцем. Какой же это красавец? Толстые губы, грубые черты лица, низковатый лоб, чуть скошенный подбородок... Вместе с тем чувствовалось в этом парне, сидящем с ними рядом, с Моникой и Элен, какое-то внутреннее обаяние, притягательное, неодолимое, властное. Перехватив любопытные взгляды девиц, парень вдруг оторвал свой взгляд от экрана и принялся изучать девушек.

— Ну? — вдруг хрипло произнес он и криво улыбнулся. Да, улыбка его была кривой и некрасивой, но в то же время неотразимо обаятельной. Элен по-другому не могла объяснить...

— Сейчас, сейчас, — вдруг забормотала экстравагантная Моника и...

И неожиданно нагнулась к брюкам парня — не слишком-то плотно парня, потому что даже сидевшая возле Моника Элен явно ощутила запах пота и еще чего то, резкого и соленого, исходящий от того. Этот запах ударил ей в ноздри, и она с большим трудом удержалась, чтобы не чихнуть.

Тем временем Моника расстегнула ширинку на брюках парня, приблизилась туда свои губы и начала что-то такое делать в темноте. Вскоре Элен увидела, как парень закатил глаза и тихо застонал, потом вцепился обеими руками в подлокотники кресла. Голова Моника была словно зажата между колен парня, Вскоре голова Моника начала совершать вращения, колебания, еще всякие движения, наконец, послышался чмокающий звук.

«Какой отвратительный! — подумала в тот момент Элен. — Что это такое? Нет, нет, никогда... Я не хочу, не хочу...».

Но в то же время она с любопытством ожидала, пока все кончится и пока Моника не поднимет голову.

А когда Моника с горящими даже во тьме кинозала глазами, довольная, уселась на свое место, Элен попросила ее:

— Давай поменяемся с тобой местами!

Моника все сразу поняла. Она уступила свое место Элен.

И потом уже Элен наклонялась к брюкам того парня... Она вспомнила тот пряный солоноватый привкус... Вот о чем напомнили ей маслинка с клубничкой...

— Тебе нравится вкус? — поинтересовался Стивен.

— Очень нравится, — сказала Элен и тихо засмеялась.

— Ты чему смеешься? — удивится Стив.

— Просто так, — ответила Элен.

— Хороший ответ, — неожиданно похвалил ее Стивен. — Так вот,— сказал он сразу после этих слов. — Я хочу продолжить о Пресли... Он снова положил ей в рот маслинку. Потом продолжал:

— Знаешь, как все у него началось?.. В одна тысяча девятьсот пятьдесят третьем. году Элвис как-то заглянул в небольшую, очень небольшую студию Сэма Филлипса. Незадолго до этого Сэм организовал фирму грамзаписи «Сан». Элвис Пресли заплатил четыре доллара и записал в единственном экземпляре пластинку. Пластинка предназначалась в качестве подарка его матери, А еще через год Пресли опять заявился к Сэму. Он решил попробовать свои силы в качестве певца. Тут его, разумеется, вспомнили. Вспомнили прежде всего потому, что у Элвиса был необычный голос. Будто у какого-нибудь чернокожего певца. Вот тогда-то Пресли и начал работать, упорно и настойчиво, не сразу у него все получилось. Однако получилось же, в конце-то концов! Он нашел свою манеру, свой стиль, свое лицо!

— Мне тоже нравится Элвис, — повторила Элен. — Я люблю его.

— Какие песни тебе особенно близки? _ вкрадчивым голосом спросил Стивен Корнуэлл. Ему нравилось забавляться со своей возлюбленной. Он получал от этих игр несказанное удовольствие.

— Многие, — отвечала Элен. — Почти все.

— Ну, а все-таки, — настаивал Стивен. — Если конкретно...

— Если конкретно, — Элен немного подумала. Потом произнесла: — «Синие замшевые туфли», «Люби меня», «Тюремный рок», «Я хочу тебя, ты нужна мне, я люблю тебя»...

ё— Прекрасные песни, — похвалил вкус Элен Стивен Корнуэлл. Просто великолепные. Я от них тоже в восторге. Помню, когда я только начинал свою карьеру звукорежиссера, то слушал их неоднократно...

Стивен положил в рот Элен смородину.

Она с удовольствием разжевала и проглотила ягоду.

Затем последовали — клубничка, маслинка, опять смородинка.

А потом... Потом...

Острое, жгучее, болезненное, скользкое, противное... Словно та рыбина на прилавке... И тело Элен тоже выгнулось, будто бы тело той рыбы...

Элен вспомнила, как продавец, вооруженный длинным острым ножом, разделявал рыбину на прилавке.

Продавец брал крупную живую рыбу и какое-то время глядел на то, как она бьется. Видимо, так и надо было. Надо было подождать какое-то время и посмотреть, как бьется эта рыба. Рыба билась вяло, обреченно и даже как-то лениво. Ее жабры слегка шевелились. Но не столь часто, как это было тогда, когда она жила в своей стихии, в воде, это была странная и уродливая агония. Не та, которая существует в природе, а та, которая была придумана человеком. Искусственная агония. Вызванная насильно. Вызванная насильем вопреки желаниям рыбины. Рыбина же, естественно, желала возвратиться в свою стихию. Но ее лишили этой возможности. Ей можно было только биться о прилавок головой и хвостом. Рыба выгибалась в руках продавца. Нечто почти эротическое и еще более обреченное читалось в движениях рыбины, бьющейся в руках продавца. Крупные руки продавца хватили рыбину, тискали ее, сжимали, прижимали к прилавку, давили на нее. Потом продавец резко схватил рыбину и отсек ей голову. Затем принялся чистить.

Черт с ней, с рыбиной...

Перец? То был скользкий, влажный, острый, горячий, обжигающий красный перец? Стивен угостил ее перцем! Он запихал в рот Элен здоровенный кусище этого перца! Так, во всяком случае, представлялось Элен — ведь глаза ее все еще сжимала повязка, это чертово полотенце! Хотя и от маленького кусочка душистого красного перца в желудке любого человека мог начаться самый настоящий пожар.

Сначала, разумеется, во рту, ну, а после этого уже и в желудке!

«Мир полон психов, — вдруг подумала Элен. — Почему судьба всегда сводит меня только с психами? Может, потому, что я и сама — сумасшедшая, безумная, психопатка?»

Рот обожгло, Элен поперхнулась, проглотила кусочек перца... Мерзавец, негодяй, подонок! Он опять что-то поднес к ее губам, опять такой же, точно такой перец... Жжет, жжет, жжет... Пламя во рту, пламя в желудке, пламя, кажется, во всем животе... Она так верила Стивену, а он, оказывается, жестоко потешается над ней, развлекается, наслаждается ее мучениями... Садист, самый настоящий садист... Как это ее угодило влюбиться в садиста... И действительно, любовь зла... Ему доставляют удовольствия ее мучения? Нет, нет, не может быть!

Пожар внезапно стал стихать. Стивен щедро вливал в рот Элен кока-колу. Кока-кола была сладкой и приятной на вкус. От нее ничего не горело. Кока-кола — это было как раз то, что нужно. Что нужно в данную минуту Элен.

Кока-кола стекала на грудь Элен, на живот, на ноги... После кока-колы Стивен протянул ей на ложке клубничного сиропа... Потом — минеральной воды... Потом — снова кока-колу... Потом на ее лицо полилась минеральная вода из бутылки...

— Ой, Стивен! — задргала ногами Элен. Она уже смеялась. Контрасты уже не раздражали ее. Она продолжала играть в игру, которую придумал Стивен. — Что ты делаешь? Перестань сейчас же! Ах ты, негодник этакий...

— Я только прошу, — произнес Стивен Корнуэлл, — не открывай пока еще глаза... Не открывай их еще какое-то время... Не срывай полотенце... Потерпи еще немного... Все будет хорошо, вот увидишь, все будет хорошо...

Элен дико смеялась, по-сумасшедшему трясла головой, сжимала кулачки и тут же разжимала их, пыталась уцепиться за невидимого Стивена...

«Ладно, Стивен, — радостно думала Элен. — Ладно, мой хороший, мой интересный, мой неповторимый. Будь по-твоему. Делай со мной, что хочешь. Я полностью в твоей власти. Я и хочу быть в твоей власти целиком. Хочу принадлежать тебе вся. Тебе. Только тебе одному. Никому больше. Ты мой повелитель. Хозяин. Только ты можешь любить и можешь убить. Тебе дозволено все. Делай со мной все, что угодно, мой уродливый, мой великолепнейший, мой любимый, мой ласковый, заботливый, жестокий и милый зверь! Мой Стивен!.. Представляю, какой хаос сейчас на этой кухне... Что тут творится на полу... Какой разгром учинил тут Стивен — и все это ради меня, ради меня одной!»

Элен почувствовала, как некая первобытная гордость и неумная восторженность переполняют ее; словно потоки воды, сдерживаемые ранее, с бешеной скоростью хлынули в шлюзы канала...

— Высунь язык! — приказал Стивен. — Быстро! Не раздумывая!

Элен послушно высунула язык. Он затрепетал, задрожал в ожидании подарка.

Сладкая тягучая капля упала на него сверху.

Что это? Мед? Или... или...

Нет. Это не «или». Абсолютно точно. У Элен хороший вкус. У нее хорошо развиты вкусовые рецепторы. Она хорошо во всем разбирается. Она не ошибается.

Это мед. Натуральный пчелиный мед. Сладкий и тягучий. Пахнущий цветами и травами. Впитавший в себя соки земли. Аромат лугов, тепло солнца, дыхание ветра, влагу дождей. Самый настоящий мед. Прекрасный, сладкий, восхитительный, сытный...

Стивен Корнуэлл кормил Элен медом. Ложка за ложкой. Ложка за ложкой... Элен, должно быть, проглотила ложек десять этого меда. Если не больше. Она не считала. Ей не хотелось заниматься арифметикой.

Наконец, она почувствовала себя насытившейся.

Теперь Стивен поил ее чаем из чашки. Приблизив чашку к ее губам, прижав к ее подбородку, изредка наклоняя эту чашку.

Прекрасный чай! Восхитительный! Изумительный! Самый лучший! Это был любимый чай Элен. Цветочный, ароматный, нежный чай. Чай «Липтон». Элен любила чай «Липтон». Она обожала его. Только от чая «Липтон» она получала всегда самое настоящее удовольствие. Она предпочитала этот чай любому другому.

Боже мой, какое блаженство, какое счастье! Как ей хорошо! Как ей хорошо со Стивеном! Необычно, чудесно, вкусно!

Стивен разматывал полотенце, снимал с ее головы, заглядывал в ее глаза... Элен щурилась от яркого света. Стивен смеялся.

— Салют, Элен! Салют, дорогая! Я этого ждал!

Да, безусловно, он ждал этого. Он ждал, чтобы она перестала бояться его. Его, не более ненормального, чем все остальные люди. Он ждал, чтобы она перестала пугаться, сомневаться, и он желал, чтобы она вошла в игру. В его игру. Разумеется, Элен должна была войти в эту игру не на равных: правилами игры это предусмотрено не было. Она должна была подчиниться Стивену, подчиниться полностью и бесповоротно, стать его куклой, его верной помощницей, его безмолвной тенью.

Элен должна была позволить ему вытворять с ней все, что только ему вздумается. И она позволила ему сделать это.

И ничуть не жалела об этом.

Мир заиграл перед ней новыми, яркими, веселыми, неожиданными, отчаянными красками.

Стивен приблизил свое лицо к лицу Элен. Она с радостью заглянула в его счастливые глаза. Она почувствовала горячее, пахнущее терпким красным вином дыхание Стивена.

«Когда это он успел глотнуть винца? — подумала Элен. И сама же себе ответила: — Это когда я сидела тут с завязанными глазами».

Стивен лизнул ее в щеку, словно какая-нибудь собака. Потом он дотронулся до ее губ своими губами. Принялся облизывать их. Элен обняла Стивена за шею. Крепко-крепко. Нежно-нежно. Страстно-страстно.

Руки Стивена скользили по бедрам Элен. Его губы не отрывались от ее губ, и этот поцелуй оказался Элен продолжительнее всех предыдущих. Пальцы Стивена немного задержались на ключицах Элен, затем спустились к ее бедрам, потом начали ласкать низ ее живота.

Элен напряглась в предвкушении блаженства.

И она не ошиблась в своих ожиданиях.

На этот раз блаженство оказалось намного ярче и куда сильнее того, которое она — теперь уже неоднократно — испытывала до этого. Вместе со Стивеном. И благодаря Стивену, разумеется.

Мед тек по жилам Элен и Стивена. Да, безусловно. Это была не кровь. Не красная, не голубая, не какая она еще там бывает...

Элен прижималась к Стивену всем телом. Он прикасался к ней нежно, осторожно словно боясь причинить ей боль.

Они любили друг друга среди раздавленных ягод, пролитой кокаколы, лужиц от растаявшего льда...

Элен нравилось заниматься этим со Стивеном на кухне.

Стивен слегка поддерживал Элен на весу. Его губы двигались от ключицы — к животу, от середины живота — к самому его визу. Потом губы его вновь впивались в губы Элен. Стивен дразнил сам себя. Дразнил Элен. Он то покидал Элен на некоторое время, и тогда все ее внутренности дрожали в предвкушении дикого, первобытного, нечеловеческого восторга.

Элен всем телом ощущала то сильное напряжение, которое возникало и росло, росло, росло в теле Стивена. Все его мышцы были напряжены. И Элен это было страшно приятно. Она слушала музыку мышц Стивена всем своим телом. Слушала ее и наслаждалась ею.

Стивен весь дрожал... Он обнимал Элен, он замкнул ее в своих руках, сильных руках, он будто защищал ее от кого-то своим плотным телом...

Наконец он замер. Но лишь на мгновение,

— Пойдем, — выдохнул Стивен.

— Куда? — шепнула Элен.

— Сначала — в ванную, — сказал Стивен.

— В ванную?

— Да.

— Ты плюхнешься туда вместе со мной?

— Разумеется.

— И тебе не будет стыдно? Нисколечки?

— Ничуть, — сказал Стивен.

— Но ты же будешь там совсем голый! — игриво заулыбалась Элен.

— Я там буду совсем голый, — подтвердил Стивен.

— Но ведь и я там буду голой, — сказала Элен
— Ну, и что? — деловито сказал Стивен. — Разве тебе это не понравится?
— Ты меня не понял, — ласково сказала Элен. — Хороший мой... Да я просто счастлива буду принять с тобой одну ванну.
— Одну на двоих, — уточнил Стивен.
— Одну на двоих, — эхом откликнулась Элен.
— А потом мы направимся в спальню, — сказал Стивен,
— В спальню?
— Ну в комнату отдыха, — конкретизировал он. — Там такая чистая кровать...
— Ах, дурачок, — нежно произнесла Элен. — Тебе все меня мало?
— Да, мало, — честно признался Стив.
— Ты все еще голоден?
— Голоден. Голоден невероятно.
— Ну что ж, — сказала Элен, — если ты голоден, то должна же я тебя накормить!
— Разумеется, — ответил Стивен. — Ведь я тебя сегодня накормил до отвала!
— Уж это точно, — согласилась Элен — Я такого вкусного меда никогда раньше не пробовала.
— В жизни есть еще немало такого, чего ты никогда не пробовала, — задумчиво сказал Стивен Корнуэлл.
— Правда? — удивилась Элен.
— Правда, — сказал Стивен.
— А ты мне покажешь все это?
— Обязательно, — сказал Стивен.
— Все-все? — наивно спросила Элен.
— Все или не все, я точно не могу сказать, — произнес Стивен Корнуэлл. — Но, во всяком случае, постараюсь показать тебе то, что знакомо мне самому.
— А многое тебе знакомо?
— Ну не то, чтобы очень многое, — сказал Стивен. — Но я знаю немало любопытных вещей...
— И с ними интереснее жить, да, Стив? — Элен заглянула ему в глаза. Теперь глаза Стивена были чистыми, спокойными, умиротворенными. Как всегда бывает у человека, который удовлетворил свои желания. В особенности, если желания эти необузданны, нестандартны и страстны.
— Намного интереснее, — сказал Стивен.
— Объясни, пожалуйста, — попросила Элен.
— Трудно объяснить, — Стив вздохнул. — Но я попробую... Скажем, всю жизнь ты ела пресную селедку, пресную рыбу... А потом вдруг открыла, что ее можно поперчить, засолить, посыпать лавровым листом, полить кетчупом...

— Селедку не поливают кетчупом, — надула губки Элен.
— Ну это я просто так сказал, — улыбнулся Стивен. — Чтобы была яснее моя мысль... Ты поняла?..
— Вообще-то, я поняла, — призналась Элен.
— Ах ты, плутовка! — воскликнул Стивен, — Значит, я тут перед тобой распинаюсь, а ты просто-напросто дразнишь меня?
— Да, дразню, — честно сказала Элен.
— Зачем?
— Да просто так, — на этот раз «объяснила» Элен.
— Не может быть, — сказал Стив. — С чего бы тебе вдруг просто так дразнить своего повелителя и обожателя?
— Так ты полагаешь, что ты мой повелитель и обожатель?
— А кто же еще?
— И долго мы будем так разговаривать?
— Как?
— Долго мы будем задавать друг другу вопросы, не отвечая на них?
— А почему бы и нет? Почему бы нам так не поиграть?
— Ах, Стив! — воскликнула Элен. — Я так люблю тебя! Ты открыл для меня новый мир.
— Я знаю.
— Раньше я даже не подозревала о его существовании .
— А теперь подозреваешь?
— А теперь просто знаю, что он существует.
— Кто существует? Я, ты, мы?
— Все. Все существуем. И я, и ты, и мы! И этот странный удивительный мир... Мир настоящей любви. Безумной, сумасшедшей, восхитительной... Он тоже существует.
— Существует, да еще как, — в шутку сказал Стивен.
— Ах, Стив, — снова сказала Элен. — У тебя на уме одни только смешочки...
— Смешинки, — поправил Стив.
— И это ты, американец,правляешь меня, француженку? — Элен сделала вид, что дует на Стива.
— Не кривляйся, — сказал Стивен. Он сразу «раскусил», что Элен просто играет с ним. Как кошка с мышкой. Или — как иногда бывает — словно мышка с кошкой.
— А мне теперь нравится кривляться, — сказала Элен.
— Это еще почему? — буркнул Стивен.
— Потому что ты научил меня этому, — просто сказала Элен. — Я, знаешь ли, способная ученица.
Стивен Корнуэлл посмотрел на Элен долгим изучающим взглядом. Потом сказал:
— Это я вынужден признать. И я этому рад.
— Я тоже этому рада.

Стивен слегка наклонился вперед, Элен почувствовала, как его рука гладит ее колени, бедра, живот...

— Что ты там ищешь, хотела бы я знать?

— Постигаю бесконечность, — ответил Стив. — Разве это занятие из разряда запрещенных?

— С какой стати ты стал таким любознательным? — поинтересовалась Элен.

— С юных лет, — невпопад ответил Стивен, продолжая заниматься своим делом.

— Оставь бесконечность в покое! — воскликнула Элен.

— Благодарю меня, — сказал Стивен, — что я на данном этапе постигаю ее разумом, а не ощущениями...

— Ах ты, старый развратник! Теперь же твои ощущения будут ущемлены... В особенности, главные три из них...

Элен ласково и осторожно погладила Стивена своими нежными женскими пальчиками.

Стивену безумно понравился этот смелый, как он считал, поступок Элен.

— Какой ты милый! — произнесла Элен. — Ненаглядный мой!

— Что ты такое говоришь, Элен?.. Ты совсем вскружила мне голову!

Оба дурачились и шутили в тон друг другу, понимая, что это — игра, прекрасная любовная игра, понятная только им двоим.

— Быть может, именно этого я и добиваюсь, милый мой, — сказала Элен с обворожительной улыбкой. Ей хотелось Стивена еще. Еще и еще. Она не скрывала этого.

И Стивен Корнуэлл, разумеется, также все понял. Чтобы это донять, ведь вовсе не нужно быть гением, не так ли?

Стивен любил эту женщину. Он любил Элен всем сердцем. Всем телом. Всеми своими чувствами. Любил, как умел. Любил всем своим существом.

Ему нравились эти робкие, застенчивые ласки. Ему нравились эти легкие женские руки. Ему нравились объятия Элен, когда он ощущал прикосновения ее груди к своей груди, ее живота — к своему животу...

— Когда я тебя лишь вижу, и только, — сказал Стивен, — то чувство мое неимоверно возрастает!

— Чудесно, — прошептала Элен.

— Элен, дорогая, — тоже зашептал ей на ухо Стивен, — давай все-таки сначала примем ванну... А потом уже оккупируем спальню...

— Но, Стивен, дорогой!

— Никаких «но»! Мы сначала примем ванну... Вдвоем...

— А как же закон Архимеда? — хитро прищурилась Элен. — Вдруг из ванны выльется вся вода?

— Не выльется, — заявил Стивен Корнуэлл.

— Ты уверен?

— Да.

— Почему?

— Ты требуешь, чтобы я объяснил?

— Нет.

— Что «нет»?

— Не требую. Я просто прошу, — сказала Элен.

— Если просишь, то это совсем другое дело, — сказал Стивен Корнуэлл. — Я объясняю только тогда, когда меня просят.

— Хороший мальчик! — похвалила Элен.

— Сам знаю.

— Ты отклонился от темы, — напомнила Элен.

— Это ты меня сбила.

— Хорошо, — тотчас послушно согласилась Элен. — Это я тебя сбила... Так объясни мне, почему не выльется вода? Ведь тут явное противоречие с законом Архимеда...

— Какая ты умная, Элен... Я иногда просто поражаюсь...

— Ну! Так я жду.

— Я отсутствовал на тех уроках, когда проходили закон Архимеда, — наконец-то высказался Стивен.

Элен расхохоталась:

— С тобой не соскучишься?

— Я это знаю, — самодовольно заявил Стив. — Впрочем, хватит болтать... Мы направляемся на экскурсию...

— Куда?

— Как это — куда? Я тебе уже сто раз говорил: в ванную комнату!

— Ну хорошо. Уговорил, — сказала Элен с нежной улыбкой.

И Элен со Стивеном направились в ванную.

8

На следующий день они уехали в Альпы. Стивен предложил ей немного отдохнуть, развеяться, сменить обстановку. Разумеется Элен не стала звонить ни Аделине, ни Лоли. Перебьются подружки! Нечего им совать нос в ее интимную жизнь. Ее любовь — это ее любовь, и только! Никого другого ее отношения со Стивеном не касаются и ни в коем случае не должны касаться!

На улице небольшого городка Стивен купил связку воздушных шаров и обмотал нитку вокруг запястья Элен. Шары рвались вверх, их относил назад, ветер трепал их и пытался беззастенчиво отобрать у Элен. Вероятно, ему тоже хотелось поиграть с этими шарами.

Стивен тащил Элен за собой, приплясывая. Она бежала следом, словно какая-нибудь собачонка. Возможно, она уже и стала такой собачонкой. Стивен, может быть, уже приручил ее.

Но он еще не знал, так ли это. Можно было проверить. И можно было не проверять. Это кому как больше нравится.

Хотя обычно люди любят проверять свою любовь. На прочность. Чтобы убедиться, настоящая эта любовь или нет.

Элен бежала за Стивеном, спотыкаясь и хохоча. Временами Стивен Корнуэлл оборачивался и обнимал свою подругу. Она чувствовала тогда его властные руки, ощущала исходящий от них запах одеколona «Олд Спайс» и хорошего табака.

«В сексе он требовательнее владельца гарема, — думала Элен. — И он великолепен в постели. Я никогда не предполагала, что могу встретить такого совершенного мужчину, совершенного — для меня одной. В моем понимании. Потому что в моем понимании самый совершенный мужчина — это тот, кто похож на Стивена. У кого такие же достоинства, недостатки, причуды, странности. Такая же ненависть к фальши и такая же любовь к жизни. Это сам Стивен Корнуэлл. Других таких нет нигде».

— У тебя — филигранная техника, отшлифованная опытом, — произнесла Элен вслух. Она решила высказать одну из своих мыслей. Ей хотелось посмотреть, как Стивен отреагирует на сказанные ею слова.

— Чего? — спросил Стивен. — Что ты сказала? Я ничего не слышал.

«Если не слышал, значит, не судьба* — подумала Элен. И поэтому только сказала:

— Это ветер. Все только ветер. Я ничего не говорила. Тебе показалось.

— Показалось так показалось, — пожал плечами Стивен.

«Стивен очень многое умеет делать своим языком, — думала Элен. Она любила раздумывать, когда ходила по улицам. Это была ее старая привычка. Мысли не мешали ей. Она воспринимала и людей на улицах, и автомобили, мчавшиеся по мостовой, и звуки города, и настроение природы. — Он умеет не только болтать. Хотя и болтает он весьма ядовито и далеко не глупо. Он воспринимает мир по-своему. Но в его оценках есть очень много правильного и очень много интересного. А его язык — это вообще чудо. Как умело он находит эту сладкую струночку под ее собственным языком и как хорошо играет на ней? Просто непостижимо! Стивен не отрывает своих губ от моего мягкого, безвольного рта по пятнадцать минут. И — хоть бы хны! Все так славно, так замечательно! Если бывают в любви мастера, то он — настоящий мастер! А ведь в любви они бывают. Это уж абсолютно точно».

Теперь они с Элен шагали по территории городка аттракционов. Тут было шумно и весело. Повсюду — радостные, оживленные, глупые, умные лица. Разные, как и сама жизнь.

— Вот сюда, — сказал Стивен. — Мы идем вот сюда.

— А если я хочу в другую сторону? — сказала Элен.

Стивен даже остановился от неожиданности. Некоторое время он смотрел на Элен, слегка приоткрыв рот. Потом закрыл его, зевнул; мягко, но твердо — в одно и то же время! — произнес:

— Ты хочешь туда же, куда и я. Мы пойдем вот сюда.

И Элен послушно побежала за Стивеном.

Она почувствовала, что в груди ее поднимается волна радости. Окачивается, ей доставляло удовольствие подчиняться Стивену. Ей нравилось подчиняться настоящему мужчине. А говорила она наперекор, вероятно, лишь для того, чтобы убедиться: Стивен и не подумает поспорить с ней и все равно сделает все по-своему.

Так думала Элен.

Тем временем Стивен подвел Элен к колесу обозрения, посадил ее в кабинку.

К колесу обозрения была, разумеется, очередь, но небольшая. Человечек пять-шесть, не больше.

— Эй, парень, — сказал Стивен, обращаясь к хозяину аттракциона. — Я хочу, чтобы моя дама прокатилась одна. Пусть очередь чуть-чуть подождет. Объясни им. Я заплачу.

— Хорошо, — послушно ответил паренек.

Он сделал все, как просил Стивен Корнуэлл.

Кабинка с сидящей в ней Элен начала медленно подниматься. Элен глупо хихикала. В руке она все еще сжимала разноцветные шары. Только теперь она укоротила нить, а поэтому все они вместе с ней поместились в кабинке..

— Знаешь, дружок, — сказал Стивен хозяину колеса обозрения, — я хочу угостить тебя рюмкой водки, или двумя. Двумя рюмками водки. Где здесь ближайшее кафе? Или павильончик?

— Я не против! — воскликнул парень и указал Стивену требуемое направление.

Павильончик оказался практически рядом. В это время кабинка с хихикающей Элен оказалась как раз в самой верхней точке колеса обозрения.

— Ты пока что выключи свое колесо, — предложил Стивен. — На непродолжительное время. Я добавлю к обещанной сумме.

Паренек хитро глянул на Стивена и понимающе подмигнул:

— Заранее с вашей девушкой договорились? Хотите немного почувствовать в нашем городке? Это дело знакомое!

И незамедлительно выключил рубильник. Колесо обозрения тотчас остановилось. Элен оказалась одна в раскачивающейся кабинке. Там, в вышине, над кронами деревьев, у всех над головами.

Сначала она не поняла, что именно произошло. Должно быть, решила, что случилась какая-то поломка. Бывает. Но потом, когда взглянула вниз и увидела улыбающуюся физиономию Стивена, до нее сразу дошло. Этот негодяй просто вздумал над ней подшутить! И как всегда, своим идиотским, экстравагантным образом!

— Эй, Стивен! — закричала Элен. — Что ты вытворяешь, скотина? Сейчас же прикажи включить колесо!

— Знаешь, парень, — тихо сказал Стивен Корнуэлл, наклоняясь к уху хозяина аттракциона, — ты не обращай на нее внимания. Так надо. Все это входит в правила игры.

Тот понимающе поглядел на Стивена, и они оба расхохотались.

Этот смех еще больше взбесил Элен.

— Негодяй! — кричала она с высоты, — идиот несчастный! Ты что себе позволяешь, псих?

— Ничего, дорогая! — сложив ладони рупором, прокричал ей в ответ Стивен. — Ты там посиди немножко, передохни, а то устала что-то в последнее время... А я пойду выпью чашечку кофе тут, рядышком... Я ненадолго... Крепись, дорогая моя...

— Ай-яй-яй! — вдруг закричала Элен, и Стивен досмотрел на нее, улыбаясь. Это кабинка резко качнулась от порыва ветра, а I может, и от движений разволновавшейся Элен. Молодая женщина изо всех сил ухватилась за поручни.

— Ведь я могу отсюда и гребануться, Стивен, ну, Стивен, честное слово! Стивен, сними меня отсюда! Не оставляй меня тут одну!

— Что ты там говоришь, дорогая? — засмеялся Стивен. — Ничего не слышу!

— Кретин! Ну, погоди идиот, подонок, скотина!.. Доберусь до тебя...

— Ничего не слышу, — повторил Стивен, и они ушли в обнимку с хозяином аттракциона.

Когда через четыре-пять минут Стивен вернулся, Элен уже не кричала. Она тихо сидела в кабинке и ждала своей участи. Это понравилось Стиву.

— Ну, включай колесо, — сказал он хозяину аттракциона.

Тот послушно выполнил команду Стивена Корнуэлла.

Стивен расплатился с парнем, щедро сунув ему в руку несколько асигнаций крупного достоинства, даже не пересчитывая их. Парень заулыбался с довольным видом.

Как только Элен очутилась на земле, она вцепилась в рукав куртки Стивена. Он с хохотом попытался увернуться от нее. Побегал. Она кинулась за ним следом.

Так она бежала за ним некоторое время. Стивен все смеялся и смеялся. Он был рад удавшейся шутке, Может быть, и грубой, но все-таки — шутке. Не более того.

Настроение Стива передалось и Элен. Она заразилась им. Сначала улыбались только ее глаза, а потом улыбка заиграла на губах. Затем Элен захохотала дико и необузданно. Так они стояли друг против друга и смеялись.

Элен слегка огрела Стивена связкой шаров по башке. По его нахальной, рокошущей, притягательной, любимой роже.

И вот он обнял ее крепко-крепко, прижал к себе. Земля поплыла у нее под ногами, если бы не объятия Стивена, то Элен могла бы запросто упасть. Шары вырвались у нее из рук. Она отпустила их на волю. И теперь они улетали высоко-высоко, в небеса, поближе к облакам, чтобы там вволю наиграться с шаловливым и в то же время опасным ветром.

— Пускай себе летят, — сказал Стивен, отрывая губы от губ Элен и наблюдая за полетом разноцветных пятнышек. — В атмосфере будет больше бардака.

— Какой ты, однако... — сказала Элен.

— Какой? — переспросил Стивен.

— Сердитый, — сказала Элен, — рассерженный молодой человек.

— Меня еще в детстве рассердили, — пояснил Стивен.

— Кто?

— Дяди и тети.

— Чужие или свои?

— Для меня они теперь — все чужие, — сказал Стивен с горечью. — Хотя когда-то среди них были и свои.

— Почему же все — чужие? Почему они вдруг такими стали?

— Не вдруг, — сказал Стивен Корнуэлл. — Вдруг ничего никогда не происходит. По крайней мере, в реальной жизни.

— Они не любили тебя? — догадалась Элен.

— Да, — Стивен с теплотой взглянул на нее. — Ты права. Они не любили меня. Они старались издеваться надо мной. Они воспитывали меня в атмосфере злобы и ненависти. Все. Все подряд.

— Это ужасно, — сказала Элен.

— Они еще в детстве называли меня злобным карликом, — вздохнул Стивен. — Хотя в то время я никому не делал ничего плохого.

— А потом?..

Стивен пожал плечами:

— И потом я тоже не делал никому ничего плохого. Просто принял правила игры.

— Какие правила игры? Правила игры — чего? — не поняла Элен.

— Правила игры этого мира. Если хочешь выжить, то надо играть по правилам. Те, кто нарушают правила, просто выходят из игры, вынуждены выйти.

— А если не захотят.

— Если сами не захотят, — жестко сказал Стивен, — то им помогут это сделать другие.

— Вероятно, ты прав, — сказала Элен.

— Я прав, — сказал Стив.

— Я никогда не думала об этом, — продолжала Элен. — Жила в совершенно ином мире.

— Многие живут в своих мирах, — вздохнул Стивен. — Но при этом они должны не забывать о том, что миры пересекаются. Причем

независимо от нашей воли и от наших желаний, все маленькие миры маленьких людей непременно пересекаются. Однако, к тому же, все маленькие миры принадлежат одному большому миру. Вот в чем загвоздка!

— В чем, Стив?

— Надо жить так, чтобы твой маленький мир был неотъемлемой частью большого мира. Чтобы он вписывался в него.

— А если не будет вписываться?

— Тогда вылетишь из большого мира к чертям собачьим... Никто ведь и не подумает подстраиваться под тебя... Под тебя одного... Или одну, — добавил он, глянув на Элен.

— А твой мир, Стивен?

— Что — мой мир? — не понял Стив. Элен нечетко выразила свою мысль. Поэтому она поспешила объяснить:

— Твой сумасшедший мир — он вписывается в общую картину мира?

— Да, — уверенно заявил Стивен. — Очень даже хорошо вписывается.

— Почему хорошо, Стив?

— Потому что весь большой мир тоже достаточно безумен. Я даже сказал бы, что этот большой мир намного безумнее моего маленького мирка. По-моему, это видно даже невооруженным глазом.

— Интересно ты рассуждаешь, Стив, — сказала Элен. И внезапно, безо всякого перехода, спросила: — Скажи, а какие воспоминания у тебя остались о школе?

— Да ты, прямо-таки, психоаналитик, — попробовал было отмахнуться Стивен. — Будто мой домашний доктор.

— И все-таки... — настаивала Элен.

Она чувствовала, что Стивен и сам хочет поговорить с ней о себе. В конце концов, хоть с Элен ему нужно было выговориться до конца. Прежде всего, это пошло бы на пользу ему самому. Ведь рассказывая ей о себе, он как бы глядел на себя со стороны. Другими глазами. Глазами другого человека. Глазами женщины, которую он любил.

А любовь... Она ведь не только уничтожает человека. Раньше, чем его окончательно раздавить, она ведь выворачивает ему душу наизнанку, заставляет его обнажать перед другим человеком — любимым человеком — все свои болячки. Причем в любом случае. Хочет он того или не хочет.

Такова любовь — жесткое рентгеновское излучение! Зато правдивое. Хоть и беспощадное.

— Плохие воспоминания у меня о школе, — вздохнул Стивен. — Не любил я ходить в школу. Там все было какое-то чужое. Там все были чужие. Я больше любил общаться с карманниками и бандитами. В районе, где я жил, их было немало. Но, надо честно признать, все они от-

носились ко мне с уважением. По-настоящему любили меня. Никогда не предавали, и я их никогда не предавал.

— Возможно, они чувствовали в тебе настоящий характер, Стив, — подумав, сказала Элен. — Чувствовали в тебе твердость, и мужество, правдивость. Умение ничего и никого не бояться.

— Возможно, — сказал Стивен. — Я всерьез никогда не думал над этим.

— А ты подумай, — мягко сказала Элен. — Это иногда бывает полезно. И уж, во всяком случае, вреда не принесет.

— Вреда-то не принесет, уж точно, — согласился Стив.

— Вероятно, твои барыги поняли, что в тебе есть внутренний стержень, — сказала Элен. — Они поняли, что ты — неплохой человек.

— Да, неплохой, — согласился Стивен. — Я, действительно, неплохой человек, — повторил он. Видимо, эта мысль понравилась ему, и он с удовольствием сделал на ней акцент. — Но я излишне интеллигентен, — неожиданно заявил Стивен. — Вероятно, это из-за моей работы звукорежиссером. Все-таки связан с миром музыки, вращаюсь среди музыкантов, композиторов, певцов, артистов... Словом, среди интеллектуалов... Среди музыкальной элиты... И вот, некоторые принимают мою доброту за мягкотелость, мою вежливость за слабость... И тогда они неверно оценивают меня... Считают меня гораздо худшим человеком, чем я есть на самом деле... Только друзья знают меня по-настоящему и оценивают правильно... Только близкие друзья...

— А много у тебя друзей, Стив? — с улыбкой поинтересовалась Элен.

— По правде говоря, достаточно, — признался Стивен. — Я помогаю им, они помогают мне — это закон. А ты, вероятно, думала, что я начну тебе жаловаться на одиночество... Нет, я не одинок. Сильные люди никогда не бывают одинокими. Одиночество — это удел слабых. А я... Я — сильный человек, Элен.

— Да, — сказала Элен. — Я не могу этого отрицать. Ты действительно сильный человек.

— Может быть, я иногда кажусь тебе злым или жестоким, — продолжал Стивен, — но это только с виду... Только сначала может сложиться такое впечатление. Оно ошибочно, просто, ты знаешь, я принял правила игры этого мира. Я следую им. И буду следовать. Я не собираюсь противопоставлять себя всему миру. Я не из таких. Но и вслепую подчиняться тому, что я считаю неправильным, тоже не буду. Мой принцип — золотая середина.

— В твоём понятии — золотая середина — это балансирование на канате над пропастью.

— Над пропастью во ржи, — усмехнулся Стивен.

— Что? — не поняла Элен.

— Это название замечательной повести одного нашего писателя, Сэлинджера, — пояснил Стивен.

— Я не читала книг этого писателя, — сказала Элен.
— Когда-нибудь возьми в библиотеке и почитай, — сказал Стивен.
— получишь удовольствие.
— Кстати ты заговорил об удовольствиях, — вздохнула Элен. — Ты собираешься меня сегодня кормить?
— Собираюсь, — ответил Стивен. — Сейчас заглянем в какое-нибудь кафе и набьем свои животы разнообразной вкуснятиной.
— А потом?
— А потом еще немного погуляем по городу.
— А потом?
— Потом поедем в отель, — сказал Стивен, догадавшись, на что именно намекает Элен, — где останемся наедине со своей любовью.
Элен радостно засмеялась, услышав именно те слова, которые очень желала услышать.

9

Они проснулись поздно. Зато счастливые и весьма довольные собой. Ночь любви была просто первоклассной. Потом Элен и Стивен отправились позавтракать в ресторан при отеле.
Официант — молодой парнишка — буквально шокировал Стивена и Элен, как только они уселись за столом. Возможно, он был не меньшим оригиналом, чем Стивен.
— Между прочим, — сказал он после того, как принял заказ, — вы сидите на очень почетном месте. Он многозначительно посмотрел на Стивена.
— Да? — лениво процедил сквозь зубы Стивен Корнуэлл.
— Да, — отвечал официант. — Именно ; на этом месте ровно год назад сидел широко известный в наших краях гангстер Крошка Жак. Вы знаете, кто это такой?
— Я иногда читаю газеты, — сказал Стивен. И милостиво разрешил: — Продолжай, гарсон!
— Это была личность во всех отношениях замечательная, — снова заговорил официант. — Одних баб у него было штук двадцать. Это только в нашем городке... А уж по всей стране...
— Не отвлекайся, — строго посмотрел на него Стив.
— Да-да, — поддакнула Элен. — Пожалуйста, рассказывайте. Очень интересно.
— Так вот. Сидел, понимаете ли, тут, и жрал себе все подряд. Все, что приносил ему официант. То есть я. Мне как раз выпала честь обслужить его в тот самый раз... А ел он все то же, что и вы... Ну, точь-в-точь такой же заказ сделал. И его совесть, которая была отягощена сотнями садистских убийств — все знали это — была чиста и спокой-

на. Словно у новорожденного. Вот честное слово, не сойти мне с этого места... Крошка док был гангстер без комплексов. Он прекрасно спал по ночам. Ему никогда не снились кошмары. По свидетельствам женщин, знавших его близко, он был весьма хорош в постели. И у него всегда был отменный аппетит. Он никогда не жаловался на его отсутствие.

Официант сделал небольшую передышку и позволил себе мило улыбнуться. И Стивен с Элен тоже улыбнулись ему в ответ.

— Значит, сидел он тут, жевал себе, смаковал белое винишко, и в этот самый момент, представьте себе, ему вышибли мозги! Напрочь! Разнесли всю черепушку, из крупнокалиберного пистолета, как сейчас помню. Крошка док ужасно удивился и даже чуть не подавился, это в нашем-то ресторане, где готовятся такие прекрасные и изысканные блюда, что ими подавиться просто невозможно!

Выпалив все это, официант круто повернулся на каблуках и быстро исчез.

— Ну малый, дает! — восхищенно воскликнул Стивен. — Какую историю сочинил!

— Может, и не сочинил, — сказала Элен, Она также была удивлена этим необычным рассказом. — Может, такое и на самом деле было.

— Может, и было, — согласился Стивен. — Но все равно этот малый рассказывает это лишь в рекламных целях.

— Разумеется, и в рекламных тоже, — Элен специально сделала ударение на слове «тоже», желая дать понять Стивену, что хоть в такой мелочи она может позволить себе чуток не согласиться со Стивеном. Не в целом, нет, но в незначительных частностях.

— Он ведь в конце подчеркнул, что в этом ресторане — замечательная кухня, и тут ничем нельзя подавиться... — упрямо гнул свое Стив. — Это просто реклама.

— Ладно, это просто реклама, — вдруг согласилась Элен, Ей расхотелось спорить со Стивеном. На пустой желудок обычно спорить никому не хочется. Сначала надо хорошенько поесть. Тогда можно спорить хоть часами.

— Если бы он рассказывал это как отсебятину, — сказал Стивен, — то парнишку уже давно бы вышвырнули из ресторана...

— Ты прав, любимый мой, — обрадованно заявила Элен, потому что увидела официанта, спешащего к ним с подносом, на котором дымились разные вкусные блюда...

Завтрак прошел в молчании. Голод любви был удовлетворен ночью. Израсходовано множество энергии. Теперь нужно было утолить свой зверский аппетит. Восполнить потери, вызванные любовью.

Когда Элен и Стивен вышли из ресторана, часы показывали обеденное время.

— Не пообедать ли нам? — засмеялся Стив.

— Надо потерпеть! — засмеялась и Элен. Прижалась к Стиву, чмокнула его в щеку, спросила: — А теперь? Что мы будем делать теперь?

Ей опять отчего-то вспомнилась рыба. Рыба, которая билась на прилавке под мягкими, но безжалостными руками. Кто из них эта рыба? Она или Стивен? Или они принадлежат к этому рыбьему племени? В конце концов, некоторые утверждают, что все мы вышли из воды, из океана... Что все мы когда-то были рыбами...

«А некоторые, вероятно, так и остались ими, остались навсегда», — подумала Элен.

— Что мы будем делать теперь? — переспросил Стивен и на несколько секунд задумался. — Можно было бы покататься на лыжах...

Он посмотрел на величественные снежные вершины гор, величаво раскинувшихся перед ними. Спокойных, гордых, непоколебимых. Шли века. Протекали тысячелетия. Горы все так же величаво и торжественно, как и много раньше, молчаливо выполняли одну им только известную миссию на этой земле. Миссию всеобщего очищения от фальши и скверны.

— Но для этого мы слишком плотно позавтракали, — окончила за него мысль Элен.

— Поэтому прогулку на лыжах отложим до следующего раза, — сказал Стивен. — А сейчас мы просто пройдемся по городу.

— Хорошо, — согласилась Элен. Стивен щелкнул пальцами, и швейцар, мгновенно поняв этот жест, остановил проезжавшее мимо такси.

Стивен дал швейцару «на чай», и они с Элен уселись на заднем сидении.

Волосы Элен были растрепаны ветром. Она не стала поправлять прическу. Она должна нравиться Стивену разной, какой бывает в разные часы, разные дни, разные ночи, разное время. Элен протянула руки и обняла Стивена за шею. Он и не пытался уклониться. Напротив, с удовольствием прижался к ней.

Целовал до боли, кусал ей губы до крови, облизывал щеки. Вот его рука скользнула по ее телу и начала нежить его.

Элен вторила Стивену, ответными ласками. Рука ее коснулась его горячего, возбужденного тела. Она оплела его руками и ногами — живыми, нерасторжимыми узами.

Вспышка жестокой, яростной и безумной любви настигла их одновременно. Всклипывая, Элен прижалась мокрым от слез и нота Лицом к остро пахнущей зеленым луком и душистым перцем груди Стивена. Возможно, все эти запахи придумала сама Элен. Может быть, из-за того, что любовь к Стивену была такой же острой и такой же естественной, как эти дети природы — лук и перец.

Стивен теперь мягко поглаживал Элен по голове.

Таксист профессионально делал вид, что ничего не замечает.

Машина остановилась у центрального магазина. Влюбленные вышли из салона и направились в магазин. Тут Стивен Корнуэлл начал выбирать для Элен платье. Он выбирал его медленно и вдумчиво, неторопливо и деликатно. Элен не могла скрыть своего восхищения, когда наблюдала за тем, как Стивен выбирает для нее платье. Придирчиво и со знанием дела. Будто бы он всю жизнь только и делал, что выбирал женщинам платья. Будто бы его отец был знаменитым кутюрье и передал сыну свою непревзойденную манеру выбирать платья для женщин. Стивен выбирал платье со знанием, избалованным богатым опытом.

Это немного не понравилось Элен. Она смотрела на Стивена с легкой грустью. Продавщица наблюдала за манипуляциями Стивена Корнуэлла с вежливым недоумением. Однако, кажется, и на нее подействовали его непреодолимое обаяние, его постоянная полуулыбка, его хитрое лицо, его лукавые глаза, как бы говорящие: «Вот он, я, перед вами, но попробуй-ка пойми меня, догадайся, что у меня на уме».

Что-то в нем было не таким, как у тех людей, с которыми Элен привыкла общаться до знакомства со Стивеном. Чем-то он был не похож на всех остальных людей, и вовсе не тем, что не принимал фальшь этого мира и боролся с ней, как только мог. Что-то было в нем еще, неясное для Элен.

Но вот что именно? Этого она никак не могла понять. Возможно, и не поймет никогда. Никто не может знать заранее, что ему будет дано понять в этой жизни, а что — так и останется навсегда, непонятым, неразгаданным, неясным, тайной за семью печатями.

«Нет, — внезапно подумала Элен. Ее словно озарил луч света в кромешной тьме. Именно с такой картинкой могла сравнить Элен неожиданно возникшее в ней чувство. — Нет-нет, они со Стивеном вряд ли смогут навсегда остаться вместе. Несмотря на всю их любовь, несмотря на таинство их отношений, несмотря на их безудержную сексуальную тягу друг к другу, несмотря на то, что они любят друг друга фактически постоянно и непрерывно, и при этом все никак не могут насытиться друг другом... Как ни напоминал себе, что я ему полностью сдалась, сдалась и отдалась, и сердцем, и душой, и телом, полностью и окончательно, и принадлежу ему вся без остатка, а он-то никогда не будет принадлежать мне весь. До конца. Так, как я ему. Он рассматривает меня просто как вещь. Вот! Может, это и есть то самое, что отличает его от всех других людей, которых я знала до него? Вещь... Подумать только! Я — вещь. Обыкновенная вещь. Которую можно поставить на полку. Которой можно любоваться некоторое время. Которую можно выкинуть на помойку. Потому что вещь эта безраздельно принадлежит лишь одному человеку. Лишь ему одному, и больше никому в этом ужасном, прекрасном, здоровом, больном мире! У меня на Стивена нет ни малейших прав, у него на меня есть все права. Я — его собственность. А собственность есть собственность. Это ясно каждому. Даже круглый идиот хорошо знает, что означает волшебное слово

«мое»! Как это ансамбль «Битлз» назвал одну из своих самых популярных песен? «Я, мне, мое...». Я точно вспомнила. Какие они все-таки были молодцы! А Огивен Корнуэлл... Стивен владеет ею полностью. Безраздельно. Он — хозяин и господин. А она — бесправная рабыня. Он владеет ею так, как она никогда не смогла бы владеть ни собой, ни кем-либо другим. Это ей теперь стало совершенно ясно! Но сколько же времени понадобилось, чтобы это понять! И, самое интересное в том, что, несмотря на все эти рассуждения, несмотря на все эти доводы разума, я продолжаю любить его! Я продолжаю любить моего Стивена! Чувства мои побеждают в борьбе с доводами разума. Не знаю... Ничего не знаю... Может, так не должно быть... А может, и должно...»

— Примерь вот это платье, — сказал Стивен. — Я уверен, это именно то, что тебе нужно.

Элен послушно направилась в кабинку. Осмотрела себя в зеркалах. Зеркала подарили ей еще трех Элен. Теперь их стало целых четыре. Четыре... Или четверо? Как правильно говорить?.. Неважно.

Четверо — или четыре — Элен, молодые женщины по имени Элен, в одинаковых платьях, с одинаковыми выражениями лиц, с одинаковыми ногами и одинаковыми растрепанными волосами стояли в примерочной кабинке. Словно женщины на распутье, им предстояло выбрать дальнейший путь. Каж-дои предстояло выбрать свою дорогу.

«Одна пойдет налево, вторая — прямо, третья — направо, а четвертая — назад... Да. Назад... куда же еще? Больше некуда! — подумала Элен. И вздохнула.

— Ты вздыхаешь? — сказал Стивен Корнуэлл и вошел в кабинку. — Не вздыхай, дорогая, Это великолепное платье! Лучшего и в Париже не сыскать! Элен с явным удовольствием продемонстрировала Стивену синяк на своем локте.

— Тебе это ни о чем не говорит? — поинтересовалась она.

— О чем мне это может говорить? — удивился Стив.

— О сегодняшней бурной ночи в отеле, — сказала Элен. ,

— О вчерашней, — поправил ее Стивен.

— Ну хорошо, — согласилась Элен. — О вчерашней ночи. Ты столь бурно любил меня, что никак не мог обойтись без этого синяка.

— Подумаешь, синяк! — воскликнул Стивен. — Чепуха!

— Если так и дальше пойдет, — задумчиво произнесла Элен, то тогда я вся буду пестреть такими синяками... А в одно прекрасное время вообще могу превратиться в один гигантский лиловый синяк!

— Можешь, — не стал разубеждать ее Стив. — Но ведь любовь требует жертв, не так ли?

— Может, и требует, — сказала Элен. — Но я не хочу, чтобы жертвы эти наблюдались только с одной стороны...

— То есть... — сделал вид, что чего-то не понимает, Стивен Корнуэлл.

— Я не хочу быть только жертвой, — сказала Элен. — Я не хочу только приносить себя в жертву. Иногда я хочу, чтобы жертвами были и другие...

— Но не я, — быстро сказал Стивен. — И не надейся. Со мной этот номер не пройдет.

По всему было видно, что он обиделся.

Но Элен понимала, что рано или поздно она должна была начать этот разговор. В конце концов, в отношениях между влюбленными наступает момент, когда надо выяснить все начистоту. Сказать другому всю правду. Все, что думаешь на самом деле. И о себе, и о своем партнере. Только так. Иначе поступать нельзя. Да иначе не получится.

У влюбленных могут быть тайны друг от друга совершенно в иных вещах. Но только не в самой любви! Любовь не может стоять на месте. Она должна постоянно развиваться, Если же она застывает, то это не любовь. Тогда это лишь иллюзия. Обман.

— Ладно, — вздохнула Элен. — Я тебя поняла...

Стивен не стал углубляться в тему разговора. Не стал выяснять отношений. Не стал говорить о жертвенности. О надеждах. Ну и о многом другом, о чем мог бы сказать. Или не сказать. Он предпочитал не говорить сейчас о таких вещах.

— Примерь мое искупление за твой синяк, — сказал Стивен Корнуэлл. — И будь счастлива...

Платье выглядело прекрасно, розовое, нежное, с миниатюрными звездочками. У Элен никогда раньше не было такого красивого платья. В этом Стивен был прав: подобного платья не сыскать и в Париже.

— Я попробую, — ответила Элен.

— Тебе нравится платье?

— Да.

— Оно хорошее.

— Оно просто замечательное. Оно просто не может не нравиться. Это я должна сказать честно.

— Мы возьмем его, — сказал Стивен. Они вышли из примерочной кабинки.

— Заверните, — бросил Стивен Корнуэлл продавщице. — Упакуйте. Застегните. Положите в чемодан.

Продавщица округлила глаза и недоуменно воззрилась на Стивена. Она не сразу сообразила, что происходит. Впрочем, ведь нельзя слишком многого требовать от обыкновенной продавщицы...

— Это он так шутит, — пояснила продавщице Элен.

— Ага, — мило, по-деревенски ответила девушка и даже постаралась улыбнуться. Но улыбка получилась у нее натянутой. Видимо, продавщица не привыкла к столь оригинальным клиентам. Провинция есть провинция. Это же не столица Франции...

— Интересно... — сказала Элен, когда они со Стивеном покинули магазин. Каблочки туфелек Элен звонко цокали по бетонным плитам тротуара. Цок-цок-цок выбивали они свой нехитрый ритм.

— Что тебе интересно, дорогая? — Стивен повернул к ней голову, его лицо озаряла лукавая улыбка. В глазах вспыхивали и гасли звездочки обаяния. Словно кто-то невидимый нажимал на клавиши необычно-го инструмента: свет-тьма, день-ночь, свет-тьма. ..

— Интересно, ты о других женщинах заботился точно так же, как и обо мне? Или нет?

— Или нет, — незамедлительно ответил Стивен. — Или да. Или опять нет, или снова да...

— Ну скажи, — просила Элен.

— Не скажу, — отвечал Стивен.

— Почему?

— А какая разница?

— Есть, есть разница! — настаивала Элен.

— Для тебя может и есть, — сказал Стивен. — А для меня — нет. Внезапно он остановился посреди улицы и щелкнул Элен по лбу. Потом еще и еще. Он «подарил» Элен три щелбана. Прохожие удивленно оглядывались на странную парочку.

Элен глупо улыбалась. Она стояла на тротуаре и глупо улыбалась. Вид у нее был растерянный. Она не знала, как ей поступить. Но сердце подсказало ей правильный ответ. Она не стала кричать, плакать и топтать ногами. Она не стала закатывать истерику. Она только тихо сказала Стивену:

— Ты псих, Стив. Форменный псих. Теперь-то я это знаю точно. Но я прощаю тебя. Я прощаю тебя, потому что я тоже психованная. Иначе я не была бы сейчас рядом с тобой, иначе я давно бы от тебя ушла.

Она шагнула к нему навстречу. И Стивен заключил ее в свои объятия. Он поцеловал ее долгим, нежным поцелуем. Очень и очень деликатным. Как в тот, первый, самый первый их счастливый день.

Элен целовала Стивена совсем другим поцелуем. Она целовала его так, как целовала тогда, когда простила его за грубую шутку с колесом обозрения.

Стивен и Элен наконец разжали объятия. Отстранились друг от друга, переводя жаркое дыхание.

Элен машинально поглядела направо, и Стивен перехватил ее взгляд. Оба они смотрели на ратушу. На ратушу, у которой они остановились. Эта ратуша, хоть и была старой, но выглядела необычайно притягательно. Элен задрала голову вверх. И Стивен тоже задрал голову. Они увидели часы. Там, на ратуше, на самой ее верхушке.

— Пойдем? — Стивен потянул ее за руку.

— Куда? — удивилась Элен.

Она не знала, куда он ее приглашает. Сначала не могла этого понять. Просто стояла и смотрела на красивую ратушу.

— Ты никогда не хотела оказаться внутри часов? — поинтересовался Стивен. — Никогда не мечтала об этом?

— Мечтала, — призналась Элен. — Особенно, когда была маленькой...

— Это очень важно — оказаться внутри часов, — с серьезным видом заявил Стивен. — Можно будет всему миру диктовать свое время... Так пойдем же... Я тебе покажу что-то интересное.

— Что ты мне покажешь, Стив? — Элен послушно следовала за ним. Стивен настойчиво тянул ее за руку. — Что покажешь?

— Сама знаешь, что, — деловито отвечал Стивен. — Много чего интересного внутри... и в этой башне с часами, да и вообще... Вообще внутри...

Они торопливо поднимались по крутой винтовой лестнице. Элен слегка задыхалась. Стивен тоже немного задыхался. Стены, ка-залось, нависали над ними, крутились в нескончаемом хороводе, завораживали однообразием.

«Наверное, это очень жутко — быть замурованной, — подумала Элен. — Я не хотела бы быть замурованной. Не завидую тем, кто через это проходит».

Наконец безумные влюбленные оказались на небольшой запыленной площадке. Тут было не очень светло. Точнее, царил полумрак.

— Стив! — воскликнула Элен. — Стив! — повторила она, потому что он сразу не ответил.

— Да, дорогая, — наконец, сказал Стивен.

— Мне страшно...

— Страшно?

— Да.

— Это хорошо, — сказал Стивен. — Человек должен иногда испытывать страх, иначе он позабудет о том, что он — человек.

Вовсю работали, стучали, скрипели, звенели, скрежетали громадные шестерни. Стонали, словно живые существа, в наказание за какую-то провинность замурованные в этом страшном месте, навеки. Часы жили своей жизнью. Обособленной, замкнутой, полностью отделенной своим ритмом от всего остального мира. Словно невидимой пульсирующей стеной. Каждая шестерня занималась своим делом.

— Что напоминает тебе эта картина?

— Бег времени, — ответила Элен. — А тебе?

— То, как мы любим друг друга, — улыбнулся он. Улыбка у него была какой-то дикой, первобытной, необузданной. В глазах зажглись бешеные желтые огоньки. Ноздри раздувались, словно из легких Стивена вырывался неизвестно каким образом проникший туда и поселившийся там ветер.

— Ясно, — сказала Элен.

— Мне нравится, как эти шестерни входят в зацепление, — добавил Стивен. Элен моментально поняла Стивена.

Стивен подхватил стремительно и бешено Элен, прижал к себе. Они целовались во время своей неповторимой любви. Любви горячей, страстной и неуправляемой. Эта любовь не подчинялась никаким часам на свете. Элен и Стивен с какой-то первозданной жадностью торопливо насыщались друг другом. Они напоинали двух загнанных лошадей, у которых «на все-про все» оставалось весьма мало времени. Время не принадлежало им. Они воровали его по кусочкам и потом тайком или на виду у всех или еще никто не знает как — наслаждались ворованным!

Мысли кружились, мешались. Сознание померкло...

«Возможно, так надо, — неожиданно подумала Элен. — Выждать некоторое время. Чтобы рыба оказалась на крючке. Наша любовь — это рыба... Рыба на крючке...

Она начала усиленно отгонять от себя это сравнение. Но оно с удивительной, невероятной назойливостью все лезло и лезло в голову. Стивен и Элен разняли объятия. Выпустили друг друга на волю, на свободу. Они не говорили друг другу ни единого слова,

Стивен начал торопливо одеваться, Элен последовала его примеру. Она оделась быстрее, чем он. Он никак не мог попасть ногой в штанину. И, видимо, из-за этого страшно разозлился. Пришел просто в неопишное бешенство. Таким Элен еще никогда его не видела!

Стивену все-таки удалось натянуть брюки. Но лицо его перекосила гримаса дикой злобы, губы выгнулись, словно та злополучная рыбина на прилавке, в глазах вспыхнул настоящий пожар...

Элен не успела сообразить, что же все-таки происходит, а Стивен, вытащив брючный ремень, изо всех сил уже лупил Элен. Он старался, чтобы все удары достигли цели, но смог достать до нее только дважды. Вдруг, неудачно размахнувшись, он зацепился за какую-то металлическую деталь этих гигантских часов, оступился и... И полетел вниз. Вниз — с ратуши. На землю. Домой.

Элен вся дрожала. Все произошло так быстро, так стремительно, так неожиданно! Боже мой?... Стив... Ее Стив... Ее любимый Стив разбился... Разбился насмерть...

Элен в эту минуту не думала о том, что Стив только что в припадке безотчетной ярости избивал ее. И вполне мог бы убить. Да. Могло произойти и такое.

Но вмешалась сама судьба. Она спасла Элен. Правда, Элен сейчас не думала об этом.

Она чуть ли не кубарем скатилась с винтовой лестницы вниз, едва не переломав себе ноги. Надеялась на чудо... А вдруг... А может быть...

Но чуда не произошло. Стивен Корнуэлл был мертв. Его тело лежало на асфальте.

Элен старалась не смотреть в ту сторону.

Появился полицейский. Он спрашивал, как все случилось.

Никто не мог сказать ничего определенного. Просто человек разбился — вот и все. Такое бывает.

Элен медленно, будто на ватных ногах, добрела прочь. Прощаться со Стивеном Корнуэллом теперь не имело смысла, это было бы, словно прощание со статуей — не более того.

В отеле они были записаны под вымышленными именами. Стивен сам так захотел.

Не заходя в отель, Элен села на ближайший автобус и отправилась в Париж.

По дороге ее одолевали разные невеселые мысли, но что она могла с ними поделать?

В конце концов, подумала она, Стивен сам разрушил эту любовь. Хотя, если б он только захотел, он мог бы ее сохранить. Впрочем, точно этого никто не знает. Может, и не мог бы. Может, если б он жил как все, серым и незаметным, а не на сплошном надрыве, то такой сильной и безумной любви и не было бы. Никто этого определенно не знает. Теперь можно только предполагать и строить всякие версии.

И все-таки Стивен очень многому научил Элен. Ясно одно: его уроков она не забудет никогда.

В Париже ее ожидали подруги — Аделина, Лоли, другие девушки. Ее ждали товарищи-студенты. Ее ждали всякие ее иные знакомые.

Наверное, Никола вместе со своей рок-группой уже вернулся из Италии. Возможно, возвратился из Америки Джон. Она объяснит ему, как погиб Стивен Корнуэлл. Скажет, откуда должны забрать его тело, чтобы похоронить на родине, в Соединенных Штатах. А может, оставить во Франции...

Все все поймут. В этом Элен не сомневалась.

Кроме, разумеется, безумной любви.

Никто не поверит, что такая любовь на свете существует.

Их отношения со Стивеном сочтут просто дружбой. Просто деловыми отношениями. Ведь они же со Стивеном Корнуэллом все-таки записали великолепный альбом!

Возможно, этот альбом станет событием в музыкальной жизни Франции. Элен очень хотелось бы в это верить. Вера помогает человеку жить.

Элен уютнее устроилась в кресле. Автобус мчался сквозь пространство и время.

Элен возвращалась к своей пресной любви, к своим пресным делам, в свой пресный мир.